

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

Садилова Алена Викторовна

**ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В
ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКАХ В 2000-е годы**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
д.и.н., профессор
Л.А. Фадеева

Москва 2017

Содержание

Введение	3
Глава 1. Интернет как коммуникационное пространство взаимодействия власти и общества	17
1.1 Теоретико-методологическое осмысление современных политических интеракций через Интернет-практики	17
1.2 Современные политические коммуникации: хронология развития Интернет-практик и их отличия от технологий offline-политики	33
Глава 2. Практики российской общественности в Интернет-пространстве	48
2.1 Анализ современных гражданских Интернет-практик в РФ как инструмента воздействия на власть	48
2.2 Проблемные аспекты гражданских Интернет-практик	74
Глава 3. Инициативы власти в Интернет-пространстве.....	88
3.1 Трансформация современного государства: от представительной к новым формам демократии	88
3.2 Развитие электронного правительства в РФ как коммуникативно-управленческая Интернет-практика.....	94
3.3 Государственные Интернет-практики диалогности и регулирования коммуникаций в Сети	112
Заключение	135
Список литературы диссертационного исследования	141

Введение

Актуальность темы исследования. Результаты информационной революции оказали большое влияние на формат политических коммуникаций. Благодаря созданному электронному пространству, к процессу коммуникации подключились миллионы людей. Интернет стимулировал проявление новых моделей и каналов коммуникационного взаимодействия, изменил организацию политического диалога власти и общества. Интернет-пространство за последние годы существенно политизировалось и перестало быть только площадкой для традиционных межличностных интеракций.

Общественность и власть активно используют Интернет-технологии для реализации собственных политических задач. Взаимодействие власти и общества на разных Интернет-площадках формирует такую форму интеракций, которые можно назвать Интернет-практиками. Подобные Интернет-практики приобретают существенное значение в политическом процессе.

В политической науке нередко распространена практика рассмотрения политических коммуникаций online и offline как принципиально различных процессов. Между тем, Интернет-практики, обладая специфическими чертами, могут влиять на политический процесс и оказывать воздействие на формирование offline-политики. Вопрос о влиянии online – практик на реальный политический процесс в сфере политической науки был поднят относительно недавно. Как выяснилось, само влияние online – практик не столь однозначное, как представлялось в начале 2000-х годов. Эффект от реализации Интернет-практик напрямую зависит от целеполагания политического актора Интернет-практики с самого начала своего формирования явились стимулятором гражданской активности. Однако, обнаружили заранее не спрогнозированные эффекты от использования Интернет-практик в виде фейков, слактивизма и пр.

Сейчас Интернет-практики во взаимодействии власти и общества приобретают новую роль и значимость. Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к тому, что сегодня публичное пространство максимально расширилось, стало более открытым и доступным для различных политических акторов, в т.ч. неинституциональных. Появились новые акторы, отличающиеся от «традиционных общественников» и получившие название электронного гражданского общества, т.е. те активисты, которые ведут свою деятельность преимущественно через Интернет-площадки. Это выразилось в появлении ряда гражданских краудсорсинговых проектов, проектов мониторинговой демократии, в организации делиберативных площадок для взаимодействия общественности, органов власти и т.д. В отличие от пространства offline-политики государство в Интернете не занимает доминирующего положения.

В связи с этим становится актуальным пересмотр взглядов воздействия Интернет-практик на общественно-политическую сферу, анализ взаимодействия власти и общества через Интернет-практики, а также характеристика соотношения технологий Интернет-практик и offline-политики.

Степень разработанности научной проблемы.

Взаимодействие между властью и обществом является одной из центральной тем политической науки в целом и ее составляющих (политической социологии, политического менеджмента, политической психологии и т.п.). В работах зарубежных классиков отражены проблемы соотношения политического и публичного, поиска баланса между государственным доминированием и свободным развитием гражданских инициатив и сообществ (А. Токвиль, Х. Арендт, Р. Даль, Ю. Хабермас, Д. Дьюи, Д. Коэн, Р. Эйстоун, Ф. Фукуяма и т.д.). В изучение процессов формирования гражданского общества и публичной политики серьезный вклад внесли труды российских ученых С.П. Перегудова, Л.В. Сморгунова,

Ю.А. Красина, О.В. Гаман-Голутвиной, Л.И. Никовской, П.В. Панова и многих других¹.

На протяжении последнего полувека проблематика политических практик активно разрабатывалась разными школами политической науки и смежными социогуманитарными направлениями исследований. Существенную значимость для данной работы имеют труды по политической коммуникативистике (Г. Лассуэлл, Д. Цитром, Г. Блумер, Т. Парсонс, Г.Алмонд, Дж.Хоманс, Э.Гидденс)², теории информационного общества и электронной демократии (М. Кастельс, Л.Гроссман, Д. Белл, Э. Тоффлер, Й.Масуда, П. Друккер, Т. Стоуньер, Г. Рейнгол, П. Норрис, А. Беншоп, К. Агитон, Дж. Фишкин, Дж. Бассет, Дж. Драйзек)³.

Вопросам политической субъектности общественности и отдельным характеристикам отношений власти и социума, а также факторам, влияющим на изменения в развитии социально-политических процессов, посвящены исследования М.Н. Грачева, Л.Н. Тимофеевой, А.И. Соловьева, В.Я. Гельмана, А.В. Зайцева, Н.А. Баранова, К.А. Сулимова, И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, О.Ю. Малиновой, Е.В.Морозовой, В.В. Лапкина, Л. Волкова и Ф. Крашенникова и пр.⁴ В их трудах проанализировано значение политической коммуникации в общественно-политических отношениях, проведена верификация западных подходов применительно к российским условиям.

1 Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. - М.: Наука, 2003; Государственная политика и управление: в 2 ч. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006; Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Публичная политика в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

² Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / Bryson J.(ed.).The Communication of Ideas. N.Y.: The Free Press, 1948; Czitrom, D. J. Media and the American mind: From Morse to McLuhan. -Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1982; Blumer H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism. In: Blunter H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969.

³ Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1989; Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N. Y.: Viking Penguin, 1995; Norris P. Public Sentinel: News Media and the Governance Agenda. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EXTGOVACC/Resources/PublicSentineleBook.pdf> (дата обращения - 12.12.2014); Benschop A. NetActivisme en WolkBewegingen. URL: <http://www.sociosite.org/wolkbewegingen.php> (дата обращения - 06.09.2014)

⁴ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М.: Прометей, 2004;Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления / Л.Н. Тимофеева // Политические исследования. 2009. №5. С.41 - 54.

Применение ИКТ в государственном управлении актуализировано в научно-исследовательских трудах Е.Г. Дьяковой, А.Д. Трахтенберг, А.И.Быкова, Ю.В. Ирхина, Д.Г. Балужева, О.В. Михайловой, Н.А. Рябченко, Е.А. Троицкой, М.С. Вершинина, Т.П. Ворониной, Ю.А. Нисневич.⁵

Современные тенденции влияния Интернет-практик на российский политический процесс и публичную политику отражены в работах С.Г. Туронка, И.В. Мирошниченко, С.В. Володенкова, О.Ф. Волочаевой, В.В. Огневой, А.В. Зайцева, Н.С. Бондарева, А.В. Соколова и т.д.⁶ Кроме того, в трудах И.А. Бронникова и В.И. Буренко анализируются такие важные вопросы, как складывание и развитие электронного гражданского общества, сетевой подход к политике и управлению. Исследованию протестной деятельности 2011-2012 годов, инициируемой российской общественностью в социальных сетях, посвящены работы О. Журавлева и И. Соболевой, О.Ю. Лобановой, А.В.Семенова, Д. Волкова, В.Е. Карастелева, Т.Е. Ворожейкиной, К.В. Подъячева и пр.

Проблемные стороны Интернет-практик, новые формы активности (слактивизм, фейки, политмобы, онлайн-петиции и пр.) общественности и власти характеризуются в публикациях Е. Морозова, Г. Рейнгольда, К. Мартынова, С.Н. Ильченко, Г.Н. Горошенкова, С.Н. Федорченко, О.Я. Ямельницкого, К. Ширки⁷.

Разным аспектам взаимодействия власти и общества через Интернет-практики посвящены диссертационные исследования Н.С. Бондарева, С.В.

⁵ Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура?// Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. №11. С.253-270; Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013; Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001.

⁶ Туронк С.Г. Интернет и политический процесс// Общественные науки и современность. 2001. №2. С. 51-63; Мирошниченко И.В. Публичная политика в современной России: состояние и тенденции развития// Человек. Сообщество. Управление. 2012. №3. С. 4-14; Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций// Вестник Московского университета. 2016. №2. С.21-34

⁷ Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: PublicAff airs, 2011; Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. - Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

Пономарева, В.В. Павленко, Э.И. Авзаловой, Д.С. Абрамовой, Л.Р. Посикера, М.Ю. Павлютенковой и пр.

Таким образом, в настоящий момент научная база по теме современных online - коммуникаций сформировалась и активно пополняется новыми научными работами, в которых анализируются, в том числе и политические Интернет-практики. Данное исследовательское направление существенно обогащает политологическое знание, позволяя более адекватно отразить нынешние социальные тенденции в сфере общественно-политических отношений и государственной политики.

Проблематика online – взаимодействий политических акторов предполагает синергию подготовленной научно-исследовательской базы политической коммуникативистики, теорий информационного общества и новых взглядов на государственную политику и управление политическими процессами. При этом анализ технологий взаимодействия власти и общества через Интернет-практики остается актуальным научным вопросом, потому что сами практики технологии постоянно меняются, модифицируются, становятся более разнообразными и, вместе с тем, меняется их влияние на политический процесс.

Под политическими технологиями в данном исследовании понимается совокупность приемов и методов, которые используются политическими акторами для решения и достижения политических задач. В силу постоянного обновления и возникновения новых форм, типов политических интеракций в Сети, эти технологии являются крайне динамичными. Требуется дальнейшая теоретическая разработка проблемы взаимодействия власти и общества, с учетом происходящих изменений в Интернет-пространстве. В анализе этого взаимодействия нередко используется понятие Интернет-площадок, которое означает конкретные ресурсы, как то: делиберативные площадки, ресурсы электронного правительства и пр.

Для углубления такого анализа представляется целесообразным разработать и верифицировать понятие Интернет-практик, понимаемых как форма взаимодействия политических и гражданских акторов в Интернет-пространстве, выражаемая в создании или изменении Интернет-ресурсов в конкретных социально-политических целях. Интернет-практики могут включать Интернет-площадки, но не исчерпываются ими, поскольку содержат процесс взаимодействия, который может выразиться в создании конкретных Интернет-площадок или иметь иные результаты. Интернет-практики – более широкое понятие, в то время как Интернет-площадки – Интернет-ресурс, решающий конкретные цели.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования является взаимодействие власти и общества.

Предмет исследования – технологии взаимодействия власти и общества в российских Интернет-практиках в 2000-е годы.

Цель работы – оценить динамику институциональных и процессуальных компонентов интерактивного взаимодействия власти и общества и потенциал их влияния на политический процесс современной России.

Для достижения поставленной цели исследования обозначены следующие **задачи**:

1. Раскрыть содержание исследовательских позиций в отношении проблематики общественно-политических коммуникаций;
2. Операционализировать термин «Интернет-практики» и раскрыть его возможности применительно к анализу современного политического процесса;
3. Определить и описать уникальные компоненты Интернет-практик, их отличия от инструментов современной offline-политики;

4. Охарактеризовать типичные Интернет-практики, используемые российской общественностью (электронным гражданским обществом) для воздействия на власть, потенциал их влияния на политический процесс;
5. Дать характеристику и оценить Интернет-практики российских политических партий и исполнительной власти по созданию собственных социальных сетей как площадок общественного взаимодействия;
6. Проанализировать опыт создания российской властью Интернет-площадок и оценить результаты апробации новых делиберативных и мониторинговых Интернет-практик.

Гипотеза исследования заключается в том, что с момента широкомасштабного проникновения Интернета в нашей стране начинают происходить сдвиги в структуре выстроенных взаимосвязей властных институтов и общественности.

Развитие институциональных и процессуальных компонентов взаимодействия государства и сетевой общественности характеризуется противоречивыми тенденциями: полярная векторность использования Интернет-практик акторами (кооперация/конкуренция); сложность и неоднозначность эффектов применения Интернет-практик в политическом процессе (конструктивный/деструктивный эффект).

Электронные ресурсы и площадки выступают основой для практической реализации активности и участия общественности, нередко становятся опорой оппозиционных сил и носят открыто протестный характер по отношению к проводимому политическому курсу. Использование возможностей новых электронных площадок активистами стало толчком к осознанию значимости Сети государственными акторами.

За последние годы Интернет-практики оказывают все более серьезное влияние на общественные отношения и проводимую offline – политику. Трансформация политической коммуникации, появление новых акторов в Интернет-пространстве, угрожающих субъектной монополии государства,

ведут к необходимости переоценки установившегося понимания взаимоотношений власти и общества.

Хронологические рамки: исследование включает временной промежуток с 2000-го до конца 2015 года. Определение нижней временной границы данного периода обосновано несколькими причинами:

1. Наблюдается бурное развитие Интернет-коммуникаций. Интернет-пространство переходит в ряд значимых факторов влияния на процессы в мире, в том числе и в нашей стране;
2. Процесс Интернет-коммуникаций подвергается интенсивному теоретико-методологическому осмыслению в академическом мире, в т.ч. и политической науке;
3. С начала 2000-х годов Россия появляется в международных рейтингах по оценке готовности к информационному обществу (ООН), развития ИКТ (МЭС) и т.п.

Верхний временной предел ограничивается 2015 годом, т.к. 2016 год ознаменовался в России новым электоральным циклом, который целесообразнее изучать как отдельный кейс с собственной спецификой.

В качестве **теоретико-методологической базы** выступают несколько взаимодополняемых подходов, что объясняется характером поставленных в работе задач и соответствует предмету исследования. Сам процесс политического взаимодействия акторов рассматривается через призму методологии коммуникативистики. Так в части анализа делиберативных площадок опора делается в основном на понимание коммуникации как процесса достижения консенсуса, предложенное Ю. Хабермасом. Это позволяет выявить специфику коммуникационных взаимодействий государственных акторов, выстраивание контактов с гражданскими активистами. При анализе характеристик сетевых коммуникационных практик автор обращается к теории коммуникации Н.Лумана, особенно в части изучения аутопойезиса Сети.

Для понимания современной роли государства в социально-политической сфере, представления о новой расстановке сил и появлении дополнительных акторов в условиях складывающегося информационного пространства применяется сетевой подход. Данный методологический инструмент, отраженный в работах Т.Берцеля, Д.Ноука и отечественного исследователя Л.В. Сморгунова, позволяет обнаружить сущностные черты новой публичной сферы, рассмотреть Интернет-практики как связанное коммуникационное поле.

В качестве методологии исследования использованы концепции электронной демократии и информационного общества М. Кастельса, Л. Гроссмана, Э. Тоффлера для учета специфики изменившейся под воздействием ИКТ политико-социальной действительности. В качестве инструмента анализа состояния Интернет-технологий и анализа корреляции между российскими результатами апробации технологий и зарубежным опытом применяются методы компаративистики.

Эмпирическая база исследования представлена многообразием электронных ресурсов, среди которых: сайты органов федеральной, региональной власти и муниципалитетов; сайты политических партий («Единая Россия», «Справедливая Россия»), популярные социальные сети (Facebook, Вконтакте и т.д.), социальные сети политических партий («Берлога», «Соратники»), социальные сети исполнительной власти РФ и зарубежных стран (Госбук, Регионалочка, Govloop, GCPedia и др.), сайты гражданских инициатив (проекты: «С миру по нитке», «Непофигизм», «Svem.ru», Change.org»), проекты, инициированные общественностью с целью контроля за властью (РосПил, РосЯма, РосЖКХ и пр.), сайты делиберативной демократии и т.д.

Важными источниками являются материалы официальной статистики, аналитические оценки экспертов по проблемам сетевого общества, международные отчеты по развитию ИКТ, данные социологических

исследований (ФОМ, Левада-Центр ВЦИОМ), а также материалы социологических замеров, проведенных лично автором.

Научная новизна исследования:

- Сформулировано понимание Интернет-практик как новой коммуникационной формы взаимодействия политических акторов, от стратегий которых зависит характер и степень проявления таких отличительных свойств Интернет-практик, как: ризомность, саморегенерация (аутопойезис) и т.д.;
- Представлена авторская периодизация развития взаимодействия власти и общества в Интернет-пространстве по критерию нарастания политизации Интернет-практик;
- Дана обобщающая классификация Интернет-практик, включающих, как проактивные компоненты (идеи и предложения относительно качества среды проживания), так и реактивные (жалобы, информирование о проблемах);
- Определены не спрогнозированные теоретиками информационного общества эффекты Интернет-практик, выразившиеся в проявлении slackтивизма и политмобов, а также и в негативном воздействии фейков на политический процесс;
- Дана характеристика Интернет-практик построения социальных сетей политическими партиями и исполнительной властью современной России. Отмечены такие их свойства как: направленность на внутренний («корпоративный») диалог и формальный характер коммуникаций;
- Обнаружены и описаны практики создания субъектами власти «сайтов-дублеров» гражданских ресурсов по социально значимым проблемам в целях регулирования гражданского участия, а также аутополитического контроля и мониторинга;
- Разработаны предложения для эффективной реализации делиберативных Интернет-практик.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Со второй половины XX века в академическом мире наблюдается масштабное переосмысление модели взаимодействия власти и общества в Интернет-пространстве. Первые идеалистические взгляды исследователей относительно использования информационно-коммуникационных технологии исключительно во благо демократии в значительной мере не оправдались. Потенциал Интернет-коммуникаций как формы взаимодействия раскрылся с неожиданной стороны. Опыт показал необходимость учитывать и негативные эффекты политических коммуникаций, например, кибертерроризм, фейковость, слактивизм и пр.

2) Можно выделить три этапа политизации Интернет-пространства в современной России по мере того, как интеракции политических акторов все активнее перемещались в онлайн-пространство и возрастал политический компонент в Интернете.

- 2000 - 2008 гг. - создание предпосылок перехода от межличностных, групповых коммуникаций к политическим Интернет-практикам;
- 2008 – 2012 гг. – тенденции политизации Интернет-практик, использования Интернет-площадок в качестве инструмента политического воздействия;
- 2012 – 2015 гг. – активизация Интернет-практик власти, развитие делиберативных и мониторинговых площадок. Усиление конкуренции Интернет-практик разных акторов.

3) Наряду с жесткими вертикальными структурами офлайн-политики формируются разнообразные практики Интернет-коммуникаций, требующие от власти развертывания собственной Интернет-активности;

4) Государство расширяет возможности для конвенционального политического Интернет-участия граждан. Используются Интернет-практики взаимодействия в виде запуска делиберативных площадок. На них возложены функции диалоговости и обратной связи. Однако, в российской

действительности наблюдается сложность перевода Интернет-активности в конкретные политические решения;

5) Интернет-площадки российских политических партий и экспертная сеть «Госбук» не стали мощным триггером взаимодействия государства и общества в связи с недостаточной разработанностью этих площадок экспертами и слабой популярностью среди россиян;

6) В России для электронного гражданского общества так же, как и для активистов других государств (особенно переживающих политический кризис), свойственна актуализация протестных настроений в Сети. Интернет-практики привели к аккумуляции политической напряженности и оппозиционных настроений. Протестное движение в 2011-2012 годах в РФ продемонстрировало, что электронное гражданское общество претендует на паритетную роль политического актора, выступает за пересмотр принципов взаимодействия государства и общества;

7) Интернет-практики российской общественности направлены на мониторинг и аудит работы политических институтов власти: выявление нарушений и борьба с коррупцией. Это выражается в создании проектов «мониторинговой демократии», сайтов для создания электронных петиций;

8) Российская власть использует приемы вытеснения представителей гражданского общества и оппозиции путем создания ресурсов - аналогов, регулируемых властью. В результате нарастает конкуренция между государственными и гражданскими акторами за продвижение собственных интересов в Интернете;

9) Не спрогнозированные теоретиками информационного общества эффекты Интернет-практик выразились в слактивизме и фейках. Слактивизм как Интернет-практика имеет негативную коннотацию с имитацией деятельности. Однако благодаря слактивизму, обеспечивается общественный резонанс и продвижение идей гражданских активистов. Фейки однозначно

являются механизмом аксиологического разрушения, поскольку искажают политическую картину происходящих событий;

10) В настоящий момент взаимодействие государства и общества в Интернет-пространстве выглядит как процесс взаимного контроля и сдерживания или конкурентной борьбы. Широкой и эффективной синхронизации гражданских и государственных Интернет-практик не произошло, акторы находятся в поиске выгодных для себя моделей взаимодействия. Однако потенциальные возможности для конструктивного диалога существуют.

Научно-теоретическая значимость выражается в том, что данное исследование расширяет представление о сущности и влиянии Интернет-практик на взаимодействие власти и общественности, отражает существенные проблемы в складывании политического процесса в условиях информационного общества в РФ. Это дает возможность масштабного применения научным сообществом обозначенных теоретических и эмпирически выведенных выводов в дальнейшем изучении Интернет-пространства как площадки и механизма реализации политических интенций. Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты работы являются актуальными для оптимизации работы органов власти разных уровней по теме электронных взаимодействий, в т.ч. совершенствования электронного правительства. Материалы диссертации могут быть использованы активистами общественных организаций, деятельность которых связана или осуществляется с помощью Интернет-практик.

Материалы исследования могут использоваться в учебном процессе в виде спецкурса для профильных специальностей. А также могут быть включены в виде лекций и семинаров при преподавании дисциплин «Политический менеджмент», «Теория политики».

Апробация результатов диссертационного исследования.

Стержневые положения работы отражены в 3 публикациях в рецензируемых журналах, включенных в список ВАК, и в 8 статьях, а также были представлены для обсуждения на ряде всероссийских конференций: VII Всероссийская Ассамблея молодых политологов ПГНИУ (Пермь, 21-22 апреля 2014); Всероссийская научная конференция «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы», РАНХиГС (Москва, 21-22 ноября 2014 года); VIII Всероссийская Ассамблея молодых политологов ПГНИУ (Пермь, 20-22 апреля 2015 года); IV Всероссийский Форум молодых политологов (Москва, 19-21 ноября 2015 года); XVII Всероссийский семинар Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии «Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта» (Краснодар, 6-9 октября 2016 года).

Структура работы: диссертационное исследование включает введение, три главы и 7 параграфов, заключение, список использованной литературы, приложения.

Глава 1. Интернет как коммуникационное пространство взаимодействия власти и общества

1.1 Теоретико-методологическое осмысление современных политических интеракций через Интернет-практики

В настоящий момент стремительный прогресс в сфере информационно-коммуникационных технологий привел к новому пониманию социально-политической реальности, к иному взгляду на построение отношений между государством и социумом. Появление Интернета и его масштабное распространение показало, что традиционные модели государственного управления во многом устарели и требуют модернизации, обновления форм и способов политической интеракции. В связи с этим схема управления, основанная на прямом противопоставлении власти и граждан, разделении на «управляющих» и «управляемых», фактически исчерпала возможности существования не только в развитых странах Европы, но и в России.⁸ Заданная иерархичность политических отношений на сегодняшний день стремительно уступает место новому формату, где стержнем идеологической базы выступает принцип сотрудничества⁹ между гражданским обществом и государственными институтами. При реализации этого принципа граждане активно присоединяются к обсуждению общественно-политических вопросов, играют важную роль в процессе принятия политических решений.

Наращение масштабов сетевого пространства и вовлечение в него пользователей, которых на конец 2015 года в мире насчитывалось около 3,3 млрд., на конец 2016 года – 3,5 млрд. что составляет более 40% от общей численности населения (это означает, что почти каждый второй использует Сеть), ведет к неизбежным трансформациям в политическом процессе. Кроме того, сейчас количество пользователей увеличивается в основном за счет мобильного Интернета, который опережает по темпам роста обычный выход

⁸ Бурматов В.В. Политическая коммуникация в России: запрос на новый институциональный порядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №33. С.6

⁹ Кузнецова Н.А. Эффективность использования современных коммуникативных технологий в политической жизни общества// Власть. 2011. №5. С. 40

в Сеть (через ноутбук или компьютер).¹⁰ Таким образом, в нынешних социально-технологических условиях взаимодействие властных институтов и общества приобретает новую форму – форму Интернет-практик.

Под Интернет-практиками автором понимается форма взаимодействия политических и гражданских акторов в Интернет-пространстве, выражаемая в создании или изменении Интернет-ресурсов в конкретных социально-политических целях. Интернет-практики могут включать Интернет-площадки, но не исчерпываются ими, поскольку содержат процесс взаимодействия, который может выразиться в создании конкретных Интернет-площадок или иметь иные результаты. Интернет-практики – более широкое понятие, в то время как Интернет-площадки – Интернет-ресурс, решающий конкретные цели.

На сегодняшний день новая форма не зафиксирована в научном дискурсе в виде отдельной категории. Это можно объяснить сложностью ее дифференциации от собственно феномена коммуникаций, а также относительной молодостью самих практик. Например, в современных работах Морозовой Е.В., Сморгунова Л.В. и ряда других ученых-политологов употребляется дефиниция «сетевые практики», однако четкой расшифровки, что содержит термин, не представлено авторами.

В диссертационных исследованиях также часто встречается проблематика коммуникационного процесса в Интернете или рассмотрения электронного пространства как нового средства установки диалога и продвижения интересов (Бронников И.А. (2011)¹¹, Акопов Г.Л. (2011)¹², Бухарбаева А.Р. (2013), Малиновский С.С. (2013) и т.д.). Но в их работах

¹⁰Количество пользователей Интернета URL: http://www.business.ua/articles/world/Kolichestvo_polzovateley_Interneta_v_mire_na_god_sostavilo_mlrd-84971/ (дата обращения - 14.09.2015)

¹¹ Бронников И.А. Особенности сети Интернет как формы политической коммуникации URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2011/abstracts/Bronnikov_IA.pdf (дата обращения - 03.05.2015)

¹² Акопов Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор в современных политических процессах URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1371448176_5457.pdf (дата обращения - 02.10.2014)

ключевое понятие тоже представлено вариативно: Интернет-коммуникации, сетевые коммуникации, Сеть как форма коммуникаций и пр.

Введение универсальной дефиниции позволит снять проблему операционализации и поливариативности понятия в научном дискурсе. Поможет справиться с возникающими сложностями интерпретаций, закрепить собственный вокабуляр за областью политических процессов в Интернет - пространстве.

Для обоснования научной «вместимости» и адекватности предлагаемого термина обратимся к разработанному понятию непосредственно практики. Согласно марксистскому подходу, суть практики заключается в предметно-преобразующей деятельности. Применительно к сетевым практикам можно тоже обнаружить выполнение данных характеристик, т.к. действия индивида в Сети ведут к трансформации электронного пространства: насыщение его информацией, создание ресурсов (сайтов, платформ) и пр. Даже сам по себе выход в Интернет является потенциально преобразующим действием.

С другой стороны - сетевые практики являются продолжением социального действия. Эта идея входит в русло социального конструктивизма, указывая на тот факт, что в формировании вышеобозначенных практик большое значение играет хабиитуализация, т.е. опривычивание социальных действий акторов, которые составляют общественный порядок. В знаменитой книге «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман, говоря о действительности, выделяют две ее принципиальные характеристики: пространственную и временную структуры. Кроме того, повседневная жизнь всегда интересубъективна, что означает взаимодействие индивида и других людей. Применительно к сетевой реальности все указанные свойства имеют место, что свидетельствует о том, что электронное пространство построено аналогично обычной социальной действительности, а сетевые практики, реализующиеся

в рамках этого поля, есть продолжение или модификация социальных практик. Поэтому сетевые практики, пользуясь методологией социального конструктивизма, относятся к новым общественным феноменам.

Отвечая на вопрос, в каком случае коммуникационное пространство является политическим, политолог С.В. Володенков предлагает исходить от типа целей, которые реализуются в данном пространстве. Соответственно в политическом коммуникационном пространстве складываются отношения с целью завоевания, сохранения и распределения власти.¹³ Взаимодействия, относящиеся к связке «общество-государство», все активнее перемещаются в онлайн-пространство: с определенного момента наблюдается рост политического компонента в общем потоке коммуникаций в Интернете, т.е. тех интеракций, которые имеют значительное воздействие на ход политики, структурируют политическую деятельность и придают ей новое значение.¹⁴ Политический характер Интернет-взаимодействие получило в процессе вхождения в Сеть различных политических акторов, а также за счет действий гражданских активистов, использующих сетевое пространство в качестве места для общественных дискуссий и артикуляции собственного мнения. В результате планомерного увеличения политического сегмента Сети и эволюции форм выражения возможностей электронного пространства рождается вид практик – политические Интернет-практики.

Говорить о политических Интернет-практиках сейчас можно применительно почти ко всем странам, но наиболее адекватным будет использовать термин в исследовании государств, где уровень проникновения ИКТ достаточно высок, значительная часть населения вовлечена в процесс электронных коммуникаций. Коммуникации, чтобы быть политическими,

¹³ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Монография / С. В. Володенков — Проспект, 2016. С. 41-42

¹⁴ Гребер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 96

должны производить существенный политический эффект,¹⁵ поэтому в таких странах, как Танзания, Непал, Бангладеш и прочих говорить о сетевых (коммуникациях) практиках, тем более политических - сложно. Что касается нашей страны, то, по последним данным, РФ входит в первую десятку стран по численности пользователей и демонстрирует процесс складывания политической электронной архитектуры, поэтому является государством, к которому дефиниция применима.

В широком понимании политические коммуникационные практики выступают в виде формы существования и развития политики, способа организации интеракций акторов, действующих на базе целенаправленного обмена информацией. На сегодняшний день значение политической коммуникации можно сравнить с важностью позвоночника в теле человека, благодаря которому построен и скреплен политический каркас государства. При этом представление о сущности политической коммуникации, как о фундаменте взаимодействий власти и общества существенно эволюционировало.

Если до середины XX политические взаимодействия протекали внутри замкнутых сообществ элит и носили в основном вертикальный характер, то к началу 2000-х годов политическая коммуникация стала массовой, теперь «она рассчитана не только на элиту и просвещенную публику, но и на широкую общественность».¹⁶ Тем самым, как было отмечено, экспликация политических коммуникаций потребовала модернизации государственных институтов, открыла новые стороны коммуникативной цепочки, сделав акцент на масштабном включении социума в нее.

По мнению авторов демократической теории (Б.Гуггенберг, Дж.Циммерман, Б.Барбер, Н.Боббио, В.Меркель, А.Круассан и пр.),

¹⁵ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: монография. М.: Прометей, 2004. С.196-197

¹⁶ Дьякова Е.В. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. 2003. №3. С.109

ключевым звеном в изменяющихся условиях станет партиципация граждан и общественных объединений, у которых появились новые возможности для взаимодействия с властью. Благодаря информационным технологиям, в руки общественности перешли дополнительные инструменты для диалога с политической властью, возможности для более эффективной организации собственной активности, а также для включения в политический процесс. Неслучайно Дж. В.Бертон в своей работе сделал акцент на том, что коммуникация является необходимой основой сотрудничества и разрешения конфликта¹⁷. Также и К. Дойч рассматривал политическую коммуникацию в качестве «нервной системы государственного управления», подчеркивая, что коммуникационная сетка пронизывает насквозь полотно политического.

Отправной точкой современного понимания отношений власти и общества положил процесс демократизации политического пространства, а также глобализация мировой политики в связи со стремительным прогрессом информационных технологий. На данном этапе общественного развития многие привычные факторы политической системы ушли на второй план по своему масштабу и эффекту воздействия, тогда как на первый выдвинулась «коммуникативность» и отношения, выстроенные на обратной связи между акторами. Именно они стали важным компонентом внешней и внутренней политики страны. В результате «глобальной информационной волны» могущество того или иного государства определяется не столько оружием и экономическими преимуществами, сколько силой распространения технологий общественных связей и качеством «социальных контрактов».

В этом контексте интересна позиция Барциц И.Н., согласно которой, модель авторитарного обновления не может быть эффективной в реалиях информационного общества¹⁸. Поэтому в мировом научном сообществе множатся теоретические наработки, касающиеся области «электронной

¹⁷ Burton J.W. Conflict and communication. N.Y.: MacMillan, 1969.

¹⁸ Барциц И.Н. Конституционная демократия – это свободные выборы плюс интернегизация всей страны// СОЦИС: социологические исследования. 2013. №9. С. 115

демократии»: начиная с авторов концепции постиндустриального общества, и заканчивая теми, кто продвигает идеи новой прямой демократии и обосновывает применимость «облачных» систем. Общее у них – признание новых технологий взаимоотношения власти и общества, изменение роли вертикальных связей в политической жизни¹⁹. Использование Интернета влияет на уровень вовлеченности граждан в политическую жизнь, сам политический процесс становится понятным и более открытым: со стороны государства поступают ответные сигналы на запросы общества. О важности транспарентности в политике писал еще Дж. Медисон в 1789 году, рассуждая о так называемой «pure democracy» или «чистой», «прозрачной демократии». Известный российский политолог Шахназаров Г.Х. также оперирует понятием «непосредственная демократия», расшифровывая его как порядок, при котором решения принимаются в результате прямого и конкретного волеизъявления граждан.²⁰

Специфические свойства Интернет-пространства и нового типа коммуникаций простимулировали процесс «глобального политического пробуждения»²¹. Эту тенденцию подтверждает увеличивающаяся совокупность различных гражданско-политических платформ и появление неинституционализированных, гибридных и прочих акторов публичной политики и сам факт политизации Сети. Можно сказать, что коммуникационные технологии вдохнули новую жизнь в теоретические модели взаимодействия власти и общества прошлого, вывели их на новый методологический и практический уровень.

Новые грани изучения взаимодействия власти и общества открываются в ходе информационной революции, с появлением новых коммуникационных средств и каналов в конце XX века. Коммуникация

¹⁹ Васильева Е.В. Интернет в контексте современных теорий коммуникации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. №10. С. 69-70

²⁰ Шахназаров Г.Х. Социалистическая демократия. М., 1974. С. 137

²¹ Бронников И.А. Политическое пробуждение в информационном обществе // Politbook. 2015. №2. С.33

выходит на первый план, становится не просто связующим звеном, как это было представлено Т. Парсонсом, а ключевым фактором, основой социально-политического мирового устройства. Взгляд на природу диалога власти и общества заметно усложняется, как и сама социальная действительность, в результате чего научные модели, предложенные ранее, обнаруживают свою неспособность адекватно описывать современные коммуникационные процессы. Переосмысление концепта политических коммуникационных взаимодействий и его адаптирование к реалиям постиндустриального общества ярко прослеживается в трудах Э.Тоффлера, И. Масуда, Т. Меррилла и т.д. В русле концепции информационного общества написаны труды таких зарубежных авторов, как З. Бжезинский, К. Вербх, Р. Кан, Э. Кинг, М. Пората, Л. Робертс, М. Кастельс и другие. С этого момента информация рассматривается как специфический продукт, основная социальная ценность современного общества.²²

Потенциал социально-политических трансформаций, заложенных в информационно-коммуникационных технологиях, отмечен в философской концепции постиндустриализма профессора Университета Аомори И. Масуда. Ключевым звеном в рассуждениях ученого был тезис о том, что прогрессивное развитие информационных технологий является серьезной имплицитной силой для социальных изменений, способствующей росту количества и качества информации, увеличению объема и интенсивности информационных обменов.²³ По мнению японского ученого, политическое устройство государства в условиях глобального информационного мира будет фактически бесклассовым и бесконфликтным, а государственный аппарат немногочисленным.

Таким образом, авторы постиндустриального общества обращаются к проблематике диалога между властью и социумом и организации

²² Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.

²³ Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington, 1983. P. 146

политического пространства. Рассматривают место и роль политической взаимодействия в политическом процессе. Так З. Бжезинский, анализируя складывание постиндустриальной эпохи, заявлял о том, что информационная реальность активно поглощает человека, заставляет действовать, в некоторых случаях - подавляет. Ответ на вопрос, почему так происходит, американский политолог видит в интенсивном развитии коммуникаций. Он отмечает, что новые коммуникации (электронные) способствуют более тесным контактам граждан, постоянным взаимодействиям, что приводит к общей связанности социума.

Футуролог Э. Тоффлер, характеризуя постиндустриальное общество, выделяет в качестве его отличительных черт резкий рост информационного обмена, в чем совпадает с позицией И. Масуда. Кроме того, реалиям «новой волны» присущи процессы индивидуализации граждан при сохранении солидарности коммуникаций между людьми и сообществами, а также деконцентрации производственных мощностей и населения. В этот период на первый план выходят самоуправленческие политические системы. Неизбежным следствием этих изменений будут социальные трансформации: «технология сама себе служит питательной средой».

Новое виденье формирующейся реальности постиндустриального общества представил известный экономист и основоположник современной теории менеджмента П. Дракер. Говоря о том, что мы живем в эпоху радикальной перестройки, П. Дракер указывает на складывание новой социальной аксиологической системы и трансформации концепта национального государства, которые происходят под влиянием телекоммуникационных технологий и процессов глобализации. Новое общество, по П. Дракеру, это «общество знаний», где складывается иная властная структура, т.к. власть и контроль стремительно переходит к категории обладающих информацией и технологиями ее использования.

Особенностью политической науки этого периода является сфокусированность на ИКТ. Отметим, что все вышеобозначенные авторы конца XX века строят свои теоретические труды, отталкиваясь от принципа технологического детерминизма, т.е. ставя в центр социального устройства, произошедший технологический прорыв. При этом большинство работ ученых содержат исключительно позитивный взгляд на воздействие ИКТ на политический процесс, на складывание отношений между властью и обществом. На первых этапах развертывания Интернета и постепенного нарастания пользовательского сегмента данное пространство понималось как созидательная среда для диалога, как серьезный и важный политический инструмент, который общественность может развернуть в свою сторону и влиять на текущую политическую ситуацию в стране, регионе, а также участвовать в построении стратегических планов.

Однако исключительный научный оптимизм по поводу воздействию Интернета на отношения власти и общества к началу 2000-х годов существенно пошел на убыль, когда стали подмечаться (на эмпирических материалах) не только сильные стороны инновационных механизмов взаимодействия власти и общества, но и проблемы, которые породила Сеть. Колоссальный вклад в изучение вопросов общественно-политической интеракции и влияния на этот процесс средств массовой информации внесли Дж. Коулман, М. Маклюэн и его коллеги по Торонтовской школе. В работе «Галактика Гуттенберга» М. Маклюэн утверждает, что коммуникационные изменения (или технологии коммуникации) являются источником развития новой социально-экономической и политической инфраструктуры: «Форма общества всегда определялась скорее природой средств человеческой коммуникации, нежели её содержанием».

Вместе с позитивными последствиями информационной революции, авторами все отчетливее прослеживаются новые сложности массовых коммуникаций, изучаются угрозы, исходящие от сложившегося тотального

информационного окружения. Например, центральным тезисом работы «Метаморфозы власти» Э. Тоффлера является понятие происходящих и грядущих информационных войн²⁴. По мнению ученого, война за власть (за информацию) настолько масштабна, что охватывает уровни от супермаркета до межгосударственных отношений. В связи с этим запущен перманентный процесс поиска новых форм организации и управления, в т.ч. и политической сфере.

Намного ранее тему информационно-политического воздействия поднимал в книге «Общественное мнение» У. Липпман.²⁵ По его мнению, человек из полученной им информации складывает упрощенные образы или стандартизированные представления о мире. В результате этого происходит стереотипизация общественного мнения. В этом ключе, полагал автор, средства массовой информации (пресса) получают большие возможности создавать ложную картину мира.

Интенсивное внедрение ИКТ и рост популярности Сети привел к тому, что вместо понятия информационного общества в работах М. Кастельса введен термин «сетевое общество». Вообще теоретические наработки этого автора намного продвинули вперед проблематику политических взаимодействий власти и общества, стали базисом для культивирования в последующем другими учеными сетевого подхода и идей электронной демократии. По утверждению испанского мыслителя, информация и информационный обмен существовали на всех стадиях социальной эволюции, но отличие современного социума заключается в том, что информация стала «фундаментальным источником производительности и власти». Нынешняя реальность М. Кастельсом понимается как эпоха глобализации, последствием и средством которой являются сетевые

²⁴ Тоффлер, Э. Метаморфозы власти = Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century, 1990. М.: АСТ, 2004. С.19

²⁵ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

структуры. Важно подчеркнуть убежденность автора в том, что именно сети составляют новую социальную морфологию обществ, что отражается на процессах в экономике, культуре, повседневной жизни и политике. В результате, М. Кастельс приходит к выводу, что власть структуры в современных условиях оказывается сильнее структуры власти.²⁶ Эта ситуация заставляет посмотреть на взаимодействия, особенно протекающих в Интернете, более серьезно. Новые каналы распространения информации обладают аномальной властью над обществом, т.к. люди попали в зависимость от них – «не мы контролируем их, а они нас».

Ученые «Франкфуртской» школы (Ю. Хабермас²⁷, М. Хоркхаймер и Т. Адорно²⁸) также видят проблемные места современного информационного общества, говоря о том, что новые технологические инструменты негативно влияют на протекание социальных процессов и приводят к общественным недугам в виде атомизации индивидов и унификации потребностей.

Напротив, созидательный эффект от новых средств коммуникации в обществе прослеживается в трудах Л. Гроссмана. В его известной монографии «Электронная республика»²⁹ ярко представлена связь широкого применения информационно-коммуникационных технологий и трансформации демократической модели организации власти. По его мнению, Интернет способен вовлечь граждан в политический процесс, способен перестроить властно-общественный диалог, расширить публичную сферу.

Большую роль в проблематике политических сетевых коммуникаций занимает вопрос о принципах их работы и свойствах. В многочисленных социологических работах Н. Лумана коммуникация выступает как основа

²⁶ Кастельс М. Становление общества сетевых структур //Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 494.

²⁷ Jürgen Habermas. Theorie der Kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft 2. Bde. 3, durch. Aufl Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985.

²⁸ Хоркхаймер Макс, Адорно Теодор В. Диалектика Просвещения : Филос. фрагменты. М.: Медиум, 1997.

²⁹ Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: Viking Penguin, 1995.

общества или подлинно-социальная операция. Его заслуга заключается в предвосхищении механизма воспроизводства распространения коммуникаций и информационных потоков, которые происходят в Интернете (Сети). Ему принадлежит адаптация теоретических положений нейробиологов об аутопойезисе в социологической науке.

Оперируя концепцией коммуникативного действия, Ю. Хабермас в качестве основы общества ввел коммуникационную рационализацию и культивирование коммуникационных практик в ранг наиболее важных аспектов современного мира. Однако, он склонен считать, что пропаганда, реклама и PR- технологии вредны для социума, т.к. наносят сильнейший урон публичной сфере. При их действии традиционное рациональное обсуждение оказывается на «обочине» коммуникационного процесса, заменяется манипуляциями различных политических субъектов. Это указывает на то, что сетевые технологии при всех своих достоинствах в виде интеграционных свойств, горизонтальности и оперативности информационных импульсов, имеют и ряд сложностей. В основном эти сложности сводятся к вопросам о том, в чьих руках находится коммуникационный механизм, кто оказывает информационное воздействие на человека и общество, с какой целью.

Динамичному развитию темы коммуникаций в новых технико-технологических условиях способствуют теоретические работы и исследования К. Ширки,³⁰ Г. Рейнгольда,³¹ Д. Морриса, П. Норрис, Ч. Фейрстоуна, Ф. Уэбстера³², Э. Коррадо, Э. Гриффина³³, Р. Дэвиса и многих других ученых. В них отражены проблемы современных социально-политических интеракций: мультисубъектность коммуникаций (феномен

³⁰ Shirky C. Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. Penguin Press HC, 2010.

³¹ Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (дата обращения - 12.11.2014)

³² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

³³ Griffin E.A. A first look at communication theory / Em Griffin; special consultant, Glen McClish. McGraw-Hill, 2000.

самокоммуникаций и гражданской журналистики), «цифровой разрыв» между странами и внутри государств, тема личной и общественной безопасности, кибератаки на политические институты, трудности регулирования сетевых коммуникационных потоков и пр.

Необходимо заметить, что до 2000-х годов акцент при изучении социально-политических отношений был сделан на технологиях, связанных с регулированием и производством общественно значимых идей и установок субъектами, обладающими ресурсами управления.³⁴ Этот вариант предполагает ведущую роль в коммуникационном процессе политического истеблишмента, приписывая обществу (фактически) второстепенную позицию – потребителя продуцируемых информационных посылов сверху. Подобный подход был относительно адекватен до массового распространения информационно-коммуникационных технологий и в частности Интернета.

Обращаясь к теме коммуникационного взаимодействия власти и общества, необходимо учесть наработки и научный опыт российских исследователей. Среди наиболее известных отечественных авторов можно выделить М.Н. Грачева³⁵, М.С. Вершинина³⁶, Л.Н. Тимофееву³⁷, А.И. Соловьева³⁸, Л.В. Сморгунова, Л.П. Шестеркину³⁹, М.К. Раскладкину⁴⁰ и др.

В научных трудах А.И. Соловьева⁴¹ и М.Н. Грачева анализируются проблемы властно-медийных отношений. Российские политологи убеждены,

³⁴ Основы теории коммуникации /Под ред. М.А.Василика. СПб., 2004.

³⁵ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М.: Прометей, 2004.

³⁶ Политическая коммуникация в информационном обществе / Под ред. М. С. Вершинина. СПб. : Михайлов В. А., 2001.

³⁷ Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н.Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012.

³⁸ Политические коммуникации / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004

³⁹ Шестеркина Л.П., Борченко И.Д. Основные характеристики новых социальных медиа// Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. №2. С. 107-111

⁴⁰ Раскладкина М.К. Основные характеристики социальных медиа //Образовательные технологии и общество. 2004. №2. С. 247-256

⁴¹ Соловьев А.И. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/116347809> (дата обращения - 10.02.2015)

в том, что рождение эффективной коммуникационной цепочки должно быть предопределено единством усилий политических акторов («сверху») и социума («снизу»). В этом случае на информационный посыл последует ответная адекватная реакция социальных групп. М.Н. Грачев большое внимание уделил в своих работах теме выхолащивания из сферы политических интеракций однонаправленных процессов («вещания»), которые сменяются тенденцией обоюдного информационного обмена с увеличением роли петли обратной связи между участниками коммуникации. Следует отметить также весомый вклад данных авторов в систематизацию теоретико-методологических подходов исследования политического взаимодействия, а также в разработку классификации субъектной составляющей политико-коммуникативного пространства.

В центре внимания ряда российских ученых (А.Г. Кисилев, С.В. Коновченко⁴², В.В. Силкин⁴³, А.В. Шевченко и т.д.) стоит вопрос взаимосвязи институциональных трансформаций, происходящих в 2000-х годах в политической системе нашей страны, и коммуникативных практик политических акторов. Главным тезисом в этом направлении выступает понимание политической коммуникации не как автономного и абсолютно самодостаточного процесса политики, а тесно встроенного в институциональную систему компонента. Учитывая исходное положение, авторами исследуется то, как соотносятся политические изменения в структуре власти и трансформации форм политических интеракций, их воздействие акторов друг на друга.

Тенденции влияния Интернет-практик на российский политический процесс и публичную политику отражены в работах С.Г. Туронка⁴⁴, И.В.

⁴² Кисилев А.Г., Коновченко С.В. Информационная политика в России // Социология власти. 2005. №2. С.104-118

⁴³ Силкин В.В. Мифы в конструировании коммуникативного пространства государственного управления // Государственная служба. 2014. №4 (90). С. 70-73

⁴⁴ Туронко С.Г. Интернет и политический процесс // ОНС: Общественные науки и современность. 2001. №2. С.10-22

Мирошниченко⁴⁵, Е.В. Морозовой⁴⁶, С.В. Володенкова⁴⁷, О.Ф. Волочаевой⁴⁸, В.В. Огневой, А.В. Зайцева, А.К. Сквикова и т.д. Политический процесс в этом случае понимается как результат комплексных взаимодействий, соединением постоянно изменяющихся стратегий поведения, видения проблем⁴⁹.

Кроме того, в трудах И.А. Бронникова⁵⁰, В.И. Буренко⁵¹ и Л.В. Сморгунова⁵² анализируются такие важные вопросы как: складывание и развитие электронного гражданского общества, сетевой подход к политике и управлению. Благодаря их вкладу, а также ряду других авторов, российская политическая школа обогащается ценными научно-эмпирическими материалами, относящимися к теме Интернет-взаимодействия власти и общества.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время Интернет – не столько топос для коммуникаций, общения, сколько пространство для имплементации целеполагания, реализации разных видов деятельности субъектами Сети. Фактически речь идет об усложнении природы активности в сетевом пространстве, при параллельном прогрессе самой технико-технологической платформы. На самом первом этапе становления Интернета основное направление практик было сведено (из-за ограниченности возможностей глобальной системы) к обмену сообщениями, т.к. не были

⁴⁵ Мирошниченко И.В. Открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления: российский опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. №4. С. 71-78

⁴⁶ Морозова Е.В. Экстраординарность, случайность и протест в политике // Человек. Сообщество. Управление. 2011. №4. С.132-136

⁴⁷ Володенков С.И. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2016. №2. С. 21-34

⁴⁸ Волочаева О.Ф. Гражданское общество и Интернет-коммуникация в контексте современного политического процесса // Власть. 2012. №11. С. 18-22

⁴⁹ Государственная политика: учебное пособие для вузов/ Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С.67

⁵⁰ Бронников И.А. Метаморфозы гражданского общества // PolitBook. 2012. №2. С. 77-99

⁵¹ Буренко И.В., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С.44-51

⁵² Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 21-37

созданы другие варианты работы в нем. Но постепенно появились рычаги для следующего этапа – перехода к практическим действиям, как и в обычной жизни. Отсюда берет начало сетевая политическая составляющая и многие другие векторы виртуальной деятельности. Можно согласиться с мнением кубанских исследователей, что Интернет-пространство должно рассматриваться как часть политического мира или политического процесса, приведенного в бытие через сложные наборы взаимодействий между online- и offline-подпространствами социального пространства⁵³.

Традиционное коммуникационное взаимодействие отличается по своим свойствам и по ряду признаков от сетевых практик власти и общества. Как известно, в современном мире Интернет-практики осуществляются при помощи разных электронных ресурсов. Например, в качестве форм сетевых практик могут выступать действия с сайтами и на сайтах, форумы, блоги, социальные сети и т.п. Наиболее ярко дифференциация обычных коммуникаций и Интернет-практик прослеживается при рассмотрении социальных сетей, которые максимально отражают специфические черты сетевого пространства и, как следствие, активности в нем протекающей. Это объясняет необходимость обращения исследовательского внимания к особым чертам и специфике, которые вобрали в себя Интернет-практики. Подобный анализ характерных свойств новых коммуникаций позволит понять их потенциал в политической сфере.

1.2 Современные политические коммуникации: хронология развития Интернет-практик и их отличия от технологий offline-политики

На сегодняшний день большинство зарубежных и отечественных авторов, несмотря на различия применяемых методологических подходов, едины во мнении, что вхождение Интернет-практик в область политического серьезно отразилось на государственной политике и управлении, работе

⁵³ Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В. М Институционализация публичной политики в online- пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. С.37

политических институтов, а также характере публичной политики и процессе выстраивания диалога власти и общества. Данные социально-политические трансформации обусловлены во многом внутренними свойствами, присущими Интернет-практиками.

В отличие от традиционных offline - коммуникаций Интернет-практики реализуются в специфическом пространстве, которое в некотором смысле является продолжением социальной реальности. Данные практики, как и социальные практики, являются «живыми», а, значит, не статичны и способны развиваться, качественно и количественно изменяться. В этой связи важно определить ориентировочные хронологические рамки этапов, которые прошли сетевые практики за свою историю эволюции на данный момент.

По мнению автора, адекватно выделить три ключевых периода (особенно применительно к российским реалиям): начало 2000-х по 2008 год; с 2008 года по 2012 год; и новый этап с 2012 года. Выделение именно таких этапов основывается на анализе эмпирики развития Интернет-практик с точки зрения взаимодействия обществ и власти. Так, конец прошлого века и первые годы нынешнего можно определить, как стартовую точку сетевых практик. В этот период наблюдаются массовые продажи первых ЭВМ в США и части европейских стран, появляется само понятие Сети – в ее мировом масштабе. В России на 1999 год насчитывалось лишь 5 млн. пользователей Интернета, причем, надо подчеркнуть, что преобладающая их часть – это были жители столицы и крупных городов. Осуществляемые тогда коммуникационные практики в сетевом пространстве можно охарактеризовать как ограниченные межличностными интересами. Но середина первого десятилетия нового века показала, что на этом потенциал Интернет-практик не исчерпывается. Вместе с технико-технологическим прорывом в реализации Интернет-практик наметилась яркая тенденция укрепления данных коммуникаций в социально-политической сфере.

Зарубежный мир испытал политическое влияние Сети на примере активно стоящегося электронного правительства, американской избирательной кампании 2008 года и множющихся сайтов политических акторов. В год президентской гонки в США, когда Интернет-технологии проявили свою мощь и общественную значимость, российская аудитория также подошла к новому рубежу использования Интернет-пространства властью и обществом. На открытии Российского Интернет форума Д. Медведев отметил в качестве национального успеха увеличение в 10 раз (с 2000-2008 года) аудитории сетевых сервисов и достижение отметки по численности пользователей в 40 млн. человек⁵⁴.

С этого времени (с 2008 года) начинается, по мнению автора, очередной этап, когда сетевые практики используются интенсивно и разнообразно гражданскими активистами, политическими партиями, государственными акторами и внесистемными элементами (движениями, сообществами). Вводятся гражданскими активистами проекты мониторинга действий власти. В этот период государства сталкиваются (не только в РФ, но и зарубежных странах) с новым видом протестной деятельности, вплоть до свержения действующих режимов (например, Х.Мубарака), которая формируется в социальных медиа. Также максимально актуализируются вопросы о цензуре в Интернете и других механизмах контроля за деятельностью общественности в Сети.

С 2012 года отмечается запуск ряда государственных Интернет-сервисов в качестве ответной реакции на масштабные оппозиционно-протестные проявления общественности в Интернете. Государство создает с этого момента различные сайты делиберативной демократии; развивает электронное правительство; запускает аналоги ресурсов гражданских активистов, закрепленные на законодательном уровне (например, сайт

⁵⁴ Интернет в России URL: http://bd.fom.ru/report/map/bntergum07/intergum0703/pressr_int0309 (дата обращения - 24.05.2015)

«Российская общественная инициатива»). Общность присутствия на электронных ресурсах с учетом отличающихся позиций акторов приводит к столкновению Интернет-практик и в некоторых случаях – к конфликтной борьбе за доминирование на той или иной Интернет-площадке. В связи с тем, что сетевое пространство все больше политизируется, проблема политической конкуренции, борьбы идей и противостояния позиций акторов приобретает все более весомое значение.

Расширение публичного пространства и изменение политической архитектуры на основе развития Сети неуклонно ведет к формированию принципиально новых сетевых акторов и сообществ, которые, используя возможности Интернет-пространства, влияют на Интернет-практики и политическую реальность - offline . В этой ситуации следует констатировать политическую значимость Интернета и укоренения его в качестве площадки гражданско-политического взаимодействия. Тем самым проявилась угроза осложнения осуществления функции государственного регулирования и контроля. Вместе с этим у государства обнаружились и новые возможности по созданию институциональных условий для реализации сетевого менеджмента. Преимуществом Интернет-практик является потенциально большой коммуникационный охват аудитории пользователей посредством мультимодальности. Развитая дискурсивная среда с возможностью простой и быстрой обратной связи ведет к новым формам гражданского участия в различных демократических институтах⁵⁵.

Как было показано, Интернет-пространство существенно изменилось за последние два десятилетия, как и коммуникации, в нем протекающие. Современные Интернет-практики, безусловно, отличаются от своей ранней формы, поэтому и ключевые характеристики стали иначе проявляться, использоваться акторами с другими целями. Обозначим ряд свойств и черт,

⁵⁵ Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. С.12

которые присущи только Интернет-практикам в отличие от форм коммуникационного offline - процесса. К наиболее важной особенности Интернет-практик следует отнести горизонтальный характер построения взаимодействий. Так сложилось, что Интернет-пространство обладает свободой для выстраивания интеракций, где понятие иерархичности и статусности в некоторой степени стираются, что обеспечивает элитарность интернет - пользователей. Граждане, используя Интернет, могут легко подключиться к обсуждению значимых вопросов и найти контакт с институтами власти. В связи с этим принципы централизованного государственного управления сменяются отчасти на принцип властно-общественного коворкинга или сотрудничества. Площадкой для обсуждения разных видов государственной политики становятся социальные сети и блогосфера, либо созданные специальные Интернет-площадки. Это позволяет не только знакомить Интернет-аудиторию с официальными документами, принятыми решениями, но и моментально получать обратную связь в виде откликов и комментариев.⁵⁶ В результате нарастания участия общественности в политическом процессе через Интернет-практики управление становится не односторонним, а многосторонним явлением⁵⁷. Поэтому изменяются не просто границы между государством и гражданским обществом, а сама основа их взаимодействия. В результате чего, границы «становятся более проницаемыми, и уже невозможно сказать, где заканчивается одно и начинается другое, и наоборот»⁵⁸.

Другой существенной особенностью сетевых практик, непременно соприкасающейся с горизонтальным выстраиванием взаимодействий в политической сфере, является возникший феномен массовых самокоммуникаций. Эта форма коммуникации стала возможной для

⁵⁶ Государственная политика: учебное пособие для вузов/ Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С.128

⁵⁷ Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2005. №2. С.240

⁵⁸ Кооиман Я. Общественно-политическое правление. СПб., 2001. С. 332.

воплощения благодаря технологиям Web 2.0 и активно развивающейся Web 3.0, которые в связке с широкополосным доступом к Сети, открытым программным обеспечением способствовали превращению самокоммуникации в категорию глобальной аудитории. Массовой самокоммуникацией («от многих ко многим») выступает мультимодальная коммуникация, которая предполагает возможности переформатирования ее контента за счет бесплатного и свободного доступа к программному обеспечению. Контентная составляющая данной коммуникации генерируется Интернет-аудиторией. Массовые самокоммуникации – это новое средство коммуникации, созданное компьютерными сетями с цифровыми компонентами и охватывающее весь мир в последнее десятилетие. Это освобождение от посредников в процессе передачи информации – любой индивид, имеющий доступ в сеть Интернет, может построить свою информационную систему⁵⁹.

К подобным системам можно отнести блоги, файлообменники, пиринговые сети, вики-страницы, социальные сети и т.д. Самокоммуникации частично снимают угрозу манипуляции со стороны СМИ, т.к. информация распространяется от первоисточника, очевидца и т.д. Пересечение самокоммуникационных каналов рождает как раз сетевой индивидуализм, о котором ранее шла речь, и упрочняет горизонтальный характер связей, выстраиваемых в сетевом пространстве. Каждый индивид, продуцирующий информационный поток на основе индивидуальных интересов и желаний, в этом случае выступает одним из бесчисленного множества узловых субъектов, вокруг которого по принципу «ризомы» складываются коммуникационные схемы. Для политической власти это означает нарастание неконтролируемой информационной лавины, отследить продвижение и направленность которой достаточно проблематично, так же

⁵⁹ Castells, M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.

как и принять вовремя меры по ее блокировке в случае угрозы для политических институтов.

Ризоматическое построение сетевого общества позволило отойти от тотальности иерархических структур и линейности в политическом и политико-коммуникативном процессе. Что касается самого термина «ризомат», то он был заимствован из ботаники и означал строение корневой системы, лишенной центрального стержневого корня. В одноименной работе («Ризомат») Ж. Делез и Ф. Гваттари показывают инаковость сетевого мира, который не может быть охвачен привычными — логоцентричными категориями мышления, и указывают на необходимость переосмысления реальности.

Проецируя образ ризомы на общество, обнаружим, что Сеть лишена важных характеристик традиционной системы: централизации, упорядоченности и симметрии. Отталкиваясь от тезиса о возрастании роли самокоммуникаций в сетевом, ризоматическом обществе, любая точка этого социально-электронного «корневища» в случайном порядке имеет возможность соединения с другой подобной. Отсутствие центрального отправного источника сетевых политических коммуникаций подтверждает мысль о самоконфигурации коммуникативного поля и его подвижности в современных условиях тотального распространения электронных технологий.

В детализации ризомности сетевого общества обнаруживается еще ряд черт. Будучи децентрализованной, сетевая коммуникация разрастается посредством индивидуальной активности (самокоммуникаций), которая похожа на сцепления разнонаправленных информационных каналов. Здесь важно обозначить два пункта, которые неотъемлемы от феномена Интернет-взаимодействий – множественность и гетерогенность.

Сетевые акторы, порождающие информацию, обладают свободой выхода из этого пространства с одной стороны, а с другой – все «точки

(которыми являются эти акторы) должны быть связаны между собой, независимо от их роли и положения». ⁶⁰ Гетерогенность Интернет-коммуникаций напрямую вызвана палитрой вариативности интересов, взглядов, устремлений и т.д. ее субъектов. О принципе множественности говорит то обстоятельство, что в подобной сетевой взаимосвязи не существует некоего единства объекта, которое выступало бы его стержнем, и «нет и такого единства, которое разделялось бы в субъекте» ⁶¹. Подытожим: у сетевых коммуникационных практик отсутствует ядро, единый центр, способный притягивать львиную долю информационных нитей. Поэтому информационно-коммуникационные потоки существуют в Интернет-пространстве свободно, пересекаясь, параллельно, дополняя друг друга. Они существуют со значительной долей неопределенности дальнейшего вектора развития коммуникационной волны, носящей диффузный, хаотический характер распределения в том пространстве.

Очерченные характерные особенности сетевых коммуникационных процессов дают основание для дифференциации этого вида от offline-коммуникаций, во-вторых, заставляют пересмотреть модели подобных интеракций применительно к политической сфере. Так как классическая форма работы политической системы и циркулирования информации: вход - черный ящик - выход в современных технико-социальных условиях перестает являться общеприменительной и всеобъясняющей. В силу целого ряда специфических черт, о которых было сказано, Интернет-коммуникации потенциально имеют колоссальные шансы трансформировать функционирование политической системы, более того, частичную реализацию этого можно видеть уже в настоящее время.

⁶⁰ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P.7

⁶¹ Там же.

Говоря об Интернет-практиках как коммуникации, базирующейся на фундаменте ризомы, следует учитывать, что этот феномен может разрастаться в разных направлениях, поэтому непрерывно происходящий процесс образования новых информационно-коммуникационных нитей уловить достаточно сложно. Если коммуникационная нить в каком-либо месте обрывается, развитие будет идти по другим направлениям, т.е. сетевые коммуникации схожи с древнегреческой «бессмертной гидрой», наделены свойством саморегенерации или аутопойезисными характеристиками.

Впервые об аутопойезисе заговорили чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в работе «Древо познания». Изучая живые организмы, они пришли к выводу, что сама организация живого является причиной к самовоспроизводству, бесконечному и безостановочному процессу регенерации, поддержания собственной идентичности, что является ключевыми свойствами любой живой системы⁶². Исходя из этого, следует определить аутопойезисную систему как целостность, воспроизводящую свои части посредством работы сети подобных элементов. Результатом этого действия является ограничение ее от эндогенной среды, сохранение собственной динамической организации. Только живая клетка (организм) имеет ресурсы к самообновлению, тогда как объект неживой природы не имеет возможности создать что-либо собственными ресурсами. В случае, например, когда робот на современном предприятии собирает машину из определенных, созданных ранее деталей, а не благодаря своим свойствам, стоит применять термин «репликация», но никак не «аутопойезис».

Идею самовоспроизводства развил немецкий социолог Н. Луман, выведя ее за рамки сугубо биологической концепции, он применил составляющие теоретические аспекты к изучению социальной действительности, сделав акцент на проблеме коммуникативных практик. По его мнению, действие аутопойезиса может проявляться в следующих

⁶² Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living. Boston, 1980. P. 63.

формах: жизни, сознания, коммуникации (когда речь идет о социальной системе). Так в своей работе «Что такое коммуникация?» Н. Луман постулирует, что подобно жизни и сознанию коммуникация является эмерджентной реальностью, которая устанавливается на основе трех видов селекций: селекции информации, селекции сообщения этой информации и селективного понимания или непонимания сообщения и его информации⁶³. Для решения поставленных задач имеет значение свести эти понятия к тому, что для существования коммуникации требуется три имманентных ее компонента: информация, сообщение и понимание.

По логике автора, не существует информации вне коммуникации, как и не существует сообщения вне коммуникации, так и нет понимания вне коммуникации — и это не в том причинном смысле, по которому информация должна быть причиной сообщения, а сообщение — понимания, а в циркулярном смысле взаимного обусловливания. Причем, важно подчеркнуть особое значение последнего из триады элемента — понимания. Наличие его в дихотомии «понимание-непонимание» является условием аутопойезиса социальной системы в силу того, что служит нерушимым мостом, соединяющим для последующих коммуникаций. Даже само сообщение о том, что информация не понята, по сути, является продолжением коммуникации. То есть сам факт понимания или не понимания сообщения является, по мнению Н. Лумана, в любом случае результатом, а, значит, ведет к продолжению коммуникации. В конечном итоге - только коммуникация имеет возможности влиять на коммуникацию.

Предложенная социологом концепция о самовоспроизводстве крайне актуальны на сегодняшний день. Если перенести понятие аутопойезиса на социальные сети, то обнаружится, что оно адекватно отражает процессы, происходящие в них.

Наиболее ярко отражаются ключевые свойства и особенности сетевого

⁶³ Luhmann N. Was ist Kommunikation/Information Philosophic Marz. 1987. Pp. 4-16.

пространства на примере социальных сетей. В социальных сетях «ротатором» являются взаимодействия акторов, установка и расширение коммуникативных каналов внутри этого пространства. Благодаря человеческой интеракции эти сети существуют и растут. Дело не только в непосредственном притоке пользователей в поле социальной сети, но и в том, что сами участники имеют возможность развивать пространство посредством создания сообществ, пересечением этих сообществ и включением функции «гипертекстовости» подобных образований.

Наполняя контент своей страницы или сообщества, устанавливая новые контакты или поддерживая переписку, осуществляя обмен файлами разных типов и т.д., участники включают процесс регенерации социальной сети. Частотность выходов в сеть, количество адресантов, с которыми установлена периодическая коммуникационная связь, инициативность в обновлении собственной информации и последующего ее транслирования – это небольшой набор характеристик, лежащий в основе функционирования социальных сетей. Согласно мнению Н. Лумана, социальные сети не отгораживаются от реальной повседневности, т.к. все ключевые события, происходящие в жизни, так или иначе попадают, становятся информационной частичкой пространства социальной сети, в результате чего последние обогащаются, т.к. приковывают интерес пользователей, стимулируя их к пролонгированию коммуникации.

Наряду с ростом социальной сети, аккумуляции информации и коммуникационной составляющей, параллельно происходит обратный процесс – распада. Как и все живое (а социальные сети имманентно содержат в себе значительный компонент живого), данное пространство подвержено частичному отмиранию. Из работ социолога Марка Грановеттера и математика Линтона Фримана следует, что общественные связи, на которых зиждется социальная сеть, могут быть двух типов: сильные и слабые. За основу разграничения их были взяты критерии частоты и длительности

контактов. Под сильными социальными связями авторами понимается коммуникация среди родственников (семьи), друзей, тогда как к слабым будут относиться связи со знакомыми, знакомыми знакомых, соседские и формальные деловые контакты⁶⁴.

Важно подчеркнуть, что как раз слабые социальные связи играют гораздо большую роль в социальных сетях, нежели сильные. В результате, те, с кем индивид мало контактируем, либо не особо активно - представляют значительную ценность. Парадокс кроется в том, что информационные блоки намного быстрее распространяются при помощи слабых связей, а также на более широкий круг участников сети. Речь идет о том, что любой распространяемый ресурс («новость») попадет к большому количеству людей и совершит более длинную, протяженную социальную дистанцию, будучи отправлен через слабые социальные связи. Тогда как сильные связи характеризуются коротким расстоянием от отправителя к адресанту, а также ограниченным объемом информации в тематическом плане, т.е. через тесные межличностные связи (между родственниками и близкими людьми) проходит информация, в малой степени отличающаяся от той, которую уже знает субъект. Таким образом, сильные связи обладают свойством информационной избыточности, поэтому и оказываются менее полезными для акторов. Ввиду этих причин слабые связи преобладают в социальных сетях над сильными, на них строится практически вся система сети.

Однако, возвращаясь к вопросу о частичном распаде внутри социальных сетей, стоит заметить, что «сила» слабых связей представляет собой «двуликий Янус». Как уже было сказано, благодаря слабым связям социальная сеть развивается и пополняется новой информацией, способствуя коммуникативной активизации, но это только с одной стороны. Но эти же слабые связи являются теми элементами, которые подвержены отмиранию,

⁶⁴ Granovetter, M. S. The strength of weak ties. American Journal of Psychology. 1973. 78 (6), pp. 1360-1380.

отщеплению. Будучи слабыми или не тесными, они легче всего отрываются друг от друга. Прекратить коммуникацию с близким кругом лиц сложно, а иногда и просто невыносимо, а «дистантные» контакты в любой временной момент могут исчезнуть, либо с высокой долей вероятности можно прогнозировать «кочевание» пользователей из сообщества в сообщество, т.к. и не достаточно плотно скреплены в пространстве социальных сетей.

Итогом расщепления связей на различных участках социальной сети является процесс отмирания, на смену которому выходит аутопойезис, выражающийся в самообновлении системы. Например, вместо распавшихся Интернет-сообществ и удаленных аккаунтов возникают новые элементы информационно-коммуникационной ризомной цепочки, тем самым обеспечивается жизнь и развитие Интернета как аутопойезисной системы.

При своей схожести с традиционной оффлайн-реальностью Интернет-пространство, будучи его логическим продолжением на новой технико-технологической базе, имеет важные аспекты дивергенции. Интернет-практики вбирают в себя свойства аутопойезиса и самокоммуникаций, ризомы и горизонтальных связей через «слабые» каналы с большей эмфазой, чем традиционные социальные действия и коммуникации. Можно сказать, что в социальной реальности все эти черты также проявляются, но в разы бледнее и скуднее, тогда как для сетевого пространства эти черты неотъемлемы.

Таким образом, во второй половине XX века существенно трансформируется представление о роли политических взаимодействий и коммуникаций власти и общества, пересматривается само наполнение данного концепта. Технологии offline-политики чаще всего выстроены по традиционной схеме взаимодействий «субъект-объект», где есть «управляющие» и «управляемые» акторы. Действуя в этих рамках, государство находится в традиционной системе политической коммуникации, отправляя гражданам политические решения и получая от

них обратную реакцию в качестве маркера степени успешности проводимого политического курса. При возникновении Интернет-практик осью взаимодействий власти и общества становится субъектно-субъектная модель общественно-политических отношений. Такая модель предполагает широкую кооперацию: совместную выработку политических решений, участие в формулировании и осуществлении политических целей, задач. Аудиторию Интернет-пространства нельзя назвать классической «массой», на которую распространяются инструменты offline-политик.

Коммуникации, существующие в рамках Интернет-пространства, обладают рядом специфических свойств, что отличает их от традиционных коммуникаций. Например, Интернет-технологии включают принцип самокоммуникаций «от многих ко многим». Благодаря сетевому пространству, сами пользователи могут создавать, дополнять, перерабатывать и распространять информацию по всему миру. Фактически речь идет о мультимодальности современных коммуникаций. Это указывает на то, что потребность и необходимость в медиаторе в условиях Интернет-практик нивелируется.

В отличие от offline-инструментов результаты Интернет-практик не всегда очевидны. При этом индикатором общественной значимости проводимой online-политики может служить целый комплекс инструментов Сети: лайки, ретвитты, комментарии и пр. Применительно к ним используются, как количественные методы оценки, так и качественные (анализ положительной/отрицательной экспрессивности).

В связке с самокоммуникациями выступает свойство, касающееся построения сетевых практик – ризоматическая морфология. Если обычные социальные интеракции зачастую регулируются нормами субординации и носят линейный характер, то Интернет-практики организованы по принципу ризомы, т.е. не имеют конкретного центра (ядра), хаотичны и лишены коммуникационной симметрии. Развитие Интернет-практик происходит

лавинообразно и большой эффект в этом приносят «слабые связи», которые увеличивают масштаб коммуникационных траекторий.

В целом появление Интернет-взаимодействий привело к изменению понимания современного коммуникационного пространства. Проявился политический потенциал Интернет-практик: различные акторы активно создают собственные Интернет-практик и имплементируют их в политический процесс. Путем осуществления Интернет-практик зачастую оказывается давление на политические институты. Активность в Сети приводит к совершенно реальным (объективным) последствиям, решениям и событиям.

Кроме того, сетевая структура Интернет-общества позволяет применять новые технологии со стороны разных акторов. Например, Интернет-практики позволяют самогенерировать пользователям информационно-новостной контент, тем самым возникает возможность избежать сформулированной государственными СМИ и довлеющей над гражданами повестки, а смоделировать собственное мнение относительно того или иного события.

Глава 2. Практики российской общественности в Интернет-пространстве

2.1 Анализ современных гражданских Интернет-практик в РФ как инструмента воздействия на власть

Первоначальные представления об Интернет-практиках как о средстве, ведущем к демократизации политического процесса, которые были свойственны многим авторам, за первое десятилетие нового века несколько изменились. А именно: за данный период исследователи столкнулись с тем фактом, что наличие Интернет-коммуникаций еще не дает уверенности в том, что политическая система отреагирует на них путем увеличения и расширения гражданских свобод и прав, станет реально более открытой и понятной. Масштабная эйфория относительно роли Интернет-практик постепенно спадает, открывая при этом новые стороны сетевого коммуникационного пространства. И, если в начале 2000-х годов фраза Г.Рейнгольда об «Интернете как великом уравнителе» была воспринята в качестве непреложной истины, то на сегодняшний день тезис может быть оспорен.

При этом те свойства, о которых шла речь ранее, остаются имманентными составляющими Интернет-практик власти и общества. Просто в ходе своего развития феномен Интернет-интеракций собрал в себя многие аспекты традиционной социальной среды, продолжением которой он отчасти является. Например, позиционирование Интернета как пространства свободного от политики, уже не может быть актуальным. Во-первых, потому что политическое быстро и необратимо проникло в Сеть через коммуникации государственных институтов. А, во-вторых, сама общественность порождает политическую сторону, выплескивая через Интернет-практики свои гражданские позиции и мнения, настроения и требования. Поэтому на современном этапе Интернет-пространство испытывает серьезное

воздействие со стороны условий оффлайна (социальной действительности), с которыми оно теперь прочно сопряжено и взаимозависимо.

С другой стороны - в ситуации бурного развития Интернет-коммуникаций с серьезными трудностями сталкиваются традиционные общественно-политические институты. До определенного времени незаменимыми «помощниками» или посредниками в политическом процессе выступали политические партии, профсоюзы, традиционные СМИ, политические элиты и пр.⁶⁵ Сейчас во многом необходимость в «медиаторах» отпала, т.к. Интернет-практики позволяют установить контакт с институтом власти в индивидуальном порядке, после – распространить полученную информацию с помощью свойств мультимодальности среди большой аудитории по «слабым связям».

Однако, как правильно было замечено Б.Бимбером, доступность политической информации (в условиях «информационной эры») каузально не связана с повышением уровня политического участия граждан в публичной политике⁶⁶. Хотя в отдельных случаях и проявлениях данный процесс, естественно, наблюдается. То есть появление колоссального политического контента не является однозначным триггером для прогресса гражданского общества того или иного государства. Напротив, по мнению Ф.Ф. Ишкинеевой, в стране, где отсутствует сложившееся крепкое гражданское общество, новые Интернет-технологии превратятся в дополнительную, неэффективную финансовую нагрузку. Либо могут стать синонимами перманентного контроля или проявлением «нового деспотизма».

Тонкость грани между демократическим и авторитарным вектором коммуникационных технологий очевидна на примерах современных

⁶⁵ Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: Viking Penguin, 1995.

⁶⁶ Bimber B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism / Bruce Bimber. – In: Polity, 1998.

революций, отразившихся в социальных сетях. Поэтому применительно к Интернет-технологиям важно не переоценить их созидательный эффект.

Рассмотрим современную российскую действительность. На протяжении долгого времени считалось, что гражданское общество в России, если и имеет место, то в виде очень слабого образования, разрозненного и ограниченного регулированием сверху. В связи с этим отметим, что «разрушение государственности также губительно, как и дискриминация гражданской жизни»⁶⁷. По мнению Н.П. Игнатъева, вместо целостной системы, которой должно быть гражданское общество, у нас действует «совокупность объединений, с присущей ей эфемерной имитацией гражданской активности»⁶⁸. Более жесткая позиция была озвучена социологом Л.Д. Гудковым: «Общество остается очень консервативным, с элементами государственно-крепостного сознания. Оно ориентируется на власть, привыкло к произволу власти, ждет от нее попечительства и отдает свою волю власти».⁶⁹ Проблемы гражданского общества в России отражены в работах: Ю.В. Ихрина⁷⁰, А.Ю. Сунгурова⁷¹, Т.Е. Ворожейкиной, Г.Г. Дилигенского, С.П. Перегудова⁷², Р.Ф. Туровского, К.А. Сулимова⁷³, А.В. Зайцева, Н.В. Борисовой и пр.

Среди ключевых трудностей, с которыми сталкивается российская общественность, эксперты выделяют: низкую самоорганизация гражданских

⁶⁷ Малахова О.В. Концепции взаимодействия государства и институтов гражданского общества в российском политическом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. №4. С. 68-71

⁶⁸ Пантин В., Лапкин В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. №1. С.62

Игнатъев Н.П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2009. №1. С.131-141

⁶⁹ Гудков Л.Д. Интервью URL: http://www.qwas.ru/belarus/ucpb/id_73243/ (дата обращения - 03.09.2015)

⁷⁰ Ихрин Ю.В. Управленческий потенциал, возможности и ограничения институционализма и неинституционализма URL: http://ars-administrandi.com/article/Irhin_2014_2.pdf (дата обращения - 07.05.2015)

⁷¹ Сунгуров А.Ю. Структуры гражданского общества и их взаимодействие с властью в России URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_strukтуры.pdf (дата обращения - 09.12.2016)

⁷² Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2012/6/6.pdf> (дата обращения - 14.05.2016)

⁷³ Борисова Н.В., Сулимов К.А. Реформа местного самоуправления в Пермском крае: бездействие в замкнутом круге // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. №1. С. 40-55

активистов, отсутствие эффективного диалога с властью, неспособность отстаивать солидарно социальные и политические права, несформировавшееся «ответственное демократическое сознание», воспроизводство модели вертикального корпоратизма и т.д.⁷⁴ Эти проблемы отмечает и Д.А. Медведев, будучи Президентом РФ, в 2009 году: «Демократические институты в целом сформированы и стабилизированы, но их качество весьма далеко от идеала. Гражданское общество слабо, уровень самоорганизации и самоуправления невысоки»⁷⁵.

В качестве подтверждения некоторых проявлений «болезни» гражданского общества начала 2000-х годов могут служить данные Росстата. Так, например, количество забастовок (как формы выражения гражданской позиции) существенно сократилось. В 2004 и 2005 годах имели место только однодневные забастовки работников сферы образования. Другой пример: по данным Фонда ИНДЕМ в 2002-2003 годах коллективной общественно-полезной деятельностью занимались менее 10% респондентов⁷⁶. Характеризуя добровольческое движение, исследователь В.В. Петухов, указывает, что его уровень в России «крайне низкий». Главными причинами этого выступает политизация и коммерциализация общественной деятельности⁷⁷.

Вместе с этим, официальные ежегодные доклады Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества отражают по большому счету сухую статистику, которая показывает динамику развития НКО в количественном разрезе. Например, по состоянию на 2014 год в нашей стране было зарегистрировано более 220 тыс. некоммерческих организаций. Для сравнения: в 2010 году численность НКО была еще больше – 360 тыс.

⁷⁴ Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. № 4. С. 11

⁷⁵ Медведев Д.А. Россия, вперед! URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413#sel=21:41,21:57;12:1,12:22> (дата обращения: 03.09.2015)

⁷⁶ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. М.: Три квадрата, 2008.

⁷⁷ Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении URL: [http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2009/92/2009_4\(92\)_3_Mersyanova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2009/92/2009_4(92)_3_Mersyanova.pdf) (дата обращения - 03.12.2015)

организаций, но, надо заметить, что реально действующих и функционирующих около 40% (136 тыс.). Кроме того, отдача от львиной доли российских НКО весьма незаметная. Таким образом, наличие значительной массы НКО в стране еще не означает действенного улучшения ситуации в гражданском секторе и качественного выполнения организациями своих целей (защита прав и свобод, реализация социальных услуг, культурно-просветительская работа, обеспечение социальной интеграции, патриотическая деятельность и пр.). В связи с этим возникают вопросы относительно необходимости новой институционализации общественных организаций, а также выработке принципов их деятельности, которые отразят социальный охват и общественную пользу функционирования. Также актуальны темы финансирования, информационной поддержки общественных организаций и т.п. На сегодняшний день те задачи, которые стоят перед обычными НКО, все активнее реализуются новыми акторами – «сетевыми сообществами»⁷⁸ или «электронным гражданским обществом»⁷⁹.

Представители гражданского общества интенсивно и широко используют открывшиеся возможности Интернет-практик. «Новая» общественность, оперируя Интернетом как инструментом продвижения собственных позиций и мнений, создает этим самым отличную от традиционной модели систему взаимодействий с государственными политическими институтами. Как подмечает Е.В. Морозова, новые коммуникационные технологии ведут к складыванию «open space», т.е. пространства открытого для гражданских инициатив, пространства как способа преодоления, присущих российской политической системе трудностей (ангажированности власти, общественной фрагментации и атомизации, пр.)⁸⁰.

⁷⁸ Соколов А.В. Особенность Интернет-пространства как площадки взаимодействия //Власть. 2012. №13.

⁷⁹ Бронников Н.А. Метаморфозы гражданского общества // PolitBook. 2012. №2.

⁸⁰ Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти// Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С.147

«Новые» общественники не нуждаются в прохождении государственной регистрации, получении субсидий и других средств на осуществление деятельности, им не требуется помещение и прочее материальное обеспечение. Они оперативно реагируют на импульсы социума, организуют сети неравнодушных к той или иной проблеме. Эти сети решают проблему зачастую собственными силами, либо выносят ее на уровень власти, в т.ч. и федеральный. Нельзя не отметить созидательные сетевые акции гражданской активности. Иллюстративным примером является ситуация лета 2012 года в Краснодарском крае, когда за короткий промежуток времени при использовании сетевых ресурсов была организована благотворительная и волонтерская помощь пострадавшим от наводнения жителям. Освещение работы волонтеров в Сети и размещенный ими контент в социальных сетях о текущих событиях вызвали у населения большее доверие, чем позиции официальных СМИ.⁸¹

В этом ключе Интернет позволяет самоорганизоваться гражданам в сообщества, в определенные идейные проекты, которые носят конкретно целевой характер. Данные структуры имеют серьезные преимущества над традиционной формой гражданской активности, о чем свидетельствуют результаты их работы, их популярность и рост подобных практик.

Среди ярких примеров «электронного гражданского общества» можно отметить ряд проектов краудфандинга и фандрайзинга («С миру по нитке»,⁸² «Planeta.ru»⁸³), платформ оказания юридической помощи («Непофигизм»⁸⁴, «Svem.ru»⁸⁵), написания и подачи в органы власти петиций («Change.org»⁸⁶,

⁸¹ Там же.

⁸² Сайт проекта «С миру по нитке» URL: <http://smipon.ru/projects> (дата обращения - 04.12.2015)

⁸³ Краудфайдинг в России URL: <https://planeta.ru/communicate> (дата обращения - 03.12.2015)

⁸⁴ Сайт проекта «Непофигизм» URL: <https://nepofigizm.ru/> (дата обращения - 03.12.2015)

⁸⁵ Сайт проекта «Svem.ru» URL: <http://svem.ru/> (дата обращения - 06.12.2015)

⁸⁶ Сайт проекта «Change.org» URL: <https://www.change.org/> (дата обращения - 03.12.2015)

«Onlinepetition.ru»⁸⁷, «Наше мнение»⁸⁸), а также проекты, инициированные гражданским активистом А. Навальным (РосПил, РосЯма, РосЖКХ и пр.).

Указанные проекты являются инициативой снизу, т.е. воплощением идей и предложений обычных граждан. Есть и другое направление, которое описывается при помощи понятий «электронная демократия» и «электронное управление», т.е. это механизмы политической коммуникации и участия граждан, созданные государством для активизации общественности⁸⁹. В этом случае процесс коммуникационного взаимодействия граждан и политических институтов заранее регламентирован и выстроена система контроля. Поэтому необходимо разводить эти два направления: общественно-гражданские практики в Интернете и деятельность государства в сетевом пространстве.

Важно учесть, что внутри категории гражданско-политических Интернет-практик обнаруживается своего рода дифференциация. По предложенной С.В. Пономаревым классификации, среди Интернет-практик можно выделить несколько групп: сервисы – «жалобы», сервисы по сбору средств, сервисы для координации деятельности и т.д.⁹⁰ Когда для анализа не требуется определение конкретной специфики практик, то многообразие данных ресурсов можно свести к более емким категориям. Фактически речь идет о двух вариантах гражданских действий: проактивной деятельности с ярко выраженным демократическим потенциалом (идеи и предложения относительно качества среды проживания локального сообщества) и реактивной деятельности, направленной на устранение дефектов работы властей. Так, например, выделяются ресурсы, где активность участников сводится сугубо к заявительной функции о разного рода проблемах локального хозяйства. К наиболее значимым сетевым проектам последних

⁸⁷ Сайт платформы для петиций Рунета URL: <http://www.onlinepetition.ru/> (дата обращения – 15.06.2016)

⁸⁸ Сайт проекта «Наше мнение» URL: <http://mypetition.ru/> (дата обращения - 03.12.2015)

⁸⁹ Бондаренко С.В. Особенности созданий и функционирования площадок «электронной демократии»// Полис. 2011. №5. С.169

⁹⁰ Пономарев С.В. «Электронное правительство»: административные и гражданские практики в современной России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2014. - С. 167-169

лет отнесем следующие платформы: «Почини свою улицу», «Наш город Москва» (а также по схеме «Наш город - Новосибирск, Красноярск, Сосновоборск и пр.), «Красивая Балашиха» и т.п. Другая часть проектов имеет более выраженную политическую природу, позволяющую артикулировать собственное мнение и высказывать инициативы, предложения по насущным вопросам субнационального уровня.

Кроме этого, дифференциация проводится по линии определения субъекта создания ресурсов: представители гражданского общества или встроенные в политическую систему акторы («Street journal» - запущенная общественностью платформа, а «Решаем вместе» - инициатива пермских муниципальных властей). И заключительным критерием деления является непосредственно сам субнациональный уровень реализации проектов. Так, в центральной части РФ был создан ряд интересных площадок, где в число проектов регионального масштаба входит сетевой ресурс «Как сделать лучше наше Подмосковье» (региональный уровень), крупным муниципальным проектом является «Чего хочет Москва?» (городской), а замыкает многофункциональная сетевая площадка «Йополис», которая содержит механизмы организации и осуществления политико-гражданских практик на уровне микрорайона или даже конкретного жилого дома.

Нынешняя ситуация может быть охарактеризована как конкуренция между данными акторами за продвижение собственных интересов в Интернете, который представляется не только топосом действий, но и новым каналом коммуникации. Электронное гражданское общество как система негосударственных образований и пользователей ставит в качестве одной из приоритетных целей воздействие на власть.⁹¹ Причем, это воздействие может носить как конструктивный характер, так и выражение протеста осуществляемому политическому курсу.

⁹¹ Буренко И.В., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1 С.48

Интересной практикой влияния на власть со стороны активной общественности стали платформы онлайн-петиций. На первый взгляд это уже метод с многовековой историей, так, например, в 1791 году право на подачу петиций было конституционно закреплено во Франции, а в Англии подобный механизм был признан в постановлении общин при Генрихе IV. В настоящее время он существенно актуализировался и трансформировался. Если суть осталось схожей, т.е. и петиция и онлайн-петиция являются обращением/прошением, направляемым в органы государственной или муниципальной власти от граждан, инициативных групп, то сама организационно-технологическая часть и, как следствие, результативность этого метода воздействия, существенно прогрессировали.

Появившиеся в 2000-е годы платформы по созданию онлайн-петиций дали возможность выносить злободневные вопросы и острые социальные проблемы гражданам на всеобщее рассмотрение. Обращение одного человека к государству или даже инициативной группы чаще всего не влечет общественного резонанса, хотя проблема может быть, действительно, крайне важной. Преимуществом онлайн-петиций является огромный масштаб охвата людей, которые могут узнать и проголосовать за общественное предложение – на уровне города, региона, целой страны или нескольких стран. Интернет решает сложности со сбором подписей и организацией людей на эту активность. Если мы обратимся к опыту Германии, то увидим, что с 2005 года граждане получили право на электронные петиции. Однако там действует процесс фильтрации петиций, т.е. обращение рассматривает сначала специальная комиссия при бундестаге, только после этого петиция публикуется на официальном сайте и за нее можно голосовать. В нашей стране с 2013 года действует проект «Российская общественная инициатива»⁹², цель которого состоит в размещении общественных

⁹² Сайт проекта Российская общественная инициатива URL: <https://www.roi.ru/page/about/> (дата обращения - 17.11.2014)

инициатив граждан РФ. Данный ресурс является результатом исполнения указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Обязательным условием для участия в проекте является регистрация на портале «Госуслуг», что позволяет идентифицировать заявителя, а также контролировать чистоту процесса подачи голосов за ту или иную инициативу. Также как в случае с ФРГ в нашей стране оформленная инициатива проходит стадию премодерации, после чего допускается до голосования. Для того, чтобы петиция была направлена в органы власти на рассмотрение в императивном порядке, требуется набрать 100 тыс. голосов или 5% от числа зарегистрированного населения, если речь идет о региональном или муниципальном уровне. В Германии этот показатель равен 50 тыс., а в Великобритании необходимо лишь «подпись» 200 граждан.

На начало 2016 года на проекте «Российская общественная инициатива» размещено более 7 тыс. петиций/инициатив граждан. Среди наиболее популярных значатся: «Оплата государством аборт только по медицинским показаниям», «Оборудовать все железнодорожные переезды системами видеорегистрации», «Установить для работников организаций всех форм собственности минимальный размер выплат суточных при служебных командировках не менее 300 рублей»⁹³ и т.д.

Эта платформа является официальной и наиболее авторитетной, востребованной, но она не может считаться «продуктом» электронного гражданского общества, т.к. создана государством и действует на разработанных властью принципах. Фактически ресурс отражает одно из проявлений реализации модели электронной демократии в России.

⁹³ Проект Российская общественная инициатива: Инициативы на голосовании URL: <https://www.roi.ru/poll/> (дата обращения - 17.11.2014)

Путем осуществления Интернет-практик, в т.ч. создания онлайн-петиций, зачастую гражданами оказывается давление на политические институты. Более того, активность в Сети приводит к совершенно реальным (объективным) последствиям, решениям и событиям. Локальным примером того, что Интернет-практики воздействуют на политику может служить ситуация в Пермском крае, развернувшаяся вокруг вопроса о снятии ограничения поездок по льготному проездному для студентов. Решение городских властей о лимитировании поездок получило большой общественный резонанс. Студенчество создало онлайн-петицию, которую поддержало более 12 тыс. пользователей Сети⁹⁴. Это послужило основанием для организации нескольких расширенных круглых столов по проблеме и привело к пересмотру решения городскими властями. Таким образом, online-коммуникации имеют потенции воздействия на государственные институты и продуцируемые ими решения в фокусе масштабного общественного контроля.

К «истинно гражданским» проектам можно отнести, по мнению автора, платформы: «Change.org»⁹⁵, «Activism»⁹⁶, «Onlinepetition.ru»⁹⁷, «Наше мнение»⁹⁸ и т.п. первые два ресурса – функционируют во многих странах мира, например, Change.org актуален в 196 государствах. Другие – российские аналоги. Многие из этих платформ ничем не уступают официальному ресурсу и также пытаются решить проблемы общественности путем сбора подписей и воздействия на власть. Безусловно, в обоих случаях государство не ставится в рамки обязательного принятия положительного решения относительно направленной петиции, но в данном случае количество голосов играет не последнюю роль при итоговом рассмотрении,

⁹⁴ Пермские студенты требуют отменить лимит на проезд в транспорте по льготному проездному URL: <http://www.business-class.su/news/2016/12/09/peticiyu-za-otmenu-ogranicheniya-poezdok-po-lgotnomu-proezdnomu-podpisalo-bolshe-10-tys-chelovek> (дата обращения - 17.02.2017)

⁹⁵ Проект «Change.org» URL: <https://www.change.org/> (дата обращения - 07.05.2014)

⁹⁶ Проект «Activism - Петиции Онлайн» URL: http://www.activism.com/ru_RU/ (дата обращения - 07.05.2014)

⁹⁷ Платформа для петиций Рунета URL: <http://www.onlinepetition.ru/> (дата обращения - 07.05.2014)

⁹⁸ Проект «Наше мнение» URL: <http://mypepetition.ru/> (дата обращения - 07.05.2014)

т.к. указывает на востребованность и одобрение конкретным количеством граждан. Поэтому игнорировать мнение многих публично политические институты просто не могут. В результате этого гражданские активисты в связке с новыми технологиями вдохнули жизнь в механизм петиций, обнаружили дополнительную отправную точку для взаимодействия общества и власти.

Переоценивать роль данного инструмента не стоит, но подобные механизмы ведут к постепенному вовлечению граждан в политическую коммуникацию. Так, по мнению сотрудника Института публицистики в Майнце Паскаля Юргенца, «петиции подписывают люди, которые обычно не участвуют в политической жизни»⁹⁹. Он указывает и на то, что механизм петиций оказывает не сильное воздействие на принятие решений, но в то же время многие граждане включаются в политический процесс, благодаря его простоте и доступности.

В качестве еще одного вектора активности гражданского общества в Интернете отметим борьбу с коррупцией. С 2010 года был запущен «авангардный» общественный проект по инициативе гражданского активиста и оппозиционера А.Навального – «РосПил». Целью данного ресурса стало выявление злоупотреблений при государственных закупках и контроль над расходованием бюджетных средств. Механизм работы был выстроен следующий. Пользователи сайта размещают информацию о госзакупках, где конкурс, по их мнению, содержит коррупционный элемент. После чего эти данные обрабатываются и проверяются специалистами, экспертами в определенной профессиональной области и при подтверждении предположений пользователей о сомнительной закупке далее при участии юристов составляется обращение в контролирующие органы. Проект «РосПил» стал одним из наиболее популярных общественных инициатив в

⁹⁹ Насколько эффективны онлайн-петиции в Германии URL: <http://news.21.by/hi-tech/2013/01/29/704594.html> (дата обращения - 07.05.2014)

нашей стране, который функционирует на принципах фандрайзинга. Причем за первые два года активной работы проекта (2010-2012 гг.) было собрано около 16 млн. пожертвований от граждан. За этот же период удалось пресечь нарушения закона по реализации государственных закупок на сумму, превышающую 50 млрд. руб.¹⁰⁰ По мнению Гончарова В.Э. и Елизарова В.П., до появления новаторского проекта А.Навального у «партии Интернета»¹⁰¹ не было подходящего формата для организации коллективных действий.¹⁰² Поэтому не удивительно, что за первые месяцы работы сайта он получил большую известность и пользовательское внимание. Более того, онлайн-деятельность активиста моментально перешла в фокус публичной политики и стала объектом внимания традиционных СМИ. Например, состоялся целый ряд дебатов и общественных дискуссий А.Навального с представителями академической среды, политических партий и представителей органов власти (с Е.Федоровым, Я.Кузьминовым и т.п.). Это указывает и подтверждает тот факт, что онлайн-коммуникации находят продолжение в социально-политическом пространстве. Интернет-технологии могут стать инструментом как проявления гражданской активности, направленной на общество (например, благотворительные акции), так и инструментом, направленным на контроль государства, мониторинг деятельности политических институтов.

Подобные практики в виде «гражданских жюри», независимых публичных расследований (которыми фактически и являются проекты А. Навального) и прочего, Перегудов С.П., анализируя материал Дж. Кина, относит к проявлениям так называемой «мониторинговой демократии».¹⁰³ Эта политическая система отношений власти и общества, согласно

¹⁰⁰ Проект «РосПил» - инструмент борьбы с коррупцией URL: <https://te-st.ru/apps/rospil/> (дата обращения - 09.03.2014)

¹⁰¹ Авторы понимают под «партией Интернета» пользователей сети Интернет в России, т.е. молодых и высокообразованных жителей крупных городов

¹⁰² Гончаров В.Э., Елизаров В.П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации. // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2011. № 4. С.168

¹⁰³ Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. 2012. №6. С.56

американскому автору, является «новой исторической формой демократии», которая пронизана «непрерывным общественным бичеванием тех, кто осуществляет власть».¹⁰⁴ Публичная проверка и контроль в рамках данной концепции распространяется не исключительно на государственные институты, но также и на всех акторов, принимающих важные для общества решения: бизнес-структуры, некоммерческие организации, фонды и пр. Самым главным элементом мониторинговой модели демократии является установка на конструктивное взаимодействие власти и социума.

Более того, по мнению Сунгурова А.Ю., в нынешних реалиях в принципе «государство не может выстраивать свою политику без взаимодействия с общественными организациями».¹⁰⁵ Но если в его работе речь идет о таких институализированных формах гражданского участия в РФ как общественные палаты и консультативные советы, которые получили широкое распространение в начале 2000-х годов, то в онлайн-пространстве действуют «свободные акторы», которые независимы от исполнительной власти. Это обстоятельство в определенной степени обуславливает то, что оффлайн-формы мониторинговой демократии уступают в конструктивности и действенности похожим Интернет-практикам, т.к., например, деятельность советов носит рекомендательный характер, финансируется из бюджета, регламентируется правилами, а, значит, ограничивается определенной областью «отслеживания» работы власти и, наконец, обеспечивает более лояльное отношение к ней. В отличие от них общественные Интернет-практики «мониторинговой демократии»: более вариативны, устроены на базе краудфандинга, нацелены не только на обсуждение, но и на решение конкретных проблем. Они заставляют власть реагировать, т.к. выявленные нарушения «общественниками-аудиторами» в функционировании политических институтах могут быстро перерасти в

104 Keane J. *The Life and Death of Democracy*, London: Simon & Schuster, 2009.

105 Сунгуров А.Ю. Общественные советы как институты мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края// Социум и власть. 2013. №6. С. 48

широко обсуждаемую тему не только в Интернете, но и обычной социальной действительности.

Так проект «РосПил», созданный гражданскими активистами и направленный на борьбу с коррупцией в органах власти важен в первую очередь для самого государства. Ресурс помогает властным институтам обнаружить дефекты внутри проводимой ими работы, оптимизировать собственную деятельность «руками» электронного гражданского общества.

Вместе с проектом «РосПил», «Доброй машиной правды»¹⁰⁶ функцию мониторинга и имплицитного взаимодействия с властью выполнял с 2011 года ресурс «Дал слово.Ру»¹⁰⁷ (на сегодняшний день сайт не функционирует). Название ресурса отражает его суть – проект создан для отслеживания выполнения обещаний, публично озвученных или опубликованных политическими деятелями в РФ. Функционирование сайта осуществлялось на основе краудсорсинга.

Не менее значимой инициативой электронного гражданского общества стал ресурс, разработанный саратовскими студентами – «Где казино?»¹⁰⁸, объявивший борьбу с нелегальной коммерческой деятельностью – игорным бизнесом по всей нашей стране. Отметим, что ресурс вызвал резонанс в публичной политике. По поручению премьера РФ, органами прокуратуры были проверены размещенные на сайте адреса, указывающие предположительное месторасположение нелегальной игровой точки. В результате проверки выявлены более 220 игорных заведений, возбужден ряд уголовных и административных дел. Ранее (в 2010 году) подобная инициатива была предпринята «Новой газетой», которая провела операцию «Чистые.ru»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Проект «Добрая машина правды» URL: <http://mashina.org/> (дата обращения -15.09.2014)

¹⁰⁷ Волков Л. Проект «Дал слово.Ру» URL: // http://old.leonidvolkov.ru/projects/dal_slovo/ (дата обращения - 15.09.2014)

¹⁰⁸ Проект «Где казино?» URL: <http://gdecasino.org/> (дата обращения - 15.09.2014)

¹⁰⁹ Операция «Чистые.ru» URL: <http://www.alebedev.ru/media/7147.html> (дата обращения - 15.09.2014)

В русле мониторинга действовали проекты «РосЯма», «РосЖКХ» и их сайты-близнецы. Обратим внимание на то, как понимают авторы суть «РосЯмы» - это «система народного контроля за дорогами».¹¹⁰ Причем, этот контроль тоже осуществляется в рамках основного вектора – борьбы с коррупцией. Добавим к этому, что на базе популярных социальных сетей гражданскими активистами создаются группы под эгидой контроля и надзора за органами власти. Например, на Facebook действуют следующие сообщества/группы: «ЖКХ на контроль»¹¹¹, «Открытая полиция»¹¹² и пр.

Таким образом, в нашей стране на протяжении последних 5-6 лет действуют гражданские проекты, направленные на стимулирование общественности и участие населения в мониторинге деятельности власти в разных сферах. Данные Интернет-практики являются важным вектором развития взаимодействий власти и общества, реализацией гражданских прав, попыткой преодоления политической пассивности и аполитичности путем участия в общезначимых вопросах, контроле за исполнением намеченного (декларируемого) политического курса. При этом следует обратить внимание на мнение президента Фонда эффективной политики Б.Павловского: «Пока граждане увлеченно следят за правительствами, правительства таким же образом следят за гражданами, корректируя тактику и программы телевидения»¹¹³. Хотя данное утверждение было сделано применительно к египетским событиям, оно отчасти характерно и для нашей страны: власть прочно вошла в Интернет-пространство и также его мониторит, отслеживает общественные настроения, мнения и дискуссии, а также работает над их «корректировкой» собственными методами.

¹¹⁰ Проект «РосЯма» URL: <http://rosyama.ru/#about> (дата обращения - 15.09.2014)

¹¹¹ Группа на Facebook «ЖКХ на контроль» URL: <https://www.facebook.com/zkh.kontrol> (дата обращения - 18.09.2014)

¹¹² Группа на Facebook «Открытая полиция» URL: <https://www.facebook.com/OpenPolice.ru> (дата обращения - 22.09.2014)

¹¹³ Павловский Г. Каир как шедевр monitory democracy URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/58/2.pdf (дата обращения - 05.10.2014)

Подтверждением этому является неоспоримый факт – на сегодняшний день все значимые проекты электронных гражданских активистов имеют государственный аналог (об этом будет подробнее сказано в следующем разделе). Это обстоятельство еще больше убеждает в том, что подобные ресурсы играют в современных условиях существенную роль. Именно поэтому государство приняло решение создать собственные сайты, чтобы регулировать данную электронную активность, направлять гражданскую энергию населения в удобное для политических институтов русло.

Кроме обозначенных проектов, большое влияние на работу государственной машины оказывает деятельность граждан в социальных сетях, блогах, форумах и в целом в «новых медиа», «социальных медиа»¹¹⁴. Очевидно, что через эти каналы может не просто быстро распространяться свежая информация «от первых лиц», но и проявляться медийный контроль над ходом политического процесса. Итак, обратим внимание на ключевые свойства Интернет-коммуникаций – на мультимодальность и аутопойезис. Обе эти характеристики легли в основу новационного направления имплементации общественных идей, а именно это выразилось в феномене «citizen journalism» или «URG (user generated content)». Так называемая «гражданская журналистика» сформировалась благодаря блогам, позже – социальным сетям, как было отмечено ранее.

Генерируемый пользователем контент стал альтернативой традиционному медиапоток и позволил в онлайн-режиме создавать и размещать собственную новостную ленту. Посредством Интернет-коммуникаций многие оппозиционные акции стали широко известны¹¹⁵. Речь идет как об опыте арабских стран, так и о России в период 2011 – 2013 годов.

¹¹⁴ Балугев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество. 2013. №2. С. 608-609

¹¹⁵ Журавлев О., Лобанова О., Соболева И. Изучая «Болотную»: краткий обзор академических исследований «Движения за честные выборы» URL: <http://polit.ru/article/2015/05/24/bolotnaya/> (дата обращения - 14.11.2015)

Причинами прибегнуть общественности к новому каналу в нашей стране, можно считать несколько факторов.

Во-первых, традиционные СМИ достаточно жестко контролируются и фильтруются властью, поэтому через печатные издания и телевиденье донести свою позицию относительно качества проведения электорального процесса гражданским активистам не представлялось реальным.

Во-вторых, в крупных городах уровень проникновения Интернета к 2011-ому году был уже достаточно высокий, значит, и значительная доля пользователей могла быть оповещена через социальные сети о готовящихся мероприятиях.

В-третьих, государство всячески препятствовало проведению акций протеста, в результате чего только часть из них была санкционированной, соответственно нуждалась в неформальном информационно-мобилизационном канале¹¹⁶. Совокупность этих факторов сыграла решающую роль в использовании Сети. Вместе с этим социальные сети, по мнению исследователей, уменьшили издержки коллективного действия, а коммуникация в микроблогах создавала эффект «эха», способствующего укреплению внутригрупповой солидарности¹¹⁷.

В России Интернет-практики в социальных сетях выступили средством обеспечения со стороны гражданского общества протестно-политической мобилизации.¹¹⁸ Помимо очевидных первоочередных причин запуска оппозиционной деятельности в 2011 году, которые касаются слабости института свободных выборов, приоритетов политического курса, выстраивания «сверху-вниз» гражданского общества и пр., важное место в этом занимают и сопутствующие условия среды (наличие сетевого

¹¹⁶ Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011-начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. №2. С.73

¹¹⁷ Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности / Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука. М.: РОССПЭН, 2013. С. 233-234

¹¹⁸ Лобанова О.Ю. Политическая мобилизация в городской среде: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2015. - С. 43

пространства), к которым необходимо отнести Интернет-практики. В силу возможностей мультимодальности Интернет-практик активная общественность крупных городов обрела быстрыми темпами значительное число сторонников, путем распространения оппозиционного контента, критики власти. Здесь сработал принцип, согласно которому оценка индивидом массовости мероприятия является существенным мотиватором для его собственного участия в нем. Кроме того, по мнению исследователя Лобановой О.Ю., специализирующейся на анализе российских протестов, «от личного участия и численности митингующих в целом зависело оказываемое воздействие на власть»¹¹⁹.

Таким образом, Интернет-практики оппозиции в нашей стране создали впечатление артикуляции общероссийского мнения относительно проводимой политики. С помощью социальных сетей в РФ активистам-оппозиционерам удалось организовать целый ряд протестных акций и привлечь внимание жителей к существующим политическим проблемам и изъянам политической системы (митинг на проспекте Сахарова в Москве (24 декабря 2011), митинг на Болотной площади (17 декабря 2011), акции на Манежной и Триумфальной площади (4 декабря 2011 года), акция движения «Солидарность» на Чистопрудном бульваре (5 декабря 2011) и пр.).

Важно добавить, что происходившее в столице и Санкт-Петербурге оппозиционное бурление также через Сеть было подхвачено другими российскими городами. Только 24 декабря митинги против фальсификации выборов в Государственную Думу прошли, примерно, в 80 городах России. Интересно, что к данной протестной волне присоединились и зарубежные страны, в т.ч. Франция, Германия, Италия и многие другие¹²⁰. По мнению Н.Ю. Беляевой, в период массовых политических протестов 2010-2014 годов

¹¹⁹ Захаров А. Причины и следствия: Психологическая логика протеста URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/8059411/psihologicheskaya_logika_protesta (дата обращения - 09.11.2015)

¹²⁰ Оппозиционные митинги 24 декабря в городах России и мира URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/52861.html> (дата обращения - 19.11.2015)

сложился новый концепт – «протестные сообщества», взявший за основу понятие «агентской публики», т.е. способной быть актором, не имея организационных или институциональных образований.¹²¹ Произошедшая синхронизация протеста российских гражданских активистов и представителей общественности в других странах отражает новый этап в организации коммуникаций, и, кроме того, подводит к теме переосмысления взаимодействия и логики отношений между властью и обществом¹²². Проблема привлекает повышенное внимание многих исследователей, в т.ч.: Морозовой Е.В.¹²³, Подъячева К.В.¹²⁴, Семенова А.В.¹²⁵, Лобановой О.Ю., Соколова А.В.¹²⁶, Клемана К.¹²⁷, Гайнутдинова Д., Чиркова П.¹²⁸, Бикбова А.¹²⁹, Гладарева Б.С.¹³⁰, Дементьевой И.Н.¹³¹ и других. Основной темой, проходящей красной нитью через работы исследователей, является то, что массовый выход на улицы в период 2011-2012 годов ознаменовал переход к новому этапу действий гражданского общества и оппозиции, превращению общественности из объекта публичной политики (как было преимущественно последние два десятилетия) в заметного ее актора.

Обращаясь к мировой ситуации, обнаружим, что Интернет-практики общественности становятся причиной еще большей уязвимости власти в период политической нестабильности, государственных кризисов. Если при

¹²¹ Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. 2011. №3. С. 80

¹²² Халий И.А. Власть и общество: в поисках взаимодействия // Власть. 2012. № 9. С.18.

¹²³ Морозова Е.В. Экстраординарность, случайность и протест в политике // Человек. Сообщество. Управление. 2011. №4

¹²⁴ Подъячев К.В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник института социологии. 2012. №5.

¹²⁵ Семенов А.В., Лобанова О.Ю. Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №1.

¹²⁶ Соколов А. В., Фролов А.А. Интернет-аспекты протестной активности в современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №4-2

¹²⁷ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. М.: Три квадрата, 2008.

¹²⁸ Гайнутдинов Д., Чирков П. Несвобода Интернета (2008-2011). Неправительственный доклад URL: http://hro2.org/files/openinform_313.pdf (дата обращения - 12.01.2015)

¹²⁹ Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинга и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2012. №2.

¹³⁰ Гладарев Б.С. Градозащитные движения в Петербурге накануне «зимней революции» 2011-2012 // Мониторинг общественного мнения. 2010. №4.

¹³¹ Дементьева И.Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территорий. 2013. №4.

обычной работе политической системы тема «новых медиа» рассматривается как поле, которое следует мониторить и контролировать, то при «пробуксовке» государственной машины социальные медиа переходят в группу источников потенциальной крупной угрозы. Следует обратить особое внимание на то, какое значение играют социальные медиа (особенно социальные сети) в «политических сальто», которые серьезно участились в 2000-е годы. Примерами являются события в Кишиневе, массовые акции протеста в Иране, Ливии, Йемене, Судане и затем последовавшая «арабская весна» в виде революций в Тунисе (2010)¹³², Египте (2011)¹³³ и т.п.

Социальные сети выступили в период политического кризиса инструментом пропаганды и агитации, мобилизации и сторонников существующей власти, в социальные сети вводились режимные активисты, что рождало реальные «информационные войны». В отличие от традиционной войны, здесь «военные действия» ведутся в виртуальном пространстве, созданном самим человеком, что подразумевает высокую вероятность изменения параметров среды. Сетевое пространство слишком изменчиво, добиться контроля над ним - труднодостижимая задача.¹³⁴

В результате становится понятным «побочное» проявление свойств Интернет-практик, которые помимо большого созидательного эффекта могут также привести к аккумуляции политической напряженности, стать резервуаром и собственно механизмом для выражения оппозиционных, протестных настроений. Остановить данные революционные тренды в социальных сетях, купировав источник, возможно, но ризомная морфология, как показала практика, быстрее реагирует на запущенную коммуникацию,

¹³² Tweeting Out a Tyrant: Social Media and the Tunisian Revolution URL: <http://wi.mobilities.ca/tweeting-out-a-tyrant-social-media-and-the-tunisian-revolution/> (дата обращения - 22.11.2015)

¹³³ Dyer G.: Democracy and the Arabs URL: <http://www.sltrib.com/sltrib/opinion/51331398-82/democracy-arabs-societies-mass.html.csp>. (дата обращения - 09.11.2015)

¹³⁴ Bryant W.D. Cyberspace superiority. A conceptual model. - Air & Space Power Journal. 2013. November – December.

производя ее в других звеньях Интернет-практик, увеличивая масштаб «информационного покрытия».

Так, в период разрушения стабильной работы государственного механизма массовая политизация наиболее активной социальной аудитории Сети привела к дополнительному влиянию на разворачивание кризисных событий. Блогосфера и пространство социальных сетей выступили площадкой для дестабилизирующих и даже революционных настроений, начиная с 2009 года, когда в Молдавии и Иране произошли политические кризисы. В этих странах всплеск популярности социальных медиа был вызван тем, что посредством этого канала люди смогли выразить свою неудовлетворенность результатами прошедших выборов. Впоследствии сетевая публичная сфера стала катализатором массовых протестов, в социальных медиа сосредоточилось ядро «несогласных» - идеологи и неформальные лидеры оппозиционного движения. Благодаря молдавскому кейсу, впервые появилось понятие «твиттер-революция»¹³⁵, которое было растиражировано европейскими и отчасти американскими журналистами на широкую мировую аудиторию.

В качестве методов мобилизации граждан в Молдавии использовались технологии флешмобов, организуемых через рассылку sms-сообщений, а также через социальные сети, такие, как «Одноклассники». Сервис микроблогов заинтересовал политических комментаторов и обозревателей тем, что его применяли лидеры оппозиции, причем главной целью была не мобилизационная или координационная в данном случае, а исключительно привлечение внимания СМИ к происходящим событиям. Об этом свидетельствует тот факт, что наиболее «плодовитыми» микроблоггерами стали не сами участники инцидентов в Кишиневе, а зарубежные пользователи, запускавшие информацию через хэштег «локальности». Так

135 Gladwell M. Small Change: Why the revolution will not be tweeted URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (дата обращения - 15.08.2014)

основной поток постов в социальных сетях был инициирован несколькими сотнями человек, причем, согласно результатам исследования Этана Цукермана,¹³⁶ около двухсот из них находились непосредственно в стране.

В этот хронологический период был отмечен серьезный политический кризис в Иране, также после электоральных событий (выборов президента), что привело к беспорядкам и жертвам среди местных жителей¹³⁷. Масштабность роли сетевых практик в эскалации политического конфликта отмечали многие эксперты. В отличие от Молдавии, где власти выбрали в качестве механизмов борьбы фильтры и цензуру, а также блокировку доступа к некоторым социальным сетям, в Иране действовала иная схема противостояния. Надо отметить, что иранские власти заранее создали лояльный, прогосударственный сегмент в социальных медиа, вовлекая в эту группу представителей религиозного и консервативного толка. Поэтому в момент нарастания кризисных явлений была запущена наряду с оппозиционной «контролируемая» информационная повестка, дополняемая инструментами жесткой фильтрации. В конечном счете, эти факторы сыграли негативную роль для прежней власти, т.к. явно выраженные меры противодействия привели к большей консолидации и упрочнению оппозиционного крыла.

В ливийском конфликте 2011 года Интернет-практики в социальных медиа также показали свою значимость. В первые недели после восстания против политики Муаммара Каддафи разворачивающиеся события и военные действия были доступны для мониторинга внутренней аудитории и международного сообщества, благодаря пополняющемуся и обновляющемуся контенту социальных сетей, т.к. попасть на место боевых действий было проблематично. В связи с этим традиционные СМИ были

¹³⁶ Пользователи протеста URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/1597287> (дата обращения - 15.08.2014)

¹³⁷ Keller J. Evaluating Iran's Twitter Revolution URL: <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2010/06/evaluating-irans-twitter-revolution/58337/> (дата обращения - 22.11.2015)

вынуждены пользоваться информацией социальных сетей в процессе выпуска новостного блока. Осознавая важное влияние социальных медиа на политический процесс, властью Каддафи еще до революции были предприняты меры по закрытию доступа к сотовой связи и Интернету, телефонным линиям на востоке страны, чтобы предотвратить интеракции повстанцев с внешним миром. За весну оппозиционным силам удалось восстановить сетевую и мобильную связь и в последующем использовать эти каналы для оповещения о событиях в Ливии. Режим Каддафи активно пытался заручиться поддержкой населения через агитацию в традиционных СМИ.

Приведенные примеры Интернет-практик свидетельствуют о том, что социальные медиа могут выступать инструментом борьбы и одним из факторов, повлекшим эскалацию политических кризисов. Точно охарактеризовал применение сетевых социальных площадок один из активистов египетской революции (оставшийся анонимом): «Мы используем Facebook для организации протестов, Twitter для координации действий и YouTube, чтобы сказать об этом миру» («We use Facebook to schedule the protests, Twitter to coordinate, and YouTube to tell the world»)¹³⁸.

Таким образом, наглядно показана сложность восприятия роли Интернет-практик, их неоднозначность в политическом процессе. С одной стороны, они направлены на улучшение условий общественно-политической системы государства: онлайн-петиции и сайты мониторинговой демократии помимо функции контроля и критики выполняют «сигнальные» функции, помогают обнаружить проблемы в государственном управлении, включают общественность в коммуникацию с властью. В связи с этим выражение сотрудника компании Google в Египте: «Если вы хотите освободить общество, просто дайте ему Интернет» («If you want to liberate a society, just

¹³⁸ The Reasons Social Media Contributed to the 2011 Egyptian Revolution //International Journal of Business Research and Management 3 (2011). P. 139

give them the Internet),¹³⁹ имеет под собой определенную рациональную основу. Интернет действительно освободил общество от доминирования иерархических институтов, но при этом не исключил их вообще, а также не нивелировал их политического веса в государстве в целом.

Интернет-практики создали и множество новых вопросов в плане взаимодействия власти и общества. И не стоит упускать из внимания то, что власть со своей стороны тоже активно апробирует политические технологии через Интернет-пространство. Поэтому выявленный процесс культивирования Интернет-практик в политических целях является отнюдь не односторонним, а на сегодняшний день – многосторонним. Более того, чем успешнее и масштабнее реализуются Интернет-практики гражданского общества, чем тщательнее и эффективнее действует народный контроль в Сети, тем больше внимания обращает государство со своей стороны для осуществления регулирования, сдерживания разворачивающейся в электронном пространстве деятельности акторов общественности. В итоге зачастую «государство усиливает контроль этой сферы через мониторинг, ограничение и приспособления к своим нуждам этих же инструментов».¹⁴⁰

Ряд ученых считает (на примере Туниса), что произошедшие события по смене власти являются не Интернет-революциями, а «революциями во время создания Интернет-пространства»¹⁴¹, при этом исследователи стараются обратить внимание на то, что от технологической платформы социальных сетей зависело не так много. Нельзя отождествлять или ставить на одну чашу весов само протестное движение и Интернет-технологии. Однако, по мнению автора, новое коммуникационное пространство позволило иначе выстроить взаимодействия внутри оппозиционного

¹³⁹ Allagui I. Multiple Mirrors of the Arab Digital Gap// Global Media Journal. 2009. № 14.

¹⁴⁰ Балувев Д.Г., Новоселов А.А. Роль новых СМИ в современных политических процессах Электронное учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. С. 20

¹⁴¹ Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет, протестные движения и арабская весна //Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. №1. С.190

движения, обойти властные каналы распространения информации, донести свою позицию до общественных масс. Поэтому логичнее понимать Интернет-практики не в виде фундамента революции, а поставить в число важных ее «триггеров»: «В конечном счете, не Интернет вызывает революцию, но он способствует ей, точно так же как изобретение печатного станка в XV веке помогло распространению протестантской Реформации в Европе, облегчив обмен информацией»¹⁴².

Таким образом, сетевая структура Интернет-общества позволяет применять новые инструменты со стороны разных акторов. Например, Интернет-практики позволяют самогенерировать пользователям информационно-новостной контент, тем самым возникает возможность избежать сформулированной государственными СМИ и довлеющей над гражданами повестки, а смоделировать собственное мнение относительно того или иного события.

Вместе с этим на сегодняшний момент гражданские активисты и общественность имеет в своем распоряжении палитру Интернет-ресурсов для воздействия на государство, для выстраивания коммуникации и нахождения точек соприкосновения с политическими институтами. Интересно, что значительная часть Интернет-практик общественности в РФ направлена на мониторинг деятельности власти и выплеска протестных настроений. Возможно, причина такой ситуации заключается в том, что аудитория Рунета настроена в целом более оппозиционно, чем население, которое не так часто и интенсивно использует новые коммуникационные технологии. Исходя из объективного обстоятельства в виде роста пользователей Интернет-пространства, можно предположить в скором будущем ситуацию, при которой почти все люди будут иметь возможность пользоваться Сетью в политических целях. Как это отразится на политической сфере, расстановке

¹⁴² Нелсон М. Время «сетевых революций» URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/vrema_setevyh_revolucij_2011-03-16.htm (дата обращения - 03.06.2015)

сил в социально-политическом пространстве и контактах общественности с государством является актуальным исследовательским вопросом.

2.2 Проблемные аспекты гражданских Интернет-практик

Наряду с теми учеными, которые считают, что развитие Интернета превратило пассивных слушателей традиционных СМИ в активных пользователей, способных индивидуально или коллективно генерировать информационно-новостной контент в блогах, социальных сетях, видеохостингах и т.д., существует категория социологов и политологов, чья точка зрения диаметрально противоположна обозначенной.

Критики указывают на поверхностное восприятие пользователями информации в Сети, на попытки заменить реальные социально-политические практики на виртуальное участие, а также их опасение вызывает создание и массовое распространение «фейкового» контента. Все чаще звучат высказывания Интернет-пессимистов и просто скептиков относительно неоднозначного влияния Сети на социальную действительность. Например, спонтанный Интернет-протест не может стать революционной силой, способной бороться с аппаратом принуждения государства»¹⁴³. Настоящими причинами свержения власти являются не эффекты от действий гражданских активистов в социальных сетях, а объективные факторы, провоцирующие людей на решительные шаги: социально-экономические, наличие крепкой, сформировавшейся реальной оппозиции, непринятие проводимого политического курса и т.п. По мнению Е.Морозова, во многом эффект воздействия на политический процесс от Интернет-ресурсов, находящихся в руках общественников, преувеличен и окутан мифами. Ему принадлежит введение в политологический дискурс понятия слактивизм («slacktivism»),

¹⁴³ Мартынов К. От слактивизма к республике: почему Интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. №2. С.25

под которым понимается имитация участия и получение удовлетворения от мнимой активности в виде «репостов» и «лайков»¹⁴⁴. Сторону скептиков в оценке влиятельности Интернет-практик на политическую систему занимают М. Гладуэлл, З.Бауман и ряд других.

Феномен «слактивизма» с социально-политическим лицом возник относительно недавно – в начале 2000-х годов. Но в целом данное понятие давно живет в языке англоговорящих и некоторых других зарубежных странах. Раньше его употребляли применительно к описанию созидательных «малых дел», которые реализует человек без особых затрат и усилий. Сейчас же позитивная коннотация сменилась резко на негативную¹⁴⁵, когда слактивизм стал наполняться семантикой Интернет-активности: «лайки», «репосты», изменение «аватаров», подписка онлайн-петиций и пр. Смена позитивной окраски данного феномена связана с тем, что обозначенные Интернет-практики являются примером «ленивой коммуникации», когда люди совершают электронные манипуляции без углубления в их суть, не пытаясь понять и разобраться, что за этим стоит, и вынести вопрос или проблему на уровень реальной публичной сферы. Например, количество подписавших онлайн-петицию может составлять тысячи человек, но фактически выступить в защиту той или иной инициативы гражданского общества готовы лишь единицы. Как утверждает исследователь Долгоруков А.М., большинству пользователей свойственна не проактивная деятельность, а реактивная¹⁴⁶. Поэтому слактивизм в общем смысле можно назвать «пассивной поддержкой многих, притом, что действовать готово исключительно меньшинство». Подобная ситуация объясняется также свойствами Интернет-коммуникаций, которые держатся и множатся за счет

¹⁴⁴ Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: PublicAffairs, 2011. P 192-193

¹⁴⁵ Измествьева Е. Слактивизм: как лайки и репосты могут решать социальные проблемы. Или всё-таки не могут? URL: <http://ampby.org/2015/06/19/40865/> (дата обращения - 16.01.2016)

¹⁴⁶ Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С.32–43.

«слабых связей», подверженных, как известно, быстрому распаду, и низкими издержками на осуществление деятельности в Сети¹⁴⁷.

В качестве яркого примера возрастающего симулятивного характера электронных общественных коммуникаций приводится эксперимент датского психолога Андерса Колдинг – Йоргенсена. Суть этого социального эксперимента заключалась в том, что ученый создал в социальной сети Facebook группу в защиту исторического объекта архитектуры города (фонтана) и за период исследования к ней присоединились около 27 тыс. человек.¹⁴⁸ Вся пикантность в том, что никакой угрозы не было – фонтан никто не собирался демонтировать, это было выдумкой. Однако никто из участников группы не проявил интереса, чтобы найти дополнительную информацию о разворачивающихся событиях вокруг исторического объекта, никто и не заметил подлога. Соответственно возникают вопросы о том, насколько на самом деле эффективны, осмыслены Интернет-практики общественности, являются ли Интернет-сообщества «умной толпой»¹⁴⁹ или же это современный симулякр?

Согласно взглядам ряда экспертов, например М.Гладуэлла¹⁵⁰, именно природа Интернет-практик является основным аргументом в пользу того, что с помощью данного механизма достичь социальных изменений, в т.ч. и плодотворного влияния общественности на власть, невозможно. Ученый-социолог апеллирует к тому, что Интернет-практики неуправляемы и децентрализованы (ризомны), тогда как для эффективных социальных действий требуется сплоченная и четко выстроенная группа активистов. К

¹⁴⁷ Shirky C. How social media can make history http://www.ted.com/talks/clay_shirky_how_cellphones_twitter_facebook_can_mak_e_history/transcript (дата обращения: 15.05.2015).

¹⁴⁸ Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С.5.

¹⁴⁹ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. - Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

¹⁵⁰ Gladwell M. Small Change. Why the revolution will not be tweeted. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (дата обращения - 10.06.2016)

данной критической позиции канадского исследователя присоединились многие зарубежные и отечественные ученые (Мартынов К.¹⁵¹, Морозов Е., Монти Ф., Бартлетт Дж., Маккиннон Р., Мейнрадус Р. и пр. Их взгляды на Интернет-практики выражаются формулой: «Невозможно зачать ребенка через поцелуй, так же, как и нельзя покончить с нищетой или избрать президента, или приобрести гражданские права, присоединившись к группе Facebook или твиттинг или переадресацию СМС» («You can't make a baby by kissing just like you can't end poverty or elect a president or gain civil rights by joining a Facebook group or tweeting or forwarding an SMS»¹⁵²).

Данная позиция имеет основание, т.к. возложенные на Интернет-практики надежды начала 2000-х годов во многом не оправдались. Взаимодействия власти и общества радикально не изменились и не привели к более качественной демократической системе государственного управления и к обширным свободам для гражданского общества. При этом полностью согласиться с мнением о том, что Интернет-практики пусты и тождественны «эффекту плацебо», было бы существенным упрощением роли Интернета. Во-первых, действия, относящиеся к слактивизму, целесообразно отнести к «первой точке соприкосновения» Интернет-общественности с той или иной общественно-политической проблемой. Существует вероятность, что подпись в онлайн-петиции не получит продолжения в реальной жизни, но исключать другую вероятность, согласно которой пользователь заинтересуется вопросом, тоже нельзя. Тем более происходит зачастую абсолютно наоборот: сначала человек узнает о проблеме в оффлайне, а потом уже подключается к процессу ее актуализации в Интернет-пространстве.

Во-вторых, опираясь на масштабные исследования активности в Сети на примере твиттов и ре-твиттов, было установлено, что благодаря

¹⁵¹ Мартынов К.К. От слактивизма к республике: почему Интернет-революции становятся реальностью //Логос. 2012. №2. С.19-27

¹⁵² Slactivism is like a First Kiss. URL: <http://www.meta-activism.org/2012/11/slactivism-is-like-a-first-kiss/> (дата обращения - 15.05.2015).

слактивистам многие важные политические события приобрели широкий общественный резонанс. Слактивисты своими простыми, на первый взгляд, Интернет-практиками усиливают в геометрической прогрессии «информационное эхо», обеспечивают, таким образом, информационную поддержку общественной акции, протеста и пр. В связи с этим слактивизм можно сравнить с «окружением-помощником», функционирование которого помогает небольшой группе гражданских активистов донести до власти и масс проблему, позицию и пр. Без данного механизма в Интернет-пространстве добиться серьезного результата общественно-политической кампании или акции сложно: «пассивная слактивистская периферия настолько же необходима для успеха акций, как и активный центр».¹⁵³

Другим неоднозначным моментом Интернет-практик общественности являются фальсификации в сетевом пространстве. Как было указано ранее, гражданские активисты обрели в социальных сетях инструмент информирования, мобилизации и пропаганды. Возможности электронных ресурсов активно применялись и на сегодняшний день используются оппозиционными силами и гражданским обществом для выражения протеста. Согласно Г. Рейнгольду, благодаря коммуникационным технологиям за считанные секунды можно не только собрать толпы людей, но и суметь синхронизировать их активность. Одновременно с этим в период политической нестабильности и кризисов Интернет-пространство становится полем «вирусной информации» - различных фейков.

Сам термин «fake» пришел в лексический оборот в 1770-х годах из американского варианта и употреблялся в криминальной сфере как «фальшивый». В немецком языке данное понятие означает «сметать», «скользить». Данное понятие мигрировало во многие сферы жизнедеятельности. Например, в экономику («фейковые индикаторы

¹⁵³ Кузнецов Д. Диванные войска признали важной частью протестов. URL: <https://nplus1.ru/news/2015/12/08/slackers-strike-back> (дата обращения - 09.09.2015)

состояния экономики», «фейковые биржевые новости») и литературу, искусство (в виде аналога понятиям «аллюзия» и «миф»). До начала XXI века слово не меняло своего значения, но с появлением Интернета приобрело новый смысл: подделка страниц в социальных сетях, смонтированное видео, ложные новости, свидетельства и пр.

Нынешняя популярность данного понятия берет начало в социальных сетях и означает при транслитерации «подделку», «фальсификацию» или даже «подлог»¹⁵⁴. За последнее время понятие «фейка» внедрилось в актуальный лексический запас рядовых россиян молодого и среднего возраста. Это произошло среди той аудитории, которая наиболее активно и часто пользуется Интернетом, лексическая единица узкого профессионального IT-сообщества обрела новую жизнь. Справедливо будет заметить, что это явление является не сугубо российским кейсом, напротив – в западном мире этот феномен появился и проблематизировался гораздо раньше.

Подчеркнем, что терминологическая база этого обновленного феномена весьма размыта и не закреплена, что вполне объясняется его молодостью (в новом значении и применительно к Интернет-пространству). Существует несколько вариантов фейков¹⁵⁵. В подавляющем большинстве случаев этой угрозе подвержены публичные люди, знаменитости, включая значимых политических фигур, первых лиц государства. Приведем в пример факт наличия в наиболее популярной в рамках России социальной сети «ВКонтакте» более 6,5 тысяч страниц Владимира Путина с выложенной в качестве идентификационной фотографии действующего президента РФ¹⁵⁶.

¹⁵⁴Толковый словарь И.Мостицкого. URL: http://mostitsky_universal.academic.ru/5720/%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA (дата обращения - 05.07.2014)

¹⁵⁵Что такое фейк? URL: <http://voprosum.ru/chto-takoe-fejk> (дата обращения - 14.05.2014)

¹⁵⁶Страницы Вконтакте по запросу: «Владимир Путин». URL: <https://vk.com/search?c%5Bcountry%5D=1&c%5Bname%5D=1&c%5Bq%5D=%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD&c%5Bsection%5D=people> (дата обращения - 14.05.2014)

Есть аккаунты экс-президента США (более 900 страниц)¹⁵⁷ и прочих государственных деятелей, которые в реальности не имеют официальных страниц в данной сети.

Модель этого фейка применяется для диффамации персоны, чью страницу злоумышленники «подделывают», т.е. работают над разрушением репутации человека путем публикации несвойственных ему постов и выкладки порочащего контента. Формирование отрицательного образа через фейковую страницу достигается запуском ложной информации «от первого лица».

Второй вариант рождения фейковости в медиапространстве заключается в продуцировании страниц «виртуальных личностей», т.е. которых в настоящей жизни не существует. Страница выдуманного персонажа наполняется реальным контентом, скаченным у других пользователей. Помимо банальной цели развлечения могут быть иные мотивы для фейковости. В результате Интернет-практики позволяют выполнять «политические заказы», касающиеся дезориентации масс пользователей, установки негативного образа или провоцирования на какие-либо действия.

Не только страницы могут носить фейковый характер, но и отдельные посты могут быть определены как «фейк». Так по данным сервиса School.com, которые основываются на исследовании Pew Research Center, Washington Post и Reuters, практически 50% респондентов сталкивались с ситуацией, когда «свежая» новость, публикуемая в социальных сетях, оказывалась ложью.¹⁵⁸ В сравнении с частотностью появления «уток» в традиционных СМИ социальные медиа значительно проигрывают.

¹⁵⁷ Страницы Вконтакте по запросу: «Барак Обама». URL: <https://vk.com/search?c%5Bq%5D=%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%20%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BC%D0%B0&c%5Bsection%5D=people> (дата обращения - 14.05.2014)

¹⁵⁸ How Social Media Is Taking Over the News Industry. URL: <http://mashable.com/2012/04/18/social-media-and-the-news/> (дата обращения - 18.03.2015)

Большое количество фейков последнее время было сфокусировано на российско-украинском конфликте, обрастало мнениями обывателей и экспертов и в конечном итоге приобретало реальный политический вес¹⁵⁹. Это говорит о том, что цифровая революция привела к данности, в которой стало проблематичным доказательство любого факта.

Число преступлений, совершающихся посредством сетевых технологий постоянно увеличивается¹⁶⁰, что вместе с тем влечет интенсификацию работы по защите электронного пространства от различных видов атак. По мнению специалистов, история развития Интернет-преступности насчитывает более пяти этапов, и прогнозируется, что на современном этапе она затмит собой другие виды преступлений и будет обширно влиять не только на экономические, но и на политические процессы¹⁶¹. В виду своих интегративных свойств и быстрой информационной диффузии сетевые площадки стали объектом для реализации манипулятивных стратегий. В настоящий момент жертвой киберпреступников могут стать не только отдельные люди, но и целые государства. Совершенствование Интернет-технологий ведет вместе с ростом пользовательских возможностей к увеличению угроз для персональной безопасности, для работы политических институтов. По мнению специалистов, контролировать и бороться с киберпреступностью и киберхулиганством на уровне отдельного государства крайне сложно¹⁶².

Существенную тревогу вызывает и тот факт, что «вирусная информация» с легкостью проскальзывает с поля сетевых ресурсов в традиционные СМИ, тем самым увеличивая свой радиус поражения.

¹⁵⁹ Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде //Гуманитарный вектор. 2015. №3. С. 99-100

¹⁶⁰ Горшенков Г.Н. Киберкриминология: к понятию «информационная преступность»//Российский криминологический взгляд. 2005. № 4. С.93

¹⁶¹ Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность : моногр. / Р.И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2008. С.25

¹⁶² Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. №24. С.45

Срабатывает так называемый «эффект информационного бумеранга», когда телевидение и радио освещают новость из Интернета. Чаще всего это случается ввиду невозможности самостоятельно получить информацию от «первоисточника». Фейки часто скрываются под маской «гражданской журналистики» - формирование новостного контента Интернет-пользователями. Отследить каждый твиттер или пост в других социальных медиа невозможно, поэтому «вирус дезинформации» свободно может разгуливать по электронному пространству длительное время.

В качестве подтверждения того, что «фейковость» вышла в политическое пространство, можно привести нашумевшую ситуацию в конце октября 2016 года с выдуманным обстрелом школы в сирийской деревне, в котором обвинили военные силы РФ¹⁶³. Официальный представитель МИД России М.Захарова потребовала извинений от коллеги из Франции за оперирование недостоверной информацией, которая оказалась в Сети. Важно подчеркнуть и тот факт, что фейковую информацию о монтаже фотографий со школьниками М.Захарова опровергла, разместив пост на своей официальной странице на Facebook.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время Интернет-пространство вышло за рамки транспарентных коммуникаций. В изменившемся мире «правительство стреляет пулями, а протестующие – твиттами». Опасность представляется в том, что к 2013-2014 годам Интернет-практики породили фейки в новом качестве. За короткий период времени они окрепли в своей политической ангажированности и стали авангардом в «войне интерпретаций». Поток твиттов и постов в сетевом пространстве иллюстрирует наглядно борьбу характеров понимания и осмысления, ценностных ориентаций, в результате чего цель политической борьбы может

163 Захарова потребовала от МИД Франции извинений за фейки о России. URL: <https://rg.ru/2016/10/28/zaharova-potrebovala-ot-mid-francii-izvinenij-za-fejki-o-rossii.html> (дата обращения - 09.11.2016)

быть сведена к управлению чужим («вражеским») информационным пространством (в т.ч. и сетевым).¹⁶⁴

По замечанию экс-вице-спикера Госдумы Сергея Железняк, любая технология может использоваться и для конструктивных, и для деструктивных действий¹⁶⁵, поэтому Интернет-практики также являются инструментом разных групп. Государство также активно прибегает к данным технологиям, что усложняет ситуацию, делая пространство Интернета двояко ангажированным: со стороны общества и со стороны власти. Иногда не представляется возможным проследить, фейковая ли новость и, если даже понятно, что это точно фальсификация, то, кто является ее источником, зачастую сложно определить. В результате этого, во взаимодействиях власти и общества возникает новый элемент – деструктивные Интернет-практики.

Другая неоднозначность Интернет-практик нашла выражение в политических флешмобах (или «политмобы»). В буквальном переводе «флешмоб» - это мгновенная толпа. Понятие, как и фейк, пришло из IT-сферы и означает сбор людей в определенном месте и в определенное время для осуществления заранее известного сценария действий¹⁶⁶. Первые флешмобы состоялись относительно недавно – в 2002 году - и стали возможными, благодаря разнообразию Интернет-ресурсов. Местами проведения стали Нью-Йорк, Берлин, Лондон, Токио и другие крупные зарубежные города. Постепенно мода на флешмобы пришла в Россию, «пионерами» в этом деле стали Москва и Санкт-Петербург¹⁶⁷.

Изначально флешмоб подразумевался как одна из вариаций перформанса, развлечения; и служил для привлечения внимания окружающих

¹⁶⁴ Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. С. 35

¹⁶⁵ Уголовную ответственность могут ввести за все преступления в Интернете. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/11/anonim.html> (дата обращения - 09.08.2014)

¹⁶⁶ Словарь современной лексики, жаргона и сленга. Понятие «флешмоб». URL: <http://argo.academic.ru/5564/%D1%84%D0%BB%D0%B5%D1%88%D0%BC%D0%BE%D0%B1> (дата обращения - 12.01.2016)

¹⁶⁷ Федорченко С.Н. «Политический флешмоб» - предвестник нового общества? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. №6. С. 27

(так называемых «фомичей» - случайных прохожих). Сейчас технологию флешмоба применяют активно и достаточно успешно в маркетинге в виде способа продвижения товара и нетривиального представления его публике¹⁶⁸, области искусства и пр. Также флешмоб вышел в политическую плоскость. Хотя в основе флешмоб-движения лежат следующие принципы: внеполитический, внерелигиозный и внекоммерческий. Несмотря на это, как раз для политики и экономики флешмоб явился весьма привлекательным инструментом действий.

Не каждый флешмоб носит политический характер, даже напротив – большинство флешмобов носят развлекательный характер и служат для привлечения внимания на темы, не пересекающиеся с политикой. Но наряду с ними все же образовалась ниша для политического флешмоба (политмоба), который, можно с уверенностью заявить, стал формой политического действия. Об этом свидетельствуют эмпирические данные о флешмобах, проводимых, например, в Самаре, Калининграде, Томске, Смоленске, Симферополе, Москве и ряде других городов. Неоднократно в Перми проводились политмобы, организованные гражданскими активистами и адресованные местным элитам. В 2011 году состоялась акция против результатов декабрьских выборов¹⁶⁹, в 2014 году – флешмоб прошел в защиту находящегося в центре города лесного массива - Черняевского леса¹⁷⁰, куда планировалось перенесение зоопарка и т.д. Особенно крупные политмобы состоялись в Лондоне, Цюрихе, Нью-Йорке, Чикаго, Минске. Большой популярностью пользуются так называемые «молчаливые»

¹⁶⁸ Федорченко С.Н. Манипулятивная природа технологий политического менеджмента // Вестник НГТУ им.Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. №2. С.19

¹⁶⁹ Полиция в Перми задержала 15 участников флешмоба. URL: <http://ria.ru/society/20111210/512330929.html> (дата обращения - 10.04.2015)

¹⁷⁰ В Перми прошел флешмоб в защиту Черняевского леса. URL: http://www.permnews.ru/novosti/society/2014/10/06/v_permi_proshel_fleshmob_v_zaschitu_chernyaevskogo_lesa_/ (дата обращения - 10.04.2015)

политмобы, которые исключают вероятность обвинения участников в несанкционированной акции.

Итак, под политическим флешмобом подразумевается коллективная акция, организованная с помощью социальных медиа, которая ставит целью выражение общественного мнения и воздействие на политический процесс, на отдельные элементы проводимого властью политического курса, затрагивает гражданские и социально-политические аспекты жизни. Если обычный флешмоб является развлечением, формой досуга, то политмоб представляет собой не спонтанное социальное явление, а новую форму политического участия, трансформирующегося гражданского общества¹⁷¹.

По мнению исследователей, политмоб для гражданских активистов представляется новой манипулятивной политтехнологией¹⁷², новым политическим акционизмом. Как и в ситуации использования протестным движением социальных медиа, так и с политмобом, есть очевидное совпадение: чем активнее государство контролирует традиционные СМИ и не допускает к ним оппозиционные группы, тем интенсивнее они информационно мигрируют и обращаются к Интернет-практикам. Получается, чем сложнее добиться общественным активистам проведения обычных массовых акций, тем более привлекательными и востребованными становятся политмобы и другие альтернативы.

Обратим внимание на их слабые стороны. Во-первых, сложно оценить эффективность политмобов, т.к. применительно к ним не всегда возможно руководствоваться формулой «воздействие-результат», ведь акция может носить вид протеста, за которым стоит выражение неодобрения, но проведение политмобов не влечет за собой обязательное принятие нормативно-правовых актов или корректировку уже принятых решений.

¹⁷¹ Ямельницкий О.Я. Политический флешмоб как форма горизонтальной коммуникации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. №15. С. 117

¹⁷² Юхно И.В. Флешмоб как современная стратегия политического участия. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1411737914> (дата обращения - 10.04.2015)

Например, проведенный в 2006 году в Томске политмоб, на котором участники бросали в здание городского парламента мелочь в знак несогласия с повышением оплаты проезда, не привел к пересмотру принятых тарифов. Либо другой пример: в Петербурге жители, выражая недовольство постоянным ростом цен на бензин, заправлялись только на 1 литр¹⁷³.

Во-вторых, как правильно подчеркивают Водолажская Т. и Шелест О., в связи с практикой политмобов «происходит понижение планки интеллектуальной и стратегической обеспеченности в выдвижении инициатив и организации политических действий»¹⁷⁴. Флешмоб как единичная и кратковременная акция фактически не обладает серьезным политическим потенциалом, она делает ставку на яркость и обращение внимания. Соответственно сам политмоб отдельно от других гражданских инициатив не ведет к демократизации системы взаимодействия власти и общества.

Вместе с этим кратковременный характер существования этого вида протеста может иметь и некое преимущество, ведь государственные структуры зачастую не могут настолько быстро среагировать на подобную общественно-политическую акцию. Политмоб имеет способность организовываться стихийно в самые кратчайшие часы и выплескиваться в публичное пространство, когда власть к этому не готова и не ожидает политически ориентированного «перформанса».

В-третьих, флешмоб утратил свои первоначальные принципы быть внеполитическим, внерелигиозным и внекоммерческим. Теперь заказчиком флешмоба может стать любой общественный актер и/или политическая фигура. Исследователь Бурматов В.В. подчеркивает, что политтехнологи могут «сконструировать» политмоб, заплатив деньги участникам, и спровоцировать «псевдо утечку» информации об его проведении в СМИ и

¹⁷³ Папченкова М. NzR178qWE и другие // Коммерсант Власть. 2008. №3. С.30

¹⁷⁴ Водолажская Т., Шелест О., Егоров А. Гражданские инициативы в Беларуси. Минск; Вильнюс, 2007. С.19

органы правопорядка.¹⁷⁵ Что в результате будет выгодно той или иной политической силе.

Подводя итог, отметим, что наряду с неоспоримыми преимуществами Интернет-практик по сравнению с традиционными формами политического участия, они имеют слабости, которые породил тоже Интернет. Анализ Интернет-практик показал, что с появлением нового пространства действия (Сети), процесс выражения гражданских настроений и сам процесс формирования, продвижения общественных инициатив существенно трансформировался. Так, механизм фандрайзинга, например, вышел за рамки области благотворительности и воплотился в ключевой источник финансирования общественных и отчасти политических проектов, созданных на краудсорсинговой основе. Ярким подтверждением этому стали проекты оппозиционера и гражданского активиста А.Навального. Этим электронное гражданское общество показало, что теперь социально-политическое участие сконцентрировано и реализуется не столько через некоммерческие организации, официально зарегистрированные и встроенные в струю «вертикального корпоратизма», а через социальные сети, блоги, электронные платформы и другие ресурсы Интернета.

Путем Интернет-практик выстраивается новая архитектура общественной активности, регулировать которую государству существенно сложнее. Общественность внедряет все больше элементов мониторинга за действиями и бездействиями власти, находит возможности отслеживать работу политических институтов на предмет наличия коррупционной составляющей. До этого момента настолько масштабно и глубоко общественность не погружалась в процесс обсуждения деятельности государства, не могла высказать мнение о проводимой политике на всю страну. Именно в 2000-е годы стало возможным подключить к собственной

¹⁷⁵ Бурматов В.В. Значимы ли флешмобы для российского политического процесса?// Власть. 2012. №9. С.35

гражданской интенции огромное количество людей, например, путем онлайн-петиций.

При помощи коммуникаций в социальных сетях удалось организовать массовые протесты и добиваться принятия важных политических решений (особенно характерно для арабских стран). Выход на Манежную и Болотную площадь людей в Москве стал символом нового этапа действий гражданского общества и оппозиции, превращения общественности из объекта публичной политики (как было преимущественно последние два десятилетия) в заметного ее актора. Однако не стоит упускать из виду, что, будучи механизмом, Интернет-технологии, во-первых, вполне могут оказаться в руках не только либеральных общественников, но и авторитарно настроенных групп влияния или радикалов, а во-вторых, применение их в политической борьбе не дает гарантированного успеха. Также отметим, что активность на социальных сетевых площадках не является полноценной заменой реальных действий. Общественность через Интернет-практики осуществляет поиск новых точек соприкосновения с властью.

Однако, важно обратить внимание на неоднозначность Интернет-практик. Наряду с широкими возможностями, они привнесли и новые угрозы в коммуникации и политическое участие, что влияет на ход выстраивания диалога между политическими институтами и вовлеченной в Интернет-взаимодействие общественностью.

Глава 3. Инициативы власти в Интернет-пространстве

3.1 Трансформация современного государства: от представительной к новым формам демократии

Наступление информационной эпохи и расцвет Интернет-технологий отразились на понимании государства, заставили пересмотреть устоявшиеся положения об его месте, функционале и значении в современных социально-политических условиях. Многие известные исследователи, развивающие в

своих работах сетевой подход (Кастельс М., Докука С.В.¹⁷⁶, Гапич А.Э.¹⁷⁷, Сморгунов Л.В.), убеждены, что в связи со скачком и крайне интенсивным развитием технологий процесс осуществления политики и выстраивания взаимоотношений между властью и общественностью коренным образом изменился, став вмещением «глобальных цифровых сетей коммуникации».¹⁷⁸ Происходит складывание сетевой структуры государства, «в котором принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласований на всех уровнях». Связка качественного роста социальной составляющей и технологического прогресса привела к необходимости модернизации общества. Согласно мнению У. Шрамма, для развития обществу требуется постоянное увеличение каналов коммуникации и их пропускной способности¹⁷⁹. Интернет занял место наиболее значимого канала. Поэтому современное государство, чтобы оставаться активным субъектом политики, включается в online-пространство, что дополнительно указывает на важность данного канала.

Интернет явился причиной генезиса новых акторов (в т.ч. гибридных, внесистемных). «Прирост» новых субъектов публичной политики произошел в основном из сектора гражданского общества¹⁸⁰. «Новая общественность» активно ведет себя в Интернет-пространстве, вступает в коммуникацию с властью, влияет на нее. Но предпринимаемые негосударственными акторами шаги не означают отмену монополии власти на принудительные меры и другие важные политические полномочия¹⁸¹.

¹⁷⁶ Докука С. В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137-145

¹⁷⁷ Гапич А.Э. Влияние виртуальных медиа на коммуникативную сплоченность в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 138-142.

¹⁷⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

¹⁷⁹ Schramm W. The beginnings of communication study in America: A personal memoir. Thousand Oaks, CA: Sage. 1997

¹⁸⁰ Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. 2014. №6. С.6

¹⁸¹ Михайлова О.В. Государство в поисках новой модели управления // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2013. №1. С. 24-25

Широкое распространением Интернет-практик подразумевает сотрудничество и открытое обсуждение социально-политических вопросов, синергетическую отдачу от разных акторов. Это позволит принимать более адекватные и взвешенные решения, более чутко реагировать на импульсы, вызовы среды. Информационная эпоха создала условия для прямого участия населения (пользователей Интернета) в политических делах. Причем, вариантов, как она будет трактоваться, множество: «электронная», «виртуальная», «облачная», «жидкая», «делиберативная», «кибердемократия» и т.п. Они имеют некоторые различия, по-разному ставят акценты. Однако если подойти к этим концептам широко, то все они наполнены схожим содержанием. Так, все виды новой прямой демократии схожи в том, что при этой форме граждане проявляют участие не только в электоральном процессе, но и в непосредственном управлении.

Например, под дефиницией «электронной демократии» понимается механизм реализации политической коммуникации на принципах народовластия с применением электронных технологий, который позволит достичь соответствия политического устройства со складывающимися потребностями информационного общества.¹⁸² Футуролог С.Б. Переслегин утверждает, что электронная демократия – это форма власти, при которой в онлайн–режиме проходит обсуждение и принятие голосованием нормативно-правовых актов с участием всех заинтересованных граждан, имеющих возможность предложения своих правок. В этой ситуации вся работа правительства будет нацелена на реализацию через Интернет. В итоге: любой гражданин, являющийся пользователем Интернета, будет потенциальным парламентарием¹⁸³.

¹⁸² Грачев М.Н. «Электронная демократия» и «электронное правительство»: к вопросу об определении понятий с учетом реалий становления информационного общества // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты / Редкол.: О.В.Гаман-Голутвина (отв. ред.) и др. М., 2008.

¹⁸³ Переслегин С.Б. Это не электронная демократия. URL: <http://vz.ru/politics/2011/8/30/517501.html> (дата обращения - 05.01.2014)

Активно развиваются и имплементируются в гражданско-политический процесс практики делиберативности как специальные ресурсы реализации диалога между властью и общественностью. Но если сторонники делиберативной демократии останавливаются на возможности выдвижения политической инициативы, обсуждения и голосования за нее, то адепты «облачности» дополняют данный набор практик, доступных общественности, «матричным делегированием». То есть гражданин имеет право голоса по вопросам государственного управления и в зависимости от политической повестки дня может сделать выбор в пользу того или иного решения сам, либо делегировать свой голос более компетентному лицу. Тем самым обозначается потенциальный переход от «пассивного гражданина» к субъекту политической инициативы. Также новая модель демократии включает в себя «прозрачное» государство. Деятельность такого государственного механизма должна быть понятна всем и освобождена от коррупции и других злоупотреблений. В этом наблюдается сходство с активно культивируемой Интернет-практикой российской общественности по созданию сайтов для мониторинга деятельности власти (о которых шла речь в первой главе).

Учитывая обилие терминов и трактовок, автор склонен в работе понимать под новой формой демократии, к которой неуклонно движется современное государство, делиберативную демократию, имеющую в основе своей развитый электронный фундамент (бэкграунд электронной демократии). Известный политический аналитик Д. Моррис заявил, что одним из важнейших аспектов будущего политического Интернета будет достижение ситуации прямой демократии¹⁸⁴.

Сегодня можно констатировать планомерное подтачивание устоев представительной системы. Это касается не только вопросов гражданской аполитичности, но и сдвигов, произошедших в самой партийной сфере, на

¹⁸⁴ Morris D. Direct Democracy and the Internet // Loyola of Los Angeles Law Review. 2001. V. 34, № 3. P. 1049

которую опирается данная форма. Традиционные политические партии также претерпевают кризис: сложности и неэффективность традиционной политической мобилизации, сокращение партийного членства, критика за нерепрезентативность общественных настроений и т.д.¹⁸⁵ К политическим партиям много претензий относительно того, что они выступают больше в качестве социально-ресурсных и силовых групп, занимаются достижением взаимных интересов вместо того, чтобы конкурировать и отстаивать конкретные политические позиции. К тому же их тяжелый иерархически выстроенный аппарат начинает уступать активности новых гражданско-политических акторов, действующих в пространствах Сети.

Партийные деятели не случайно опасаются, что слишком широкий охват и интенсивное использование Интернет-пространства гражданами для инкорпорирования и участия в политическом процессе способно размыть представительную демократию¹⁸⁶. Вместе с этим, говорить однозначно о том, что представительная демократия исчезнет как форма гражданско-политического устройства в ближайшее время, уступив место новой прямой демократии, будет неправильно. Скорее всего, традиционный иерархически выстроенный мир государственной политики в скором времени должен будет уступить место гибриднему варианту организации власти, где будут сосуществовать линейные и сетевые структуры.

Ранее взаимосвязь иерархии и сетей имела место в социально-политической реальности. Так, по мнению А.Ю. Сунгурова, структуры гражданского и негражданского общества являются примерами сетевой структуры, тогда как государству свойственна именно иерархическая структура¹⁸⁷. Представителям гражданского общества, активистам намного

¹⁸⁵ Сморгун Л. В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 22

¹⁸⁶ Sey A., Castells M. From Media Politics to Networked Politics: The Internet and the Political Process // The Network Society: A Cross-Cultural Perspective. – Northampton (MA): Edward Elgar, 2004, p. 4.

¹⁸⁷ Сунгуров А.Ю. Государство и гражданское общество: как может иерархическая структура взаимодействовать с сетевой? URL://http://www.civisbook.ru/files/File/Sung_gos-vo.pdf (дата обращения - 28.02.2014)

легче вести политически ориентированную деятельность в Сети, т.к. она схожа с морфологией самого актора.

Параллельно с регрессом представительной системы и традиционного гражданско-политического участия проявилось новое направление выплеска гражданской активности и выражения собственного мнения общественностью при помощи Интернет-практик. Онлайн и оффлайн (коммуникации) тесно взаимосвязаны. Виртуальные социальные сети переплетаются с действующими в реальном политическом пространстве сетями и организациями¹⁸⁸.

Что касается актуальных Интернет-практик государства, то, в них прослеживается нацеленность на достижение как минимум двух задач. Во-первых, выстраивание диалога с обществом через новый коммуникационный канал и получение от него обратной связи по проводимому политическому курсу. Здесь можно говорить о том, что государству для его легитимации и развития необходима определенная доля общественного участия и одобрения, которых можно добиться путем непрерывного двунаправленного процесса взаимодействия граждан и органов власти, отвечающих за принятие решений¹⁸⁹. Государство создает каналы для конвенционального политического участия и расширяет существующую коммуникационную сферу путем использования потенциала Интернет-пространства. Эта задача наиболее ярко отражает суть новой формы демократии.

Во-вторых, властные Интернет-практики выполняют функцию контроля и выступают неким ограничителем в Интернет-пространстве. Особенно актуальна эта задача в контексте того, что, как было отмечено выше, государство в настоящее время потеряло по большому счету,

¹⁸⁸ Фадеева Л.А. Политико-ценностное пространство в измерении Фейсбук. URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/1/19.pdf> (дата обращения - 17.10.2015)

¹⁸⁹ Сунгуров А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html> (дата обращения - 08.02.2014)

монополию на распоряжение информационно-коммуникационными ресурсами и пытается это новыми Интернет-практиками скомпенсировать.

Интернет-практики оппозиции, начиная с 2010 года, и яркие протестные акции, которые прошли по многим крупным городам страны, показали, что реализация только второй задачи властью приведет к дальнейшей эскалации конфликтного взаимодействия, т.к. Интернет предоставил питательную среду для существования разнообразных активистских сообществ и проектов¹⁹⁰. Как подчеркивает Огнева В.В., желание государства уклониться от диалога с общественностью только способствует эскалации протестного потенциала и формированию политического характера гражданской активности¹⁹¹. Таким образом, Интернет-практики общественности на сегодняшний день выступили в качестве стимулятора преобразований политических институтов. Российское государство начало движение навстречу общественности в виде подготовки необходимой нормативно-правовой базы, строительства электронного правительства и других электронных площадок для появлений конструктивной гражданской активности.

3.2 Развитие электронного правительства в РФ как коммуникативно-управленческая Интернет-практика

Важность пересмотра технологий взаимодействия власти общества определяется глубоким кризисом демократических политических институтов, обеспечивающих легитимность власти на протяжении всего прошлого столетия (политическим партиям, институту выборов, парламентам, государству в целом). Появление этой тенденции ставит

¹⁹⁰ Пономарев С.В. Проблемы внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему государственного управления России: электронное правительство в отставку?// ARS ADMINISTRANDI. 2014. №1. С.102

¹⁹¹ Огнева В.В., Болховитина Т.С. Социально-политическая активность как фактор повышения эффективности Интернет-коммуникационного взаимодействия власти и общества// Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №2. С.54

большой вопрос в отношении самого понятия «демократии» в современном мире. Как заметили Д. Осборн и П. Пластрик, «необходимость породила обновление системы государственного управления»¹⁹².

По мнению М. Хольцера, долгосрочные и устойчивые положительные перемены в обществе напрямую взаимосвязаны с показателями, как эффективно функционируют государственные институты, которые предоставляют различные услуги населению¹⁹³. Неэффективное управление ставит под угрозу авторитет и влияние государства на развитие общества. Например, в конце 1980-х годов в Англии была апробирована методика периодического мониторинга системы государственного управления. По результатам данного анализа проводится оптимизация его структуры и механизмов функционирования. В Северной Америке при парламенте создан постоянный Комитет по реформированию государственного управления, также и в других развитых странах существуют механизмы, отслеживающие эффективность работы государственных институтов.

Прогресс в информационно - коммуникационной сфере способствовал рождению концепции, разворачивающей государство образца прошлого века в сторону нового общества и принципов государственного устройства. Новая концепция рассматривает государство как крупный «сервисный центр» по оказанию услуг и производящий политический продукт в виде решений и актов с учетом «спроса» граждан страны на них. «Бюрократия по М.Веберу неуклонно выхолащивается из общественно-политических реалий, уступая место «новому государственному менеджменту». Такие ученые-социологи, как Р.Мертон и А.Гоулденер¹⁹⁴, в своих трудах подчеркивали, что главной причиной, ведущей к дисфункциональности, является перенесение акцента работы бюрократии с целей на ее средства. Формализм жесткой

¹⁹² Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства./ Пер. с англ. М.: Прогресс., 2001.

¹⁹³ Хольцер М. Производительность, государственное управление и демократия //Эффективность государственного управления: пер. с англ. М: Консалт-банкир, 1998. С.17

¹⁹⁴ Gouldner A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy. N.Y.: Free Press, 1954. P. 61

иерархически выстроенной вертикали во время адхократических структур оказывается бессильным.

Фундаментальной предпосылкой перехода к новому государственному менеджменту стало нахождение схожести процессов управления в государственных и частных организациях. Подобный вывод был сделан в работе Дж. Бойна и основан на множестве эмпирических исследований¹⁹⁵. Переходя в формат «лицом к получателю услуг», исполнительная власть во многом берет за основу рыночные аксиомы действия¹⁹⁶. Речь идет об эффективности государственного управления, снижении издержек на выполнение административных функций и увеличения подвижности в рамках политической системы ее компонентов.

Пермскими исследователями подчеркивается, что в качестве принципа нового государственного менеджмента выступает наделение граждан правом принятия решений относительно государственных услуг и закрепление за бюрократическим аппаратом ответственности оказания услуг эффективным способом¹⁹⁷. Государство современности своей приоритетной задачей ставит обеспечение максимально широкого доступа граждан к правительственной информации в разных сферах жизнедеятельности. Это фактически означает передачу «ключей» к процессам, определяющим отношения между социумом и государством. Работа государственных институтов подразумевается быть прозрачной, т.к. это единственно действенный из известных инструмент по преодолению коррупции и обеспечению необходимой ответственности власти перед гражданами¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Boyne G. 2002. Public and private management: What's the difference? *Journal of Management Studies* - 39 (1): 97–122

¹⁹⁶ Троицкая Е.А. Административная реформа в современной России в контексте концепции нового государственного менеджмента. Автореф. дис. ...канд. полит. наук. - Пермь, 2011.

¹⁹⁷ Красильников Д.Г., Троицкая Е.А. Новый государственный менеджмент и административная реформа в Пермском крае. *Ars Administrandi*, 2009 (1): 74–84.

¹⁹⁸ Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. Addison-Wesley: Reading, MA, 1992.

Наконец, предоставление гражданам новых коммуникационных инструментов, которые позволяют принимать участие в выработке правил взаимодействия власти и общества, осуществлять контроль за их исполнением, позволят существенно увеличить качество принимаемых решений, что, в свою очередь, положительно отразится на доверии граждан к демократической системе. Внедрение информационно-коммуникационных технологий институтами исполнительной власти для обновления, качественного преобразования собственной деятельности понимается как электронное правительство (e-Government). Информационные технологии выступают в виде модернизирующего элемента, применяемого в административном управлении и процессах организационных изменений. Главная цель этих изменений - оптимизация и укрепление демократических процессов, улучшение менеджеральных практик на уровне государства. В итоге с внедрением ИКТ, позволяющих взаимодействовать и совершать транзакции в онлайн-режиме, государственное управление приобретает новое качество¹⁹⁹.

Синтезная модель электронного правительства включает ряд структурно-функциональных моделей, из которых наиболее значимыми являются: модель функций правительства и его деловых процессов и модель результативности правительственных органов. Нивелировать ведомственные и частные интересы бюрократического аппарата, их субъективное отношение к реформированию, а также задачи по оптимизации системы управления возложены именно выше обозначенных модели. Содержательная составляющая процесса реформирования существенно различается в странах, что объясняется корреляцией решений и ментальной специфики нации, институциональных, финансовых, технических, социокультурных ограничений, а также политической конъюнктуры. Однако административная реформа, реформа государственной службы и создание электронного

¹⁹⁹ Баранов Н.А. Трансформации современной демократии. СПб., 2006. С. 138-139

правительства инициировались в виде взаимодополняющих направлений комплексной реформы государственного менеджмента, разобщенность которых привела бы к низкому синергетическому эффекту²⁰⁰. В результате этого повсеместно в систему нового государственного менеджмента прочно вошло направление по реализации концепции электронного правительства. Так же произошло и в нашей стране.

Серьезным мировым толчком в трансформации взаимодействий власти и общества послужило распространение политико-ориентированной платформы Gov.2.0, которая подразумевает установление контакта между представителями государственных структур и социумом на принципах сотрудничества правительства с гражданами и активное участие последних в политической жизни.

Политический курс на модернизацию страны стал отправной точкой для развертывания широкомасштабных акций за преобразование страны и интенсивное использование Интернета во всех сферах жизни российского общества. Однако, если в европейских странах процесс проходил поэтапно, т.е. включал в себя адаптацию стержневых пунктов нового государственного менеджмента, после чего они накладывались на создаваемую электронную систему управления и взаимодействия с гражданами, то в России порядок был нарушен. Преобразования в административном государственном управлении были запущены одновременно с программой электронного правительства, что породило большое количество нестыковок. По мнению Е.А. Троицкой, элементы нового государственного менеджмента, будучи включенными в российскую административную реформу, развивались в институциональной среде, не способствующей их укоренению. Кроме того, слабость многих политических институтов, отсутствие четкости в проведении реформ, а также сопротивление бюрократического аппарата

²⁰⁰ E-government and applications of technology to government services. URL: <http://www.adb.org/Documents/Papers/E-Government/egov-techgov.pdf> (дата обращения - 04.03.2012)

привели к тому, что импорт элементов нового государственного менеджмента приобрел конфликтный и селективный характер²⁰¹.

В результате этого Интернет-практики государства особенно на первых этапах его вхождения в Сеть выглядели весьма неуклюже, что отмечают многие авторы, в том числе и С.В. Пономарев²⁰²: за появлением массы сайтов и блогов политиков стояло желание включиться в заданный электронным гражданским обществом мейнстрим. При этом многие проекты политических прогосударственных акторов оказались невостребованными, не нашли отклика в широких слоях населения и среди самих политических акторов.

Важным направлением государственных Интернет-практик является создание электронного правительства, которое должно было по логике стать каркасом для дальнейшего сетевого политического строительства. Согласно формальной точке зрения, под электронным правительством в РФ понимается система государственного управления, созданная на основе ИКТ, служащая для повышения эффективности управленческих процессов и снижения социальных издержек для общества при пользовании государственными сервисами. Если же взять во внимание не только аспекты технико-технологические, но и общественно-политические, то сетевые практики в виде электронного правительства – это новая форма организации деятельности органов государственной власти. В сущности, речь идет о форме интерактивной коммуникации между органами власти и обществом.

Заметим, что концепция электронного правительства берет за основу на принципы, сформулированные в виде понятия «Good Governance».²⁰³ Поэтому в качестве основных задач, стоящих перед электронными институтами власти, следует выделить: упрощение бюрократических процедур сокращение сроков и увеличение качества предоставляемых

²⁰¹ Красильников Д. Г., Троицкая Е.А. Практика использования основных инструментов NPM в Пермском крае// Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. №1. С.160

²⁰² Пономарев С.В. Государство в сети: новые институты коммуникации // Власть. 2012. № 11. С.40

²⁰³ Бегтин И. «Good Governance». URL: <http://www.goslyudi.ru/blog/ibegtin/112827/> (дата обращения - 19.07.2015)

государством услуг, способствованию в достижении прозрачности и доступности общественно-политических контактов для граждан, внедрение обратной связи. Электронное правительство строится на фундаменте информационного сетевого взаимодействия структур исполнительной власти между собой, элементами гражданского общества, бизнес - единицами, просто гражданами.

Ю.В. Ирхин отмечает, что становление системы электронного правительства в любой стране должно включать несколько этапов: этап публичности, участия и онлайн-транзакций²⁰⁴. На первой стадии развития информационно–коммуникационные технологии открывают доступ для широких слоев населения, для гражданского общества к данным государственной власти и органов МСУ. На следующем этапе общественность получает возможность участия, а также влияния на ход политического процесса, принятие политических решений через выстроенные каналы обратной связи. Заключительная стадия («зрелое электронное правительство») характеризуется переводом всех основных государственных сервисов в электронный вид, что полностью обеспечивает предоставление услуг населению посредством Сети.

Внедрение концепции электронного правительства подразумевает глубокое реформирование и тотальную ревизию системы управления. При использовании новых сетевых технологий в современном государственном управлении учитываются социально-политическая, экономическая, культурная, ментальная среда (окружение) и иные факторы (этика труда, правовые традиции), нравственные ориентиры и принципы, влияющие на весь характер взаимоотношений «власть – общество». Что касается российской действительности, то путь к становлению электронной

²⁰⁴ Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и социум: попытка системного сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. №1. С.129

архитектуры исполнительной власти можно охарактеризовать долгим, неровным и до конца не завершившимся.

Первой законодательной попыткой, предваряющей строительство электронного правительства, стало принятие в 1995 году Федерального закона №24-ФЗ «Об информации, информатизации и информационных ресурсах», где были определены ключевые направления развития государства в области информатизации и прав субъектов в информационной сфере²⁰⁵. Данный документ, принятый на «гребне волны» повсеместной эйфории от рождения Интернета, не нашел реального воплощения применительно к политической системе нашей страны. Только в начале 2000-х эта тема заново актуализировалась. Среди наиболее значимых нормативно-правовых актов, направленных на регулирование области информационно-коммуникационных технологий в России, относятся следующие. Во-первых, Постановление Правительства РФ №65 от 28 января 2002 года «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)» и, естественно, сама программа.²⁰⁶ Этот нормативный документ включал достаточно обширный объем намеченных целей. Начиная с повышения качества взаимоотношений государства и общества через расширение доступа граждан к информации и повышения межведомственного взаимодействия, и заканчивая – общим повышением уровня государственного управления.

Вскоре было принято, ориентированное на задачи целевой программы, Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 года № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и исполнительных органов государственной власти».

²⁰⁵ Федеральный закон № 24-ФЗ от 24 февраля 1995 года «Об информации, информатизации и информационных документах». URL: <http://ank-pki.ru/index.php/press-center-ank/law-ank/188-z3> (дата обращения - 15.02.2014).

²⁰⁶ Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 "О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)" (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/184120/> (дата обращения - 23.97.2013)

После этого начали появляться собственные сайты органов исполнительной власти. Созданные электронные ресурсы базировались на принципах этапа «публичности», не подразумевая участие граждан, т.е. без обратной связи.

Затем шел ряд распоряжений Правительства РФ, которые по большому счету также были положены в основу реализации программы: «Об одобрении Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных государственных органов власти до 2010 года»²⁰⁷, «Об одобрении Концепции региональной информатизации до 2010 года»²⁰⁸, «Об одобрении Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах»²⁰⁹ и т.д.

Следующим шагом, который был предпринят в направлении технического и технологического оснащения политической сферы, стал Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления». Акцент в этом документе был сделан на включение в электронное пространство и локальной власти (МСУ). Начало разработки федерального закона выпало на 2002 год, в течение трех лет готовился проект и к 2005 году был одобрен Правительством РФ. В итоге, действует закон с 2009 года. По словам Дьяковой Е.Г., сложности в создании правовой основы свидетельствуют, что переход от традиционной системы управления больше не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной культурной составляющей²¹⁰.

²⁰⁷ Распоряжение Правительства от 27 сентября 2004 года №1244-р «Об одобрении Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных государственных органов власти до 2010 года». URL: <http://giod.consultant.ru/documents/798597?items=1&page=27> (дата обращения - 23.07.2013)

²⁰⁸ Распоряжение Правительства РФ от 17 июля 2006 года №1024-Р. "Об одобрении Концепции региональной информатизации до 2010 года". URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=95653> (дата обращения - 17.08.2013)

²⁰⁹ Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. N 1789-р Об одобрении Концепции административной реформы в РФ в 2006 - 2008 годах и плана мероприятий по проведению административной реформы в РФ в 2006 - 2008 годах. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/126887/> (дата обращения - 23.07.2013)

²¹⁰ Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. №11. С.246

В период президентства Д.А.Медведева, сторонника IT-модернизации, в начале 2008 года принята «Стратегия развития информационного общества в России». Из стратегии следовало в частности, что в 2015 году все полностью государственные услуги должны быть переведены в электронный формат, другими словами «к этому моменту Россия должна войти в двадцатку лидеров глобального информационного общества»²¹¹.

Принятый Федеральный закон от 27 июля 2010 года №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»²¹² - это знаковый правовой документ, который означал переход к настоящему электронному государственному и муниципальному сервису. С этого года в России функционирует «Единый портал государственных и муниципальных услуг»²¹³.

Статья 7 главы 2 указанного закона обязывает органы власти с 1 июля 2011 года (решением Государственной Думы срок был перенесен на 1 июля 2012 года) предоставлять заявителю государственные и муниципальные услуги в электронном формате, прекратить требовать с граждан документы и информацию, которые могут быть получены властью через межведомственные запросы. Соответственно для выполнения требования закона все государственные институты должны быть связаны между собой и интегрированы в единую коммуникационную систему, которой стала СМЭВ (система межведомственного электронного взаимодействия)²¹⁴.

Важной задачей является создание системы «открытых» государственных сервисов («Открытое правительство»). Интеграция органов власти и повышение прозрачности их работы - сложный процесс по

²¹¹Стратегия информационного общества РФ. URL: http://nc.gov.ua/menu/publications/doc/elektronn_urad/15.pdf (дата обращения - 20.02.2014)

²¹² Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения - 09.03.2014)

²¹³ Портал Госуслуг. URL: <http://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения - 09.03.2014)

²¹⁴ Система межведомственного электронного взаимодействия. URL: <http://smev.gosuslugi.ru/portal/> (дата обращения - 09.03.2014)

адаптации бюрократического аппарата к новым стандартам. По мнению некоторых авторов, бюрократия использует Интернет, чтобы «не допустить настоящей открытости власти и реального участия граждан в управлении»²¹⁵. Будучи закрытыми и в определенной степени обособленными, сейчас ведомства вынуждены пересмотреть критерии работы, начиная с минимизации нагрузок на заявителей услуг до открытости собственных данных и новой философии работы (нового менеджериального подхода). «Открытое правительство» как эволюционный продукт – это более совершенная форма электронного правительства, модель выстраивания отношений между властью и обществом. На это указывают принципы, на которых оно строится, а именно:

- Информационная открытость и «понятность» действий органов власти;
- Открытые данные;
- Прозрачность государственных расходов, закупок и инвестиций;
- Эффективная система общественного контроля²¹⁶.

В ходе реализации данных приоритетов «открытого правительства» завершается складывание общих черт новой государственной системы управления. Интернет-практики политических институтов становятся в нашей стране постепенно важной составляющей современной действительности. Государственные технологии берут на себя роль своеобразных роторов повышения социальной активности общества. Прогосударственные практики ориентируются на общественный интерес и развиваются, благодаря участию граждан. Государственные ресурсы сами по себе ничего не значат, если в их функционирование не вовлечены большие общественные массы, если для населения не созданы условия для

²¹⁵ Евстифеев Р.В. Политико-административные преобразования в контексте глобальных вызовов: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и тенденции развития: дисс. ... д-ра полит. наук. – М., 2011. С.23

²¹⁶ Открытое правительство. Что это такое? URL: <http://open.gov.ru/opengov/> (дата обращения - 12.08.2015)

пользования электронным правительством - весь результат практик может быть сведен к нулю.

Не случайно в методических материалах по реализации концепции открытости федеральных органов власти в РФ наряду с понятием «открытого правительства» прописана дополнительная дефиниция – «понятное правительство»²¹⁷. Данное направление, согласно методике, включает задачи повышения уровня вовлеченности гражданского общества в процедуры выработки и реализации решений федеральным органом исполнительной власти. Это планируется достичь путем создания механизмов информирования и запуска интерактивного обсуждения концепций проектов нормативных правовых актов и (или) текстов в сети Интернет посредством интерактивных опросов, онлайн-обсуждений (делибераций). Помимо этого, в итоге должна быть представлена концепция проекта нормативного правового акта и (или) его текста на понятном языке, с приведением расчетов и обоснованием затрат и выгод от его принятия. Таким образом, российская власть, учитывая приоритетность задач контроля, делает шаги вперед, инкорпорируя постепенно элементы прямой делиберативной демократии в жизнь.

В этом разрезе актуализируется вопрос, насколько Интернет-практики нашего государства и политическая архитектура востребованы со стороны социума, как им используется и пр. Интересно, что по результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в 2013 году, более 80% россиян положительно реагируют на инициативу власти стать более прозрачной и доступной посредством введения в работу электронного правительства. Примерно такой же процент респондентов поддерживает концепцию электронной демократии (79%), которая культивируется с 2000-х годов. Однако только каждый четвертый из одобряющих идею понимает, что кроется за самой

²¹⁷ Методика реализации концепции открытости федеральных органов власти в РФ. URL: <http://government.ru/media/files/41d476a5cc5d405f064a.pdf> (дата обращения - 09.02.2014)

дефиницией²¹⁸. Обратим внимание, что в 2012 году 42% от общего числа россиян не выражали вообще желания пользоваться новыми государственными сервисами²¹⁹. Несмотря на противоречивые данные статистики, экс-министр связи и массовых коммуникаций Игорь Щеголев еще в 2011 году заявил, что через пять лет граждане смогут получать государственные услуги через компьютер, мобильный телефон и с помощью цифрового телевидения. К 2020 году, по его прогнозу, число таких пользователей достигнет 90-95%²²⁰. Есть основания полагать, что достигнуть указанных министром цифр не удастся, но отрицать факт того, что процесс вовлечения идет, никак нельзя.

Заметим, что на уровне регионов РФ практика развития новой системы взаимодействия власти и общества находится на разных ступенях. Крупные города, такие, как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Нижний Новгород и т.д., показывают высокие показатели по включенности населения в процесс новой коммуникации и апробированию сервисов электронного правительства. Ситуацию существенной дифференциации по «успеваемости» за новыми технологиями регионов констатирует министр связи и массовых коммуникаций РФ Н.Никифоров, говоря, что «на местах уровень готовности органов власти к работе системы разный»²²¹.

Обратимся к материалам опроса молодой части населения краевой столицы Пермского региона²²², в которых отразились основные проблемы и общие тенденции, характерные для значительной части субъектов, не

²¹⁸ Россияне не понимают, что такое электронная демократия. URL: <http://izvestia.ru/news/557741> (дата обращения - 09.02.2014)

²¹⁹ Модернизация бюрократии: россияне не спешат пользоваться госуслугами через Интернет URL: <http://divanoblomova.ru/2012/12/04/modernizaciya-byurokratii-rossiyane-ne-speshat-polzovatsya-gosuslugami-cherez-internet/> (дата обращения - 09.02.2014)

²²⁰ Электронное правительство нужно 6% россиян URL: <http://www.regit.ru/node/294> (дата обращения - 09.02.2014)

²²¹ Информационные технологии в регионах России 2015. URL: <https://drive.google.com/file/d/0BzpiIBsGLoCod2FSc1ZPdGxTb0k/view?pref=2&pli=1> (дата обращения - 12.03.2016)

²²² Садилова А.В. Сетевые политико-коммуникативные практики молодежи в крупных региональных центрах (на примере г. Перми)//Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2015. №2. С.10-14

относящихся ни к «лидерам», ни «аутсайдерам». Согласно полученным эмпирическим данным, более 90% студентов выходят в Интернет ежедневно и только около 8% делают это несколько раз в неделю, что говорит о крайне высокой степени вовлеченности молодежи в сетевое пространство и подтверждает общероссийскую статистику. Нужно заметить, что Приволжский федеральный округ на 3-й квартал 2014 года занимал последнее место по уровню проникновения Интернета, причиной тому могла являться низкая степень вовлеченности людей именно зрелого возраста в этот процесс.

При изучении интереса к информации политического характера в социальных сетях выяснилось, что девушки реже интересовались информацией политической направленности, чем молодые люди. Но общий процент «неравнодушных» к этой тематике составил 51,3%, совсем индифферентными остались более 10%, а остальная часть респондентов - редко интересуется политикой. Данные показатели являются весьма любопытным фактом, т.к. получается, что интерес в виртуальном пространстве к политической стороне жизни наблюдается у половины опрошенных, тогда как в реальные гражданско-политические действия это зачастую не переходит. Согласно материалам аналитического отчета «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные ориентиры», 49% молодых россиян не принимали участия в общественно-политической жизни²²³.

Также стоит остановиться на следующем важном аспекте. Несмотря на то, что значительная часть респондентов заявляет о своей заинтересованности в политической информации в рамках социальных сетей, на вопрос о том, состоят ли они в политико-гражданских группах (сообществах), почти 81% пермяков дают отрицательный ответ. В

²²³ Общественная и политическая активность молодежи. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_2.html (дата обращения - 20.05.2015)

социальных сетях у 11,7% молодых людей есть в числе друзей известные политические деятели и (или) гражданские активисты. Оба показателя говорят о том, что если респонденты и проявляют интерес к политической информации, то не через сообщества и официальные страницы политических фигур.

Говоря о результатах, затрагивающих вопросы об электронном правительстве, сразу прослеживается связь с низким уровнем реального политического участия и в целом политической пассивности. И основная, на наш взгляд, проблема изначально кроется в низком уровне информированности о созданных электронных государственных сервисах и гражданских возможностях. И хотя в настоящее время в принятой программе РФ «Информационное общество (2011-2020)»²²⁴ поставлены цели повышения этого показателя, а также распространения базовых навыков использования информационных технологий и т.д., на 2013 год по итогам исследования ВЦИОМ «что-то слышали» об электронном правительстве всего 49% опрошенных (проводилось не только среди молодежи)²²⁵. Около 14% пермских студентов зарегистрированы на Едином портале государственных услуг - [http:// www.gosuslugi.ru/](http://www.gosuslugi.ru/), из них более половины имеют опыт получения государственных услуг через данный сервис. Основная часть респондентов не знакома с Порталом, что можно объяснить возрастным фактором, т.к. большинство государственных услуг актуализируются после достижения совершеннолетия. В нашем случае в анкетировании принимали участие лица от 17 до 22 лет. Однако важно подчеркнуть, что такие ресурсы, как сайты Президента РФ, Правительства РФ и парламента нашей страны посещали всего 27% опрошенных, а 54% лишь знают об их существовании, но не заходили на них (рис.3.1).

²²⁴ О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)». URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html> (дата обращения - 12.03.2015)

²²⁵ Общественное мнение о развитии механизмов электронного правительства и электронной демократии. URL: http://egov.astrobl.ru/sites/egov.astrobl.ru/files/survey_egov_edemocrasy.pdf (дата обращения - 16.04.2015)

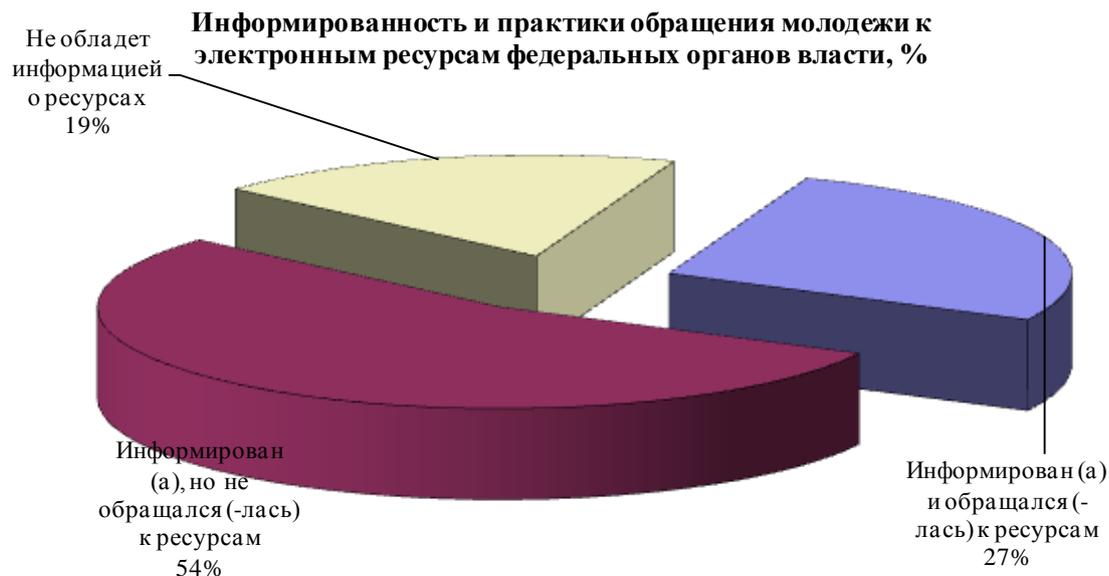

Рис. 3.1

Абсолютно не информированы о работе ресурсов 19% пермских студентов. Снижение показателей были зафиксированы относительно сайтов региональной власти (Губернатора Пермского края, Законодательного Собрания и т.п.), здесь практику посещения электронных ресурсов имеет только 19% молодых людей, информированных более 50%, у остальных нет представления об этих ресурсах вообще (рис.3.2).

Информированность и практики обращения молодежи к электронным ресурсам региональной власти, %

Рис. 3.2

На наш взгляд, разница между показателями федеральных электронных ресурсов и региональных связана с тем, что о политических фигурах и политических институтах масштаба государства население более осведомлено, они обладают значительным авторитетом, чего нельзя сказать про местные и краевые власти. Отвечая на вопрос о том, расширяет ли Интернет возможности повлиять на решения власти, респонденты проявили заметный скептицизм, в итоге почти 42% считают, что воздействие на власть при помощи электронных технологий не меняется. Однако положительно отозвались о потенциале влияния электронных технологий 46%, часть из которых солидарна с мнением о том, что возможности растут, а другая часть опрошенных полагает, что только в некоторых отдельных случаях Интернет расширяет возможности воздействия на политическую власть. Значительная доля среди пермской молодежи (53%) занимает позицию, согласно которой на сегодняшний момент стало проще обратиться в политические структуры, но далеко не всегда можно получить ответ на адресованные власти вопросы. Четверть опрошенных, наоборот, считает, что политические деятели стали гораздо доступнее для коммуникации, а 16,5% студентов не разделяют оптимизма предыдущих групп, оставаясь при мнении, что политические структуры не стали доступными и открытыми.

На данном примере видно, почему востребованность Интернет-практики в виде электронного правительства в России ниже, чем в зарубежных странах. Это объясняется совокупностью причин. Первой проблемой, на наш взгляд, является низкая информированность о созданных инновационных способах получения государственных услуг, вторая – незавершенность цепи шагов их получения. В нашей стране отсутствуют услуги, которые можно получить абсолютно дистанционно. В-третьих, это проблема пассивности региональной и местной власти по апробации электронных сервисов. Проблема «мнимого диалога» власти и общества прослеживается в течение многих лет в РФ, но сейчас приобретает остроту,

т.к. с широкомасштабным распространением Сети внедряются в сознание и те принципы, на которых Интернет изначально выстраивался: на горизонтальных связях и открытости информации, возможности проявления инициативы. В российской политической действительности многие эти принципы не работают, поэтому политические институты, будучи представленными с Сети, воспроизводят традиционную модель отношений с обществом, чем культивируют недоверие и протест среди активного населения.

Обратим внимание на экспертное заключение директора региональных проектов компании AT Consulting Дмитрия Финка, который также полагает, что невысокая востребованность электронных госуслуг является следствием отсутствия удобного пользовательского сервиса и информирования граждан о нем. По его мнению, следует заниматься продвижением государственных сервисов, вплоть до запуска вирусной рекламы²²⁶. Аналогичного мнения придерживается Мирошниченко И.В., которая в качестве главного критерия успеха электронного правительства видит обеспечение обратной связи с гражданами, скорость и качество предоставления услуг²²⁷.

Нельзя не учесть произошедшие изменения, которые выражаются в снятии значительной части формальных коммуникационных барьеров, что касается вопроса получения государственных услуг. Электронное правительство как Интернет-практика послужила триггером для внутренней интеграции и синхронизации работы органов власти на разных уровнях и сферах. Важно, что сервисы электронного правительства позволили запустить другие общественно ориентированные Интернет-проекты и в определенной степени предопределили их появление. Речь идет о целом ряде

²²⁶Электронное правительство: Чиновники и ИТ-компании обсудили главные задачи. URL: http://gov.cnews.ru/reviews/index.shtml?2014/03/28/566122_7 (дата обращения - 09.02.2014)

²²⁷ Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С.208

Интернет-практик, инициированных государством, начиная с 2008-2010 годов.

Таким образом, Интернет-активность российской власти явилась рефлексивным феноменом на широко развернутую деятельность гражданских активистов и общественности в Сети, на общий мировой тренд. Модернизация политической системы складывается путем запуска новых технологий и механизмов, направленных на вовлечение граждан в политический процесс, культивирование политической партиципации. При этом инкорпорирование в политическую жизнь принципов прямой демократии сопровождается «охранительной» политикой государства по отношению к собственным функциям контроля и регулирования.

3.3 Государственные Интернет-практики диалогности и регулирования коммуникаций в Сети

Среди Интернет-практик государства, которые параллельно были запущены со строительством электронного правительства, отметим использование властью технологий социальных сетей. В 2010 году для развития межведомственного, экспертного диалога между представителями государственных структур и оптимизацией работы по переходу к электронным политическим коммуникациям состоялся старт первой социальной сети для «сотрудников органов государственной власти субъектов Российской Федерации, ответственных за информатизацию, административную реформу и переход на оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде». Она получила название «Регионалочка.ру»²²⁸. Основной задачей «Регионалочки» выступало предоставление быстрой связи между регионами при решении проблем

²²⁸ Демидов М.В. России запущена социальная сеть для чиновников. URL: <http://internet.cnews.ru/news/top/index.shtml?2010/04/12/386300> (дата обращения - 28.04.2011)

перехода на «электронное правительство» и обмен опытом участников, имеющих положительные результаты реализации подобных вопросов. Закрытость социальной сети объяснялась тем, что эта площадка создавалась для IT-профессионалов. Широкого распространения данный ресурс не получил: малая доля государственных служащих воспользовалась социальной сетью, а граждане абсолютно не владели информацией о существовании такого рода «нововведения».

Позже была предпринята еще одна попытка инкорпорировать сетевые социальные ресурсы в управленческий сектор. Следствием этого стал запуск второго проекта подобного характера – социальной сети «Госбук». По поручению администрации Президента РФ в этом же году был анонсирован проект, ориентированный на государственных и муниципальных служащих – «Госбук». Разработчики определяют данную сеть как первую в России интерактивную коммуникационную площадку, разработанную специально для государственных служащих, специалистов в разных областях государственного управления и экспертов из различных сфер жизни общества. Проект реализован Институтом современного развития (ИНСОП) при поддержке Администрации Президента Российской Федерации и представляет собой национальную экспертную сеть, участникам которой предоставлен ряд возможностей для максимально эффективного решения актуальных вопросов социально-экономического развития страны, а также совершенствования системы государственного и муниципального управления.²²⁹ В отличие от «Регионалочки», которая была полностью закрытой для незарегистрированных пользователей, в социальной сети «Госбук» основное содержание (публичный раздел) ресурса доступно для просмотра любому «гостю», однако при желании участвовать в работе и обсуждениях сети необходима регистрация.

²²⁹Экспертная сеть по вопросам государственного управления Госбук. URL: <http://www.gosbook.ru/about> (дата обращения - 21.04.2011)

Однако и эта социальная сеть возлагаемых на нее надежд не оправдала, если данный ресурс понимать как продвижение к построению электронного государства, т.е. создание универсального в применении, удобного пользователям электронного диалогового пространства, где государственные и муниципальные служащие смогут наращивать свои профессиональные знания посредством трансляции опыта и информации друг другу, дискутировать. На 2016 год социальная сеть также функционирует, но при этом крайне медленно пополняется пользователями, все менее плодотворна внутренняя коммуникация акторов. Из позитивных результатов стоит отметить, что участники «ГосБука» активно работали (особенно в первые годы запуска) над актуальными проблемами: решение транспортных проблем в городе Москва (результат дискуссий был отправлен в виде предложений в правительство столицы), аккумуляция рекомендаций по реализации региональных программ по модернизации здравоохранения и т.д.

Сравним российскую социальную сеть с зарубежным опытом (таб.3.1). Например, мировыми аналогами «Госбука» являются Govloop и GCPedia, что были созданы на американском континенте (в США и Канаде соответственно) в период с 2008 года. Проекты схожи по целям создания – оба направлены на культивирование электронного правительства и усиление коммуникационных практик государственных институтов и социума в Интернет-пространстве. Вместе с этим достижение цели организовано по-разному. Так, американская социальная сеть направлена, как на государственных служащих, служащих штатов и муниципалитетов, так и на категорию «заинтересованных» лиц («for people in and around government»)²³⁰. Она максимально открыта для доступа. В свою очередь «Госбук» позиционирует себя в качестве «профессиональной экспертной сети по вопросам государственного управления», т.е. как элитарную.

²³⁰GovLoop - Social Network for Government. URL: <http://www.govloop.com/page/frequently-asked-questions> (дата доступа - 11.04.2015)

Таблица. 3.1 Сравнительная характеристика политико-управленческих социальных сетей

Параметры сравнения	Госбук	GCpedia/GCconnex	GovLoop
Социальные сети			
Статус ресурса	Экспертная сеть	Профессиональная социальная платформа	Социальная сеть для работников государственного сектора и людей близких к политической сфере
Инициатива запуска ресурса	По предложению Президента РФ Медведева Д.А. ²³¹	По предложению IT-службы Казначейства Канады	Разработка IT-специалиста Министерства национальной безопасности США
Члены социальной сети/охват участников	Государственные и муниципальные служащие, эксперты в области управления	Государственные и муниципальные служащие	Изначально: государственные и муниципальные служащие. Но сейчас интерес проявили другие категории граждан
Регистрация	Ограничена процедурой инвайта	Ограничена кругом пользователей, имеющих государственный электронный ящик	Открытая
Цель функционирования	обеспечить специалистов, вовлеченных в управление важными для государства и его граждан процессами, удобным и функциональным интерактивным инструментом в Сети, который позволит комплексно обсуждать любой вопрос в режиме реального времени ²³²	организация тесного и продуктивного межведомственного коммуникационного контакта внутри всех государственных структур страны ²³³	Создание коммуникационной площадки, связывающей разные политические институты и граждан для улучшения работы государственной системы ²³⁴

²³¹ В интернете появилась социальная сеть для чиновников «Госбук». URL: <http://www.forbes.ru/news/52556-v-internete-poyavilas-sotsialnaya-set-dlya-chinovnikov-gosbuk> (дата обращения: - 12.04.2014)

²³² Госбук. URL: <http://www.gosbook.ru/about> (дата обращения - 12.04.2014)

²³³ Энциклопедия Wikipedia, как инструмент governance 2.0. URL: <http://e-gov.by/best-practices/wikipedia-egovernance20> (дата обращения - 12.04.2014)

Результаты работы американского проекта способствуют качественным сдвигам в «оффлайновой среде», что выразилось в быстром и более эффективном решении проблем государственного сектора. Примером успешного апробирования электронной платформы и выхода за ее пределы стала группа на «Govloop», посвященная государственным закупкам (Закупки 2.0), члены которой инициировали проведение персональных мероприятий по указанной тематике, делясь своим узкоспециальным опытом, а также запустили дополнительный коммуникационный ресурс – Better Buy Project²³⁵, используя технологии краудсорсинга²³⁶.

Канадский проект GCPedia²³⁷ также направлен на организацию тесного и продуктивного межведомственного коммуникационного контакта внутри всех государственных структур страны. И несмотря на принцип «эксклюзивности» участников (как на «Госбук»), GCPedia зарекомендовала себя в качестве успешной площадки для коллективной работы, обмена знаниями в сфере государственного управления. В отличие от ГосБука, где число пользователей не превышает, по нашим замерам, и тысячи человек, GCPedia объединила более 250 тысяч сотрудников канадских институтов власти. Активное ядро бюрократической Вики составляет около 30 тысяч пользователей-создателей контента (по состоянию на 2015 год).

Таким образом, отечественная политико-управленческая социальная сеть значительно проигрывает по результативности работы, что вызвано малой экспертной базой и низким уровнем вовлеченности в решение реальных проблем, касающихся государственного сервиса.

²³⁴ GovLoop. URL: <https://www.govloop.com/about-us/> (дата обращения - 27.04.2014)

²³⁵ Better Buy Project. URL: <http://betterbuyproject.org/cgi-sys/defaultwebpage.cgi> (дата обращения - 27.04.2014)

²³⁶ Социальные сети для чиновников: Govloop.com и Госбук.Ру. URL: <http://alenapopova.ru/egov/socialnye-seti-dlya-chinovnikov-govloop-com-i-gosbuk-ru.html> (дата обращения - 27.04.2014)

²³⁷ GCPedia. URL: <http://gcpedia.ca/> (дата обращения - 27.01.2016)

В российском контексте отдельного внимания заслуживает пермский Интернет-проект, один из первых, который был ориентирован на создание общего информационно-коммуникационного пространства для представителей исполнительной власти (позже – и муниципалитетов, законодательной власти города). В 2011 году пермский губернатор О.А. Чиркунов стал инициатором введения проекта «Шаг к цели» (на основе программного обеспечения для ведения блогов - WordPress)²³⁸, сутью которого было создание отдельной коммуникативной площадки, где каждый чиновник должен вести свой собственный дневник, отчитываться о своих рабочих успехах (за неделю), а также фиксировать новые планы.

Проект был направлен на несколько целей. Во-первых, данная Интернет-активность власти должна была сделать процесс администрирования более прозрачным и более открытым для населения. Граждане могли ознакомиться с любыми публикациями в свободном доступе, быть в курсе самой свежей информации о деятельности власти. Во-вторых, путем такой новаторской системы был создан «мост» между реализуемой на тот момент функционально-целевой моделью управления краем и перманентным отслеживанием того, как эта модель фактически реализуется каждым из звеньев исполнительной власти (министерствами, агентствами, инспекциями) и персонально. В-третьих, эта блогоплатформа выступила в качестве механизма контроля и воздействия на бюрократический аппарат со стороны администрации губернатора Пермского края²³⁹.

Вместе с тем, говорить о серьезном сдвиге коммуникационной парадигмы власти и общества под влиянием проекта не приходится. Блоги велись чиновниками крайне формально, а сам проект просуществовал недолго. Все же как опыт введения принципов «открытого» правительства

²³⁸ Проект «Шаг к цели». URL: <https://permregion.wordpress.com/> (дата обращения - 07.08.2014)

²³⁹ Лекторова Ю.Ю. Информационное пространство: на пути к «виртуализации» политической коммуникации // Вестник Пермского университета. Серия политология. 2010. № 3 (11). С.27

проект «Шаг к цели» крайне важен. В 2012 году он прекратил свое существование, что связано с отставкой губернатора и сворачиванием его новационного курса развития региона.

Также попыткой российской власти использовать популярные Интернет-практики для развития диалога с общественностью и укрепления собственного аутополитического процесса коммуникаций явилось создание социальных сетей политическими партиями. В начале осени 2008 года появились первые статьи о радикальном изменении Интернет - политики «Единой России», целью которой ставилось создание интерактивной общественной приемной, модернизация сайта партии в целом. Накануне X съезда партии власти широкой аудитории сторонников и остальных пользователей Интернета был представлен проект «Однопартиец», комбинированный работой нескольких сайтов и социальных сетей. Генеральным оплотом в сетевом пространстве для «Единой России» стал ресурс «Берлога» - <http://togeth.er.ru/>. Сразу оговоримся, что на момент написания работы (2016 год) ресурс прекратил свою деятельность.

По мнению инициаторов, социальная сеть «Берлога» - место, где различные политические силы, люди с разными убеждениями, обсуждали самые актуальные вопросы и проблемы: «Единственное, что объединяет нас всех - любовь к России и забота об её благе»²⁴⁰. Целью ресурса было (помимо PR-составляющей) коммуникационное объединение членов партии, приобщение общественности к возможности вступления в диалог на свободной от статусов дискуссионной площадке. Так называемый «портал друзей партии «Единой России», как технология, был важен для получения обратной связи от разных политических сил, поэтому позиционировался к тому же в качестве реального межпартийного политического клуба²⁴¹.

²⁴⁰ Сайт проекта «Берлога». URL: <http://togeth.er.ru/7844791161/comand/index.shtml> (дата обращения - 13.01.2011)

²⁴¹ "Единая Россия" покидает "берлогу". URL: <http://kprf.ru/opponents/91443.html> (дата обращения - 19.02.2012)

Интересная особенность была подмечена в ходе анализа ресурса – возможность «добавить в оппоненты». Как известно, в других социальных сетях используется только функция «добавить в друзья», здесь же был представлен дуальный подход. Выражался он в следующем: «друзья», «считают другом», «оппоненты», «считают оппонентом».

Другим примером социальной сети политической партии являются «Соратники» (<http://soratniki-online.ru>) «Справедливой России». Данный ресурс в отличие от «Берлоги» существует и развивается. Социальная сеть «Соратники» возникла в марте 2010 года и к началу 2016 года насчитывает около 50 тысяч участников. Как и «Берлога», ресурс позволяет взаимодействовать как членам партии, так и представителям общественности с разными политическими ориентациями - «это новый формат Интернет-общения для людей с активной гражданской позицией».

Социальная сеть является «политически персонифицированной». До 2012 года центральное место после новостного блока занимал обзор деятельности лидера «Справедливой России» Сергея Миронова. В отличие от нее, «Берлога» как Интернет-технология не применялась для продвижения конкретного политика, а носила партийно-ориентированный характер.

В целом социальные сети вариативны по своей функциональности. Анализ обозначенных социальных сетей партий показал, что при их создании на первый план вышли такие задачи: обретение в электронном пространстве новых сторонников, политический рекрутинг, организация коммуникации с партийными единомышленниками и получение обратной связи от активных граждан.

Приведенные примеры характеризуют предпринимаемые действия власти по инкорпорированию в Сеть. Интернет-практики социальных сетей, в которых сделан акцент на категории представителей исполнительной власти («Госбук», пермский «Шаг к цели»), формально служили повышению эффективности их работы. Но они не смогли сформироваться в живое

аутопойезисное пространство коммуникаций: ни внутренних, ни с внешним окружением (с общественностью и гражданскими активистами). Можно согласиться с взглядом медиаэксперта А. Коробкова-Землянского, что Россия не готова к появлению подобных социальных сетей, а для обретения сетевой публичности лучше подойдут обычные социальные сети или блогговые платформы²⁴².

В свою очередь на примере использования блогплатформы в проекте «Шаг к цели» нашло подтверждение выражение, что «одна и та же технология может быть использована и как средство общественного контроля, и как орудия протеста»²⁴³. Пермский проект показывает, что блог может выступить инструментом мониторинга и контроля власти, в т.ч. и за собственными звеньями.

В результате, на сегодняшний день российские Интернет-практики отличаются от зарубежных в части организации работы ресурсов, востребованности целевой аудиторией и эффективности. Нередко заявленные цели Интернет-практик не совпадают с их непосредственной реализацией. Заметим, что по целеприменению Интернет-технология зависит от субъекта политики, в чьих руках она находится²⁴⁴. Запуск многообразных проектов властью говорит о ее поиске оптимальной модели взаимодействий с обществом.

Так, важным элементом технологии взаимодействия власти и общества стали делиберативные Интернет-практики. В общем виде делиберативные электронные политические площадки – это место, предназначенное для достижения политического консенсуса, который возможен при участии граждан в государственных делах. Согласно мнению Ю.Хабермаса, при

242 У российских депутатов появится своя социальная сеть. URL: <http://www.classomsk.com/news/5169-socset-dlja-deputatov> (дата обращения - 27.03.2014)

243 Rheingold Н. Net Smart: How to Thrive Online. URL: <http://hci.stanford.edu/courses/cs047n/readings/rheingold-net-smart.pdf> (дата обращения - 26.12.2015)

²⁴⁴ Волочаева О. Гражданское общество и Интернет-коммуникация в контексте современного политического процесса// Власть. 2012. №11. С.20

демократическом устройстве государства решающее значение отводится отнюдь не результату голосования и принятому акту, но больше самому процессу обсуждения, «обмену дискурсами»²⁴⁵, где и находит свое место соединение различных мнений (т.е. консенсус).

Любое событие или факт теперь может быть вынесено в публичную плоскость, на обсуждение. Рассмотрим примеры делиберативных площадок, которые свидетельствуют об изменении формата технологий взаимодействия власти и общества. Включенность всех заинтересованных сторон в публичный дискурс, аргументация и согласование интересов характеризует современный делиберативный политический процесс²⁴⁶.

Многие авторы указывают на прямую взаимосвязь понятий публичной политики и делиберативности как принципа диалогности. К примеру, М. Риттер под публичной политикой понимает «опосредующий уровень между государственной властью и частными интересами»²⁴⁷, где происходит дискуссия о решениях и планах, после чего общественность формирует свои запросы и адресует их власти. Как подчеркивает Х.Арендт, публичное пространство – это арена действий акторов, совершаемых перед лицом друг друга, а диалог и есть сама возможность осуществления власти²⁴⁸. Таким образом, публичность почти всегда выступает в паре с коммуникационным процессом, с диалогностью или делиберацией.

Американский политолог Джозеф М. Бассет убежден, что путем делиберативных процедур должна осуществляться политическая власть. Более того, по его мнению, с помощью них можно определить общественное

245 Perote-Pena J., Piggins A. A Model of Deliberative and Aggregative Democracy. URL: http://www.lse.ac.uk/CPNSS/research/currentResearchProjects/ChoiceGroup/PDF_files/WP_7_1.pdf (дата обращения - 29.07.2014)

246 Мирошниченко И.В. Публичная политика как зонтичная концепция политической науки // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. №47. С. 359

247 Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры / Граждане и власть: новые подходы. М., 2001.

248 Арэндт Х. Пространство публичного и сфера частного. URL: http://onrevolution.narod.ru/arendt/vita_activa2.htm (дата обращения - 21.07.2015)

благо²⁴⁹. Высокую легитимность принятых делиберативным путем решений отмечал Дж. Драйзек²⁵⁰.

Современные делиберативные площадки мигрировали в электронное измерение, перестав существовать исключительно в традиционном диалоге (публичные слушания, форумы и т.д.). На сегодняшний день сектор политической делиберации в Интернете имеет тенденцию к увеличению. Этому способствуют ключевые принципы организации самой электронной среды, которая отвечает главным условиям развертывания делиберативной модели: открытости и публичности «совещательного пространства».

Делиберативная демократия всегда оперирует понятиями общественного блага, т.е. обсуждаемые вопросы должны касаться непременно проблем общественного интереса, а не узкогрупповых, корпоративных. При высказывании собственных, личных вопросов общественность, согласно Ю.Хабермасу, останется «глуха», т.к. реагирует лишь на то, что будет значимо для всех. В ходе обсуждения подвергающиеся критике мнения корректируются, остаются самые «жизнеспособные», если следовать мысли классиков коммуникативной теории. В итоге социальные субъекты влияют на государственное управление при помощи делиберации, что делает их реальными акторами в политическом процессе.

Обратившись к зарубежному опыту, увидим, что подобные практики устройства делиберативных площадок весьма распространены. В Европе и других западных странах делиберация растет снизу – от локального уровня, что более адекватно для самой концептуальной составляющей. Так, в Канаде на уровне муниципалитетов принято за правило участие граждан в процессе принятия решений по темам развития данной местности. Политический диалог выстраивается на электронных площадках в городах Голландии, куда

249 Bessette J.M. *The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and American National Government* (American Politics and Political Economy Series)// Paperback – June 1, 1997. P.76

250 Dryzek J. *Political Inclusion and the Dynamics of Democratization* //The American Political Science Review, Vol.90, No.3 (Sep., 1996).

муниципальные власти выносят в качестве повестки наиболее значимые вопросы по нормотворчеству и острым социальным темам, тем самым предлагая всем желающим обозначить свой вклад в обсуждение.

В России можно выделить две противоположные характеристики развития в отношении делиберативных технологий. Первый – власть усваивает данный принцип и имплементирует его в арсенал собственных Интернет-практик. Об этом свидетельствует обширный опыт Интернет-приемных органов власти, запуски социальных сетей и прочих площадок. Второй – процессы установления диалога с общественностью (электронным гражданским обществом) осуществляются при жестком контроле и регламентации коммуникационного процесса. Здесь проявляется проблема, свойственная в целом российской государственной машине – формализм и желание действовать «по вертикали». Серьезным препятствием на пути к диалогу является предубежденность политической власти, что общество не может выступать в качестве равноправного и эффективного субъекта действия²⁵¹. Исследователь Зайцев А.В. подчеркивает, что «вместо налаживания диалога с внесистемной и внепарламентской оппозицией в политическом дискурсе власти доминирует желание скомпрометировать, оппозиционных стейкхолдеров в глазах общества, и даже подвести их действия под ту или иную статью Уголовного Кодекса РФ»²⁵².

На сложности складывания процесса взаимодействия власти и общества указывают результаты следующих государственных проектов. В 2010 году провластным вариантом конструирования делиберативности выступил ресурс по внесению поправок в законопроект «О полиции» - <http://zakonoproekt2010.ru/>. В первую очередь это было вызвано высокой социальной значимостью проводимой реформы через этот законопроект,

²⁵¹ Кузьмин Д.А. Коммуникативное взаимодействие власти и общества в современной России как фактор стабильности политического режима // Вестник Поволжского института управления. 2015. №1(46). С.24-25

²⁵² Зайцев А.В. Государство и гражданское общество: дефицит диалога // Гуманитарные научные исследования. 2013. №8. С.31

поэтому власти существенно не хватало уровня легитимации наметившихся изменений. Выносить проект для широкого общественного и экспертного отклика было невыгодно, т.к. это могло спровоцировать серьезные баталии правозащитников относительно пунктов, значительно расширяющих полномочия органов полиции. Это и послужило запуском делиберативной площадки со стороны государства, вызвав естественное недовольство сектора НКО, которые назвали это «блогерской профанацией»²⁵³. Итогом работы сайта стало обсуждение всего двух законопроектов: «О полиции», «Об образовании в РФ» (с 1 декабря 2010 года)²⁵⁴, на чем его история заканчивается.

Однако частично подобные механизмы делиберации инкорпорированы в электронные политические институты парламентаризма. Например, можно обратиться к сайту Государственной Думы РФ в качестве подтверждения. Когда мы заходим в раздел «Информационные системы», то в самом первом блоке «Законы и законопроекты» обнаруживаем «Систему общественного обсуждения законопроектов - Вече»²⁵⁵, где зарегистрированы на начало 2016 года более 2700 человек²⁵⁶. Подобный по своему функционалу раздел существует и на сайте Совета Федерации РФ – «Обсуждения»²⁵⁷, где можно опубликовать свой комментарий по вынесенной законодательной инициативе, ответить или оценить на мнение других авторов. Единственный нюанс – нормативно не зафиксировано, что взгляды пользователей будут учитываться.

Реальной площадкой, где можно получить возможность делиберации в Сети во взаимодействии с исполнительной властью, стал «Единый

²⁵³ Обсуждение закона «О полиции». URL: <http://www.yuga.ru/news/198259> (дата обращения - 17.11.2014)

²⁵⁴ Законопроект 2012. URL: <http://zakonoproekt2012.ru/#law/edu> <http://www.gosbook.ru/about> (дата обращения - 17.11.2014)

²⁵⁵ Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/> (дата обращения - 09.02.2015)

²⁵⁶ Система электронного обсуждения «Вече». <http://veche.duma.gov.ru/> (дата обращения - 09.01.2016)

²⁵⁷ Раздел «Обсуждения» официального сайта Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/> (дата обращения - 09.01.2016)

портал»²⁵⁸, служащий для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. Разработчиком ресурса является Министерство экономического развития РФ. И, как уже было сказано, на «Едином портале» каждый пользователь обладает правом оставить свой комментарий, отреагировать на правовые акты исполнительной власти²⁵⁹. Сайт постоянно обновляется, содержит большое количество нормативных актов ведомств, находящихся в стадии «обсуждаемых». Эта информация указывает на любопытное явление, когда институты законодательной власти фактически являются закрытыми и неготовыми работать с социумом в режиме политического диалога. Нормативные акты ведомств, чаще всего, не задевают граждан в повседневной жизни, и требует комментариев и поправок сугубо со стороны экспертного сообщества, а не широких масс. Зато федеральные законодательные инициативы, направленные за общество непосредственно, остаются за рамками делиберативного механизма. Не последнюю роль в сложившейся ситуации сдерживания политической инклюзии играет и фактор существующего политического режима.

Наряду с вышеобозначенной практикой на сегодняшний день власть сумела найти удобный для себя вариант, куда можно направить электронные гражданские инициативы. Вместе с делиберативными площадками властью запущены сайты, напоминающие ресурсы «мониторинговой демократии» оппозиции. На них гражданам предлагается сконцентрировать свои инициативы для решения вопросов, связанных с повышением комфортности бытовой среды, т.е. включиться в процесс контроля за благоустройством и жилищно-коммунальным хозяйством. Идея подобных Интернет-практик

²⁵⁸ Официальный сайт «Единый портал». URL: <http://regulation.gov.ru/index.html> (дата обращения - 09.01.2016)

²⁵⁹ Публичное обсуждение на Едином портале. URL: http://regulation.gov.ru/project/19705.html?point=view_discussion&stage=2&stage_id=13671 (дата обращения - 19.06.2015)

возникла и была апробирована несколько ранее (с 2010 по 2013 год), как было отмечено во второй главе, общественными активистами и лицами российской оппозиции. Общественный деятель Алексей Навальный явился инициатором ряда крупных проектов: РосПил, РосЯма, РосВыборы и т.д. Идея платформы «РосПил»²⁶⁰, которая была создана для борьбы с коррупцией и злоупотреблениями в сфере государственных закупок, была перенесена на проект Национального института исследований глобальной безопасности (НИИГБ)²⁶¹ - «ВзяткеНЕТ.рф»²⁶². Другими примерами создания государственными структурами «Интернет-клонов» оппозиции являются проекты «РосЯма» и «РосЖКХ». Изначально функционирование данных ресурсов создавало эффект того, что благодаря «сайту-посреднику» решаются насущные проблемы населения, т.е. главным «героем» становился А.Навальный и его команда, которые придумали проект и реализуют его на привлеченные фандрайзинговым способом средства.

Властью было принято решение запустить аналогичные проекты, вобравшие в себя все основные темы, которые тревожат граждан страны. За 2012-2015 годы появились новые виды Интернет-практик прогосударственного характера. Данные сервисы располагаются либо на платформе государственной/муниципальной структуры (Администрации губернатора, главы города и т.п.), либо просто организованы существующей властью. Поэтому, обращаясь к сервису, человек сразу включается в коммуникацию с органами власти, избегая «посредников», в отличие от варианта А. Навального. Соответственно гражданин, чья проблема была решена, переносит позитивное ощущение на государственные структуры, которые среагировали на обращение. В итоге это должно вести к росту доверия и уважения к институтам исполнительной ветви, а сам пользователь

²⁶⁰ Сайт «РосПил». URL: <http://rospil.info/> (дата обращения - 06.03.2015)

²⁶¹ Национальный институт исследований глобальной безопасности. URL: <http://www.niiglob.ru/> (дата обращения - 28.03.2015)

²⁶² Сайт проекта «ВзяткеНЕТ.рф». URL: <http://xn--blagagpt6ae5i.xn--plai/> (дата обращения - 28.03.2015)

ресурса, таким образом, развивает чувство гражданской ответственности и заинтересованности в делах муниципалитета, района и т.п.

Во многих крупных городах действуют обозначенные сервисы, что позволяет иначе посмотреть на вопрос формирования гражданской активности и выстраивания взаимоотношений власти и общества. «Первопроходцем» в этой сфере стал мэр города Москвы С.С. Собянин, по инициативе которого в 2012 году заработал сайт «Москва - наш город»²⁶³. В качестве ключевых задач этой электронной площадки обозначены следующие: получать от москвичей информацию о деятельности органов власти; контролировать своевременность и качество проводимых работ на объектах городского хозяйства; указывать на незаконное размещение объектов; предлагать дополнительные работы по благоустройству дворов; оценивать работу органов власти и т.д. В 2014 году стартовал проект «Санкт-Петербург – наш город»²⁶⁴, пока работающий в тестовом режиме, но полностью идентичный по своей «начинке» столичному сервису. Тенденция разошлась и по другим крупным городам России, так в Казани на сайте «Открытый Татарстан» действует выкладка «Народный контроль», повторяющая инициативы центра²⁶⁵. К началу 2015 года заработал проект по подаче жалоб относительно состояния ЖКХ и в городе Перми²⁶⁶.

На сегодняшний день идея «зеркальной мониторинговой демократии» политической властью широко востребована, о чем свидетельствует рост количества идентичных по направленности электронных ресурсов. Объясним вводимое понятие «зеркальности» - власть путем данных сервисов контролирует собственно себя (работу политических институтов), но при помощи граждан. Причем, передаваемые механизмы контроля гражданам

²⁶³ Сайт проекта «Москва – наш город». URL: <http://gorod.mos.ru/?show=about> (дата обращения - 07.11.2014)

²⁶⁴ Сайт проекта «Санкт-Петербург – наш город». URL: <http://gorod.gov.spb.ru/> (дата обращения - 07.11.2014)

²⁶⁵ Официальный сайт «Открытый Татарстан». URL: <https://open.tatarstan.ru/expertise> (дата обращения - 07.11.2014)

²⁶⁶ Сайт проекта «Решаем вместе» Администрации города Перми. URL: <http://www.gorodperm.ru/social/reportproblem/report/> (дата обращения - 07.02.2015)

крайне регламентированы и ограничены, т.е. тоже регулируются властью, что создает эффект «зеркального мониторинга». Итог: власть следит за собой «глазами граждан», направляя в это же время их взгляд в нужное (т.е. «политически безопасное») для себя место – на благоустройство, к примеру.

В настоящее время акцент с федеральных коммуникационных практик перемещается на развертывание диалогового процесса на локальном уровне. «Территориальные сообщества» субнационального уровня сейчас ярче превращают «место» в политический контекст²⁶⁷, что делает их привлекательными с точки зрения реализации гражданской активности и установления диалога. Локальные сообщества получили в свои руки инструменты построения диалога с властью. В качестве наиболее значимого примера возьмем упоминавшийся выше проект «Как сделать лучше наше Подмосковье», стартовавший в 2013 году и продлившийся с июня и до конца августа. Согласно предложенным критериям, Интернет-практика является прогосударственной инициативой регионального уровня (реализована администрацией губернатора Подмосковья), хотя официальным организатором числится Фонд общественного мнения (ФОМ).

Суть проекта состоит в том, что в обозначенный период каждый желающий мог высказать собственные предложения относительно улучшения качества жизни на данной территории по самым разным аспектам. В результате чего было сформулировано более 3 тыс. задач. Участие приняло около 6 тыс. населения, которые не только выдвигали собственные инициативы (минипроекты), но и обсуждали идеи других, голосуя за самый лучший вариант. Итогом Интернет-делибераций представителей сообщества Подмосковья стала сформированная «народная карта». По мнению и.о. губернатора А.Ю. Воробьева, «это новый способ управления регионом совместно с населением». Им была раскритикована

²⁶⁷ Сообщества как политический феномен/под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.22

работа общественных палат муниципалитетов, и в качестве «бонуса» для гражданских активистов озвучено предложение войти в эти структуры (тем самым решить проблему с низкой эффективностью этого института).

Благодаря Интернет-пространству как основе интеракций удалось воплотить данный проект в жизнь, т.к. традиционные каналы не смогли бы обеспечить всеобщей делиберации жителей, прозрачности механизмов отбора предложений и т.п. Кроме того, этот кейс показывает возможный вариант воплощения концепта «прямой демократии» в конкретных российских условиях. Единственной сложностью при всем положительном эффекте ситуации является контроль над реализацией принятых «народных» решений, что будет означать состоявшийся конструктивный «диалог», дающий основание полагать, что в следующий раз локальные Интернет-коммуникации также состоятся. Однако, как показывает мониторинг, на данный момент многие из сформированных задач Подмосковья находятся на стадии «ожидания» воплощения.

В свою очередь разрыв между согласованными планами и предпринятыми властью действиями может только обострить проблему гражданско-политического сплина, привести к разочарованию в новых инструментах влияния – Интернет-практиках. По мнению К.А. Сулимова, «государство пока придерживается преимущественно технологического подхода к инновациям, имеющим социальное значение»²⁶⁸, что ведет к воспроизводству традиционной схемы властных отношений, имитации демократических принципов. Внедряя интерактивные площадки, как на федеральном, так и на локальном уровне, без дальнейшей реакции на принятые решения, государство рискует сделать «два шага назад, при одном вперед» и попасть в ловушку, в которой политическое участие в лучшем случае будет сводиться к «заявительной активности». Стоит заметить, что и

²⁶⁸ Идеологии, институты, коммуникации: политическая теория для политической жизни/К.А. Сулимов. Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. С.21

так электронные ресурсы власти в большинстве своем построены в РФ именно на этом принципе, сводящим гражданскую инициативу к тривиальной функции подачи жалоб на работу региональных/муниципальных властей (проекты «Красивая столица», «Наш город Москва» и т.п.) – реактивной функции.

Развитие взаимодействия и повышение эффективности политического диалога возможно, по нашему мнению, через вращение Интернет-практик делиберативного (проактивного) характера в политический процесс территорий. Это позволит совместно вырабатывать решения местных вопросов. Например, в проекте «Как сделать лучше наше Подмосковье» граждане напрямую участвуют в распределении бюджетных средств, т.к. отобранные инициативы гражданских активистов встраиваются в социальные, градостроительные и прочие статьи главного финансового документа локальности. Тем самым граждане наделяются политическими ресурсами влияния: правом участия в распределении средств. Это является центральным звеном в реализации принципов функционирования муниципальных образований – «осуществление народом своей власти... непосредственно и (или) через органы МСУ»²⁶⁹. Решение вопросов насущной жизнедеятельности людей важно, как на уровне муниципалитета, так и региона.

Проявившиеся активисты вполне могут составить гражданское ядро определенной территории в виде групп интересов (ассоциаций») при повторяющихся делиберативных Интернет-практиках. Тогда можно будет говорить о внутренней конкуренции гражданских активистов и экзогенной борьбе альтернативных путей движения локальной территории вперед. Благодаря внутреннему конструктивному соперничеству идей и интересов

²⁶⁹ ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. ст. 1 п.2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198638/ (дата обращения - 12.07.2015)

рождается, как отмечают исследователи²⁷⁰, качественно новое состояние территории, а также качественно новое гражданское общество. Ведь чем успешнее будут воплощенные общественностью решения, тем больший положительный эффект получит каждый член локального сообщества для себя.

Избежать проблемы «безбилетника»²⁷¹, по мнению автора, поможет введение преференций для активных граждан, участвующих в Интернет-практиках. Предложение о вхождении в Общественные палаты муниципалитетов Подмосковья – реальный инструмент для поощрения проделанной работы. Другой метод вознаграждения за общественную работу апробирован на площадке «Активный гражданин»²⁷² - система накопления баллов и последующий обмен их на городские услуги. Интернет-ресурс позволяет отследить и увидеть весомых и авторитетных гражданских активистов, чьи предложения наиболее отвечают потребностям локальности, что также может являться стимулом для деятельности.

В качестве принципиального добавления стоит указать правила, нарушение которых, по мнению автора, будет означать крах делиберативной Интернет-технологии. Во-первых, реакция власти на согласованные народные предложения, т.е. обеспечение финансовыми, организационными и прочими ресурсами со стороны властных институтов. Во-вторых, минимизация сращивания административного аппарата и гражданских активистов. Этот принцип поможет сохранить живую конкуренцию, а не обращаться к традиционной редукции гражданско-политической деятельности – вертикальному корпоратизму, свойственному многим регионам страны²⁷³. Политические акторы и (или) бизнес-структуры, что

²⁷⁰ Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М., 2010. С.76-77

²⁷¹ Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. / М. Олсон. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. С.45

²⁷² Сайт проекта «Активный гражданин». URL: <http://ag.mos.ru/> (дата обращения - 12.07.2015)

²⁷³ Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М., Наука, 2003. С. 167

также немаловажно, не должны использовать делиберативные Интернет-площадки как механизм имплицитного лоббирования собственных интересов. Заключительный пункт – открытый характер делибераций, беспристрастная экспертная оценка идей со стороны политических институтов.

Таким образом, играя, на первый взгляд, инструментальную роль, Интернет-практики несут потенциальный импульс преобразования социально-политического взаимодействия и обеспечения базы для конструктивных гражданских инициатив. Новации в сфере электронных коммуникаций создают рычаги для становления современного формата диалоговости власти и общества, преодоления политической пассивности населения. Остается только вопрос, сможет ли заложенный импульс найти выход и правильное (неискаженное) применение властью и обществом. Крайне важно, чтобы делиберация в Интернете как политическая инициатива власти не свелась просто «к попытке заполнить пустоту между собой и обществом неким дискурсом»²⁷⁴.

Подводя итог по главе, отметим ключевые тенденции Интернет-практик, продуцируемых властью. Кризис механизма представительной демократии: падение доверия к эффективности института выборов, снижение интереса к политическим партиям как агентам, аккумулирующим и артикулирующим общественное мнение, стали одной из наиболее весомых причин поиска новых моделей взаимодействия государства и социума. По верному замечанию Огневой В.В., российская власть на сегодняшний день не имеет шансов избежать или отложить вхождение в новое коммуникационное пространство, т.к. не сможет нормально функционировать без устойчивых контактов с обществом.

²⁷⁴Шатин И.М. Монолог в Сети: совместность информационно-коммуникативных технологий в политических инициативах российской власти// Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2012. № 1 (81). С.223

Во-первых, это связано с тем, что общемировую ситуацию повсеместного внедрения ИКТ в политическую сферу невозможно игнорировать, а, во-вторых, власть сама заинтересована в участии в Интернет-пространстве, т.к. оно политизировалось, а, значит, приобрело необходимость государственного контроля и даже регулирования. Граждане через Интернет-практики предпринимают попытки давления на власть, занимаются продвижением собственных идей и позиций, со своей стороны, государство наращивает потенциал влияния на общество по средствам Интернета.

Проблему однонаправленности властных интеракций отчасти решает электронное правительство: сдвинулись вопросы межведомственного взаимодействия и коммуникационной интеграции политических институтов, пересмотра взглядов на общество исключительно как на объект воздействия, в сторону восприятия его как получателя услуг и актора. Власть не ограничивается только сервисами электронного правительства, но и постоянно создает, совершенствует собственные электронные ресурсы. Российский опыт показывает, что далеко не всегда инициативы власти относительно электронных площадок срабатывают. Например, неоднозначность вызывают проекты социальных сетей исполнительной власти, пока их эффективность вызывает большие сомнения. Также не стали триггером взаимодействия государства и общества социальные сети партий.

Среди новаций Интернет-практик власти - проекты «зеркальной мониторинговой демократии» и прогосударственные делиберативные площадки. Первые, будучи аналогами оппозиционных ресурсов, преследуют цель внутреннего (аутополитического) контроля, а также регулирования действий общественности для того, чтобы активность граждан не «выплескивалась» за установленные властью рамки. Делиберативные площадки тоже много вобрали в себя элементов, предложенных гражданскими активистами. В них заложен мощный демократический и

интеракционный потенциал, который может быть, как раскрыт (что качественно изменит взаимодействие власти и общества в РФ), так и заменен на имитацию дискуссий и участия. Особо внимание делиберативным площадкам уделяется сейчас на уровне региона (локальности). Практикуется реальная привязка «народных решений» и закрепление за ними определенных бюджетных средств. Таким образом, путем электронных делибераций у граждан появляется возможность формирования части расходов локальности, работать с политическими институтами на паритетных началах диалога.

Заключение

Развитие информационно-коммуникационных технологий послужило толчком для обширной модернизации технологии взаимодействия власти и общества. На сегодняшний день коммуникативный процесс занимает важное место в политической системе. В работе отражена эволюция научных взглядов на проблему процесса политической коммуникации, раскрыто содержание разных исследовательских позиций. Первые идеалистические взгляды исследователей относительно использования информационно-коммуникационных технологий исключительно во благо демократии в значительной мере не оправдались. Потенциал Интернет-коммуникаций как формы взаимодействия раскрылся с неожиданной стороны. Широкое и интенсивное использование Интернета привело к превращению его из топоса действий в инструмент, используемый для достижения политических задач.

В работе операционализирован термин «Интернет-практики» в качестве новой формы взаимодействия гражданско-политических субъектов в Интернет-пространстве. Показаны их возможности влияния на организацию политико-коммуникативного пространства и диалога между властью и социумом. В отличие от традиционных коммуникаций, Интернет-практики имеют целый ряд особенных свойств, среди которых: ризомность, самокоммуникации и мультимодальность, возможность аутопойезиса, доминирование слабых связей и т.д. Эти свойства предопределяют выстраивание интеракций власти и общества.

Применительно к российским реалиям можно выделить три ключевых этапа в развитии Интернет-практик. На первом этапе (2000-2008 гг.) Интернет-практики были направлены преимущественно на осуществление межличностного диалога, досугового общения. Следующий этап (2008-2012 гг.) характеризуется появлением яркого компонента политического в Интернет-практиках. С этого момента начинает формироваться электронное

гражданское общество, появляются значимые для политического процесса Интернет-практики власти и общества. С 2012 года до начала нового электорального цикла наблюдается разнообразие Интернет-практик политической направленности. В этот период наряду с жесткими вертикальными структурами офлайн-политики идет процесс интенсивного формирования различных технологий Интернет-коммуникаций, которые стимулируют власть к осуществлению собственной Интернет-активности.

Интернет-практики привели к расширению публичного пространства. Появились новые субъекты политики (в т.ч. неинституционализованные), формируется электронное гражданское общество, включающее активистов, ведущих общественную работу преимущественно через Интернет-практики. Перенесение в Сеть вопросов политического характера, привлечение общественности к обсуждению социально важных тем, закрепило политическую значимость Интернета. Рассмотренные в работе зарубежные примеры (в частности, арабских стран) указывают, что Интернет-практики при складывании определенных условий могут стать средством мобилизации и координации граждан. В России Интернет-практики также выступили в роли катализатора гражданской активности. Возможности новых технологий взаимодействия ярко проявились в РФ в период 2011-2012 годов, когда оппозиции при помощи Интернет-практик удалось организовать масштабные акции гражданского протеста, выйти за рамки обычного межличностного общения.

Политически ориентированные Интернет-практики гражданского общества являются инструментом воздействия на власть. Российская общественность, прежде всего, использует Сеть как рупор протестных настроений и выражения критической позиций относительно государственной политики. Об этом, например, свидетельствуют развернувшиеся общественные дискуссии вокруг проекта «РосПил» А.Навального не только в электронном пространстве, но и в оффлайн-среде.

Общественность путем Интернет-практик реализует свою потребность в диалоге с властью, в контроле за деятельностью политических институтов, поиске дефектов их работы и давлении на них. Неслучайно наибольшую популярность среди пользователей получили электронные сервисы так называемой «мониторинговой демократии»: «РосЯма», «РосЖКХ», «Дал слово.Ру», «Добрая машина правды» и т.д.

Другим вариантом Интернет-технологий общественности выступают ресурсы онлайн-петиций («Change.org», «Activism», «Onlinepetition.ru», «Наше мнение»), на которых поднимаются актуальные вопросы современного общества и политики. Данный инструмент является средством донесения до власти общественного мнения. Подобные Интернет-практики представляют собой попытку преодолеть коммуникативную изоляцию со стороны общества, найти свободный канал, т.к. через традиционные СМИ это сделать крайне сложно.

В ходе апробации Интернет-практики проявили неоднозначные эффекты в виде слактивизма и фейковости. Если изначально Интернет воспринимался как место, где можно найти информацию от первоисточника, то сейчас это пространство зачастую наполнено ложным контентом, а под прикрытием «гражданской журналистики» ведется работа по созданию фейков. Данная технология становится инструментом аксиологической борьбы мнений и позиций, еще больше подрывает доверие к гражданским и государственным институтам. Слактивизм – еще одно непредвиденное последствие Интернет-практик. Распространение понятия «диванные войска» указывает на преобладание в Сети большого количества «реактивных» действий пользователей, указывает на низкий уровень осмысления публикуемой в Интернете информации. Политмоб как новая форма гражданской Интернет-активности пока еще не зарекомендовала себя эффективным средством в достижении политических задач. Эти эффекты

актуализируют вопрос о пересмотре значения и влияния Интернет-практик на политический процесс.

Государство наряду с гражданскими активистами тоже активно использует Интернет-практики. Вовлечение российской власти в Интернет-практики было сопряжено с общемировой тенденцией по апробированию возможностей Сети для модернизации деятельности политических институтов. Изменить представление власти о своей собственной работе и функционировании политических институтов позволило строительство электронного правительства. Электронное правительство явилось основой для налаживания внутривластного диалога, интеграции структур разных уровней власти в одну цельную и понятную для общества организацию. Вместе с тем, работа над электронным правительством потянула за собой проведение административной реформы и модернизации власти в виде внедрения принципов «нового государственного менеджмента».

Для повышения качества работы электронного правительства и исполнительной ветви власти были организованы социальные сети для политико-управленческого характера (Госбук). Партия власти тоже пробовала выстроить диалог с общественностью также через собственную социальную сеть. Данные Интернет-практики при формальном функционировании фактически утратили потенции для развития. Проекты не оправдали возложенных на них надежд и серьезно отстают по уровню от зарубежных, но учесть их как опыт взаимодействия власти и общества необходимо.

Властью предпринимаются и другие попытки для развития конвенциональных площадок коммуникации. Эта задача возложена на делиберативные площадки власти, выполняющие функцию диалога и обратной связи. Параллельно ведется деятельность по созданию Интернет-площадок, которые по функционалу аналогичны Интернет-инициативам общественности. Например, аналоги Интернет-практик власти успешно

вытеснили сайты мониторинговой демократии гражданских активистов. Интернет-ресурсы власти стали более привлекательными в силу того, что устранилась стадия обращения к «посредникам», теперь все заявки/жалобы напрямую уходят в нужный политический институт. Подобная ситуация приводит к нарастанию конкуренции между государственными и гражданскими акторами за продвижение собственных интересов в Интернете.

Наиболее перспективным направлением государственных сервисов стали делиберативные площадки как элементы новой формы прямой демократии. Большой пласт Интернет-площадок ориентирован на решение проблем благоустройства и улучшений окружающей среды. Гражданам передаются полномочия решать самостоятельно некоторые хозяйственные вопросы. Можно предположить, что власть преследует цель нейтрализовать агрессивную и протестную активность путем привлечения общественности к деятельности на подконтрольных государству Интернет-площадках.

С точки зрения развития взаимодействия власти и общества более эффективными являются проактивные Интернет-практики, которые подразумевают глубокое включение граждан в процесс принятия решений, выражающийся в выработке собственной гражданской позиции, вынесении ее на Интернет-площадку и возможности поучаствовать в распределении бюджетных средств. Если сервисы по подаче обращений/жалоб являются «реактивными» инструментами, то делиберации – это инициативный и проактивный вариант участия общественности в политическом процессе. На примере Подмосковья показана результативность этих Интернет-практик.

Таким образом, при условии развития проактивных Интернет-практик существует реальная возможность качественной трансформации взаимодействия российской власти и общества. Пока процесс политико-общественных интеракций противоречив: взаимодействие государства и общества в Интернет-пространстве представляется взаимным контролем и

сдерживанием, конкурентной борьбой. Центральной проблемой является парадокс «взаимоисключающих тенденций»: власть и общество, с одной стороны, готовы и стремятся к кооперации и диалогу, делают реальные шаги в этом направлении, но с другой (более очевидной) – поддерживают модель конкуренции. Обе стороны действуют с учетом собственных целей, которые нередко не совпадают и поэтому не происходит синхронизации в виде конструктивного диалога. Власть во многом отошла от формалистского подхода при установлении коммуникации с обществом, но не всегда видит в нем субъекта. Интернет-практики власти в виде создания площадок для конвенционального участия не реализуют полностью свой потенциал. Но все предпосылки и основания для плодотворного сотрудничества власти и общества через Интернет-практики существуют, что актуализирует данную проблематику для политической науки.

Список литературы диссертационного исследования

Нормативно-правовые акты

1. Концепция формирования информационного общества в России. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/68568> - дата обращения 12.05.2015
2. Методика реализации концепции открытости федеральных органов власти в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d476a5cc5d405f064a.pdf> - дата обращения 09.02.2014
3. Окинавская Хартия глобального информационного общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> - дата обращения 04.09.2014
4. Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 года №98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bolsheukovcourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=8&did=7 – дата обращения 07.11.2015
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. N 478 «О единой системе информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/06/24/koncepciyadok.html> - дата обращения 15.06.2015
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2011г. N 2415-р г. Москва. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.rg.ru/2012/01/10/gosuslugi-site-dok.html> - дата обращения 29.01.2015

7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92004/ - дата обращения 21.02.2015

8. ФЦП «Электронная Россия (2002-2010 годы)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901953589> - дата обращения 13.09.2015

9. Федеральный закон от 24 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и информационных документах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ank-pki.ru/index.php/press-center-ank/law-ank/188-z3> - дата обращения 11.08.2015

10. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/183523/7/> - дата обращения 11.08.2015

11. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187038> – дата обращения 12.08.2015

12. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/07/29/informacia-dok.html> - дата обращения 12.08.2015

13. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html> - дата обращения 10.04.2015

14. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html> - дата обращения 20.04.2015

Книги, монографии, научные сборники

15. Алексеева Т.А. Государственная политика в области высоких технологий: Монография /Под ред. профессора С.В. Чемезова; Т.А. Алексеева, А.М. Игнатова. / Т.А. Алексеева. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 257 с.

16. Анохин М., Комаровский В. Политика: возможность современных технологий. / М.Анохин, В. Комаровский. – М., 1998. – 135 с.

17. Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю. Авангардные информационные технологии PR: возможности и перспективы. / М.Г. Анохин, М.Ю. Павлютенкова // Связи с общественностью в политике и государственном управлении. - М., 2001. – С. 408-425

18. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. / Х. Арндт. - СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

19. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт / А.А. Балаян, А.Ю. Сунгуров. - СПб.: отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. – 384 с.

20. Балуев Д.Г., Новоселов А.А. Роль новых СМИ в современных политических процессах Электронное учебное пособие. / Д.Г. Балуев, А.А. Новоселов. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. – 40 с.

21. Баранов Н.А. Трансформации современной демократии. / Н.А. Баранов. - СПб., 2006. – 215 с.

22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П.Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 2001. – 323 с.
23. Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. / П. Бурдьё. - М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
24. Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. / И.А. Быков. - СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – 200 с.
25. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Монография / С. В. Володенков. – М.: Проспект, 2016. – 272 с.
26. Володенков С.В., Щегловитов А. Е., Демчук А.Л. Техника работы в социальных сетях и с ресурсами Интернета. / С.В. Володенков, А.Е.Щегловитов, А.Л.Демчук. – М.: Известия, 2016. – 84 с.
27. Воронина Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. / Т.П. Воронина. - М., 1995. – 111 с.
28. Гаман-Голутвина О.В. Гражданское общество и политические инновации // Гражданское общество в инновационном измерении. Колл. монография под ред. В.И. Супруна. / О.В. Гаман-Голутвина. - Новосибирск: «Интерра». 2013. – 245 с.
29. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. / Г. Гарфинкель. - СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
30. Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. / В.Я. Гельман. - М.: МОНФ, 1999. – 240 с.
31. Государственная политика. Учебное пособие. / Под ред. А. И. Соловьева. - М.: МГУ, Москва. 2012. – 544 с.
32. Государственная политика: учебное пособие для вузов/ Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 480 с.
33. Государство и реализация идеи гражданина как потребителя // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика,

институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю.Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 285 с.

34. Гребер Д. Фрагменты анархистской антропологии. / Д. Гребер. - М.: Радикальная теория и практика, 2014. – 172 с.

35. Гриняев С.Н. Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. / С.Н. Гриняев. - М.: Харвест, 2004. – 448 с.

36. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

37. Грачев М.Н. «Электронная демократия» и «электронное правительство»: к вопросу об определении понятий с учетом реалий становления информационного общества / М.Н. Грачев // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты: сб. науч.ст. - М.: РОССПЭН, 2008. – 430 с.

38. Губанов Д.А., Новиков Д.А. Социальные сети: модели влияния, управления и противоборства. / Д.А. Губанов, Д.А. Новиков. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. – 228 с.

39. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. / Р.Даль. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. – 288 с.

40. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: Учебное пособие. / А.А. Дегтярев. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.

41. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Яковлев И.Г. Политика, политология, Интернет. / А.В. Дмитриев, В.В. Латынов, И.Г. Яковлев. - М.: Современный гуманитарный университет, 2002. – 251 с.

42. Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность: моногр. / Р.И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2008. – 240 с.

43. Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ / А. В. Зайцев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 446 с.
44. Идеологии, институты, коммуникации: политическая теория для политической жизни /К.А. Сулимов. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. – 176 с.
45. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – 173 с.
46. Ирхин Ю.В. Политология: учебник / Ю.В. Ихрин. - М.: Экзамен, 2007. – 894 с.
47. Кастельс М. Становление общества сетевых структур /М.Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. – 494 с.
48. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ.А. Матвеева под ред. В. Харитонов. / М.Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
49. Киселев А.А., Самаркина И.В. Интернет: модели и практики политического участия. /А.А. Киселев, И.В. Самаркина. - Краснодар, 2007. – 103 с.
50. Кооиман Я. Общественно-политическое правление. / Я. Кооиман. - СПб., 2001. – 332 с.
51. Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. / Д. Коэн, Э. Арато. - М.: Наука, 1992. – 784 с.
52. Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении / Ю.А. Красин // Публичная политика в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 358 с.
53. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. / В.Г. Ледяев. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 169 с.

54. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты/ Пер. с англ. С. И. Остенек. / Д. Лиллекер. – Х.: Гуманитарный Центр, 2010 – 300 с.
55. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. / Л.В. Матвеева, Т.Я. Аникеева, Ю.В. Мочалова. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 316 с.
56. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. / И.В. Мирошниченко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.
57. Моль А. Социодинамика культуры. / А. Моль. - М., 1995. – 416 с.
58. Морено Я. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. / Я. Морено. - М., 2001. – 293 с.
59. Нисневич Ю. А. Информация и власть. / Ю.А. Нисневич. - М.: Мысль, 2000. – 175 с.
60. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. / М. Олсон. - М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. – 174 с.
61. Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства. / Д. Осборн, П. Пластрик. - М.: Прогресс, 2001. – 536 с.
62. Основы политической науки / Л. С. Санистебан; пер. с испан. В.Л. Заболотного. - М.: Владан, 1992. – 123 с.
63. Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. М.А. Василика. — М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
64. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. / П.В. Панов. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.
65. Парсонс Т. О структуре социального действия. / Т.Парсонс. - М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

66. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. / С.П. Перегудов. - М., Наука, 2003. – 352 с.
67. Политическая идентичность и политика идентичности. / Под ред. И.С.Семененко. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Т.1. 2011 – 208 с., Т.2. 2012. – 471 с.
68. Политическая коммуникация в информационном обществе. / Под ред. М. С. Вершинина. – СПб., 2001. – 253 с.
69. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. / Под ред. Л.Н.Тимофеевой. - М.: РОССПЭН, 2012. – 327 с.
70. Политические коммуникации. / Под ред. А.И. Соловьева. - М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
71. Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. - М.: 2010. – 212 с.
72. Политическая социология: учебник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. - М.: Юрайт, 2012. - 300 с.
73. Почепцов Г.Г. Информационные войны. / Г.Г. Почепцов. - М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
74. Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. / Н.А. Рябченко, И.В. Мирошниченко. - Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – 173 с.
75. Соловьев А.И. Государственная политика. Учебное пособие. / Под ред. А.И. Соловьева. — М.: МГУ, Москва. 2012. – 559 с.
76. Сообщества как политический феномен. / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 248 с.
77. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. / Э.Тоффлер. - М.: АСТ, 2004. – 672 с.
78. Тоффлер, Э. Третья волна. / Э. Тоффлер. - М.: АСТ, 2010. – 784 с.

79. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений./ Р.Ф. Туровский. - М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. – 400 с.
80. Уэбстер Ф. Теории информационного общества./ Ф. Уэбсер. - М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
81. Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2т. Т.1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий /Л.А. Фадеева. - М.: РОССПЭН, 2012. – 299 с.
82. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. / Ф. Фукуяма. - М.: АСТ, 2004. – 730 с.
83. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. - СПб.: Наука, 2000. — 380 с.
84. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству. / Ф.А. фон Хайек. - М.: Экономика, 1992. – 264 с.
85. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. - СПб: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
86. Шахназаров Г.Х. Социалистическая демократия./ Г.Х. Шахназаров. - М., 1974. – 336 с.
87. Юханов Н.С. PR-технологии и политическое консультирование в российской политике: Учеб. пособие. / Н.С. Юханов. - М.: РУДН, 2008. – 175 с.

Статьи в периодических изданиях

88. Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации / Д.С. Абрамова // Гуманитарные научные исследования. - 2013. - №1. – С. 12-24
89. Авзалова Э.И. Современная дискуссия о роли Интернета в политике / Авзалова Э.И. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2014. - №1. – С. 208-213

90. Балугев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования / Д.Г. Балугев // Образовательные технологии и общество. – 2013. - №2. – С. 604-616
91. Баранов Н.А. Современные трансформации демократии: выбор России / Н.А. Баранов // Политэкс: Политическая экспертиза: Научный журнал. Т. 2. N 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. - С. 280 - 299
92. Барциц И.Н. Конституционная демократия – это свободные выборы плюс интернетизация всей страны / И.Н. Барциц // СОЦИС: социологические исследования. – 2013. - №9. – С.112-119
93. Башкарев А.А. Электронная демократия как форма политической коммуникации / Башкаев А.А. // Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И. Герцена. – 2008. – №69. – С. 25-29
94. Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам / Н.Ю. Беляева // Полис. Политические исследования. - 2011.- №3. – С.72-81
95. Бондарев Н.С. Социальные сети в политике: перспективы развития и использования в России / Н.С. Бондарев //Вестник университета ГОУ ВПО «Государственный университет управления». – 2010. - № 11. – С.255-259
96. Бондаренко С.В. Особенности созданий и функционирования площадок «электронной демократии» / С.В. Бондаренко // Полис. – 2011. - №5. – С.164-178
97. Борисова Н.В., Сулимов К.А. Реформа местного самоуправления в Пермском крае: бездействие в замкнутом круге / Н.В. Борисова, К.А. Сулимов // Вестник Пермского университета. Политология. - 2014. - №1. - С. 40-55
98. Бронников И.А. Метаморфозы гражданского общества / И.А. Бронников // PolitBook. – 2012.- №2. – С. 77-99

99. Буренко И.В., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? / И.В. Буренко, И.А. Бронников // Знание. Понимание. Умение. - 2012.- №1. – С.44-51
100. Васильева Е.В. Интернет в контексте современных теорий коммуникации / Е.В. Васильева //Ученые записки Российского социального университета. – 2010. - №10. – С. 65-73
101. Воинов Д. Политические амбиции Интернета в России / Д. Воинов // Власть. – 2007. - №2. – С. 88-91
102. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011-начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов / Д. Волков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – №2. – С.73-86
- 103.
104. Володенков С.И. Виртуальное пространство политики и его особенности/ С.И. Володенков // Обозреватель – Observer. – 2011. - №6. – С. 5-16
105. Володенков С.И. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций / С.И. Володенков //Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. – 2016. - №2. – С. 21-34
106. Волочаева О.Ф. Гражданское общество и Интернет-коммуникация в контексте современного политического процесса / О.Ф. Волочаева // Власть. – 2012. - №11. – С. 18-22
107. Гапич А.Э. Влияние виртуальных медиа на коммуникативную сплоченность в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. - 2012. - № 9. - С. 138-142.
108. Гончаров В.Э., Елизаров В.П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации / В.Э. Гончаров, В.П. Елизаров // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – 2011. - №4. – С. 168-182

109. Горшенков Г.Н. Киберкриминология: к понятию «информационная преступность» / Г.Н. Горшенков // Российский криминологический взгляд. – 2005. – № 4. – С.93-96
110. Дементьева И.Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке / И.Н. Дементьева // Проблемы развития территорий. – 2013. – №4 (66). – С. 83-94
111. Дилигенский, Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? / Г.Г. Дилигенский // Pro et Contra. – Т. 2. – 1997. – № 4. – С.77-91
112. Докука С.В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. - 2014. - № 1. - С.137-145
113. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации / Е.Г. Дьякова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. - №11. – С. 235-251
114. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу / Е.Г. Дьякова // Полис. – 2003. - №3. – С.109-120
115. Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности / Д.Г. Зайцев, В.Е. Карастелев // Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций / под ред. А.Соловьева. – М., 2013. – С.45 -51
116. Золотарева Е.В. Концептуальные основы делиберативной демократии. / Е.В. Золотарева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. -2013.- № 1.- С. 84-94
117. Игнатъев Н.П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы / Н.П. Игнатъев // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2009. - №1. – С. 131-141

118. Ишкинеева Ф.Ф. Роль информационно-коммуникационных технологий в организации эффективного взаимодействия власти и общества / Ф.Ф. Ишкинеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - №21. – С.254-257
119. Кисилев А.Г., Коновченко С.В. Информационная политика в России / А.Г. Кисилев, С.В. Коновченко // Социология власти. - 2005. - №2. - С.104-118
120. Кондратов Б.Ф. Третий возраст и Интернет / Кондратов Б.Ф. // Информационное общество. - 2009.- № 1. – С. 64-75
121. Красильников Д.Г., Троицкая Е.А. Новый государственный менеджмент и административная реформа в Пермском крае / Д.Г. Красильников, Е.А. Троицкая // Ars Administrandi. – 2009. - №1.- С. 157-166
122. Литвененко А.А. Веб 2.0. Во внешней коммуникации политических партий Германии / А.А. Литвененко // Теория и практика общественного развития. – 2012. - №2. – С. 262-264
123. Лобанова О.Ю., Семенов А.В. Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа / О.Ю. Лобанова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. - №1. – С. 124-132
124. Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. — 1995. — № 3. – С. 114-125
125. Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. 2015. №3. С. 98-101
126. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и социум: попытка системного сравнительного анализа / Ю.В. Ирхин // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. - 2005. - № 1. – С. 123-143
127. Малахова О.В. Институты гражданского общества в современной России: концепции и перспективы взаимодействия с государством / О.В. Малахова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. - №5. – С. 165-170

128. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О.Ю. Малинова // Политические исследования. - 2007. - № 1. – С. 6-21
129. Мартынов К.К. От slackтивизма к республике: почему Интернет-революции становятся реальностью / К.К. Мартынов // Логос. – 2012. - №2. – С.19-27
130. Мирошниченко И.В. Публичная политика как зонтичная концепция политической науки / И.В. Мирошниченко // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. - №47. – С. 354 – 376
131. Мирошниченко И.В. Открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления: российский опыт / И.В. Мирошниченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2014. - №4. – С. 71-78
132. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Сетевые ресурсы развития локальной политики / И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. - №5. – С. 38-48
133. Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа / Е.В. Морозова // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. - №1. – С. 60-66
134. Морозова Е.В. Экстраординарность, случайность и протест в политике / Е.В. Морозова // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. - №4. – С. 132-136
135. Никовская Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) / Л.И. Никовская // Вестник Института социологии. - 2015. - № 12. – С. 140-155
136. Новикова С.А. Политическая идентичность сетевых акторов Интернет-пространства: методологические аспекты / С.А. Новикова // PolitBook. – 2013.- №2. – С. 68-75

137. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2012. - №24. - С.45 - 55
138. Огнева В.В., Болховитина Т.С. Социально-политическая активность как фактор повышения эффективности Интернет-коммуникационного взаимодействия власти и общества / В.В. Огнева, Т.С. Болховитина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. - №2. – С. 54-65
139. Павленко В.В. Роль современных социальных сетей с социальных и политических технологиях: Мат-лы Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы / В.В. Павленко // Полис. Политические исследования. - 2013 - № 1. – С. 86-99
140. Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия / А.В. Павроз // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – 2005. - №2. – С. 238-252
141. Пономарев С.В. Государство в Сети: новые институты коммуникации / С.В. Пономарев // Власть. – 2012. - №11. – С. 38-41
142. Песков Д.Н. Интернет как политический институт в России / Д.Н. Песков // Проблемы политической трансформации и модернизации России. - М.: Московский общественный научный фонд. Серия «Научные доклады». - 2001. - № 136. – С. 216
143. Подъячев К.В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика / К.В. Подъячев // Вестник института социологии. – 2012. - №5. – С. 145-163
144. Прохоров А. Социальные сети и Интернет / А. Прохоров // Компьютер Пресс. – 2006. - №1. – С. 34-39
145. Раскладкина М.К. Интернет как информационная среда и особенности работы журналиста в эпоху новых медиа / М.К. Раскладкина // Образовательные технологии и общество. – 2004 - №. 2. – С. 247-256

146. Руткаускайте М.В. Молодежный Интернет как пространство политической социализации и идентификации современной российской молодежи / М.В. Руткаускайте // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». - 2011. - №4. – С. 100-106
147. Садилова А.В. Молодежная активность в политико-сетевом спектре// Множественные идентичности в ЕС: институциональный вызов или политический ресурс?: сб.науч. материалов/под ред. Л.А. Фадеевой; Перм. Гос.нац.иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – С. 140-147
148. Садилова А.В. Сетевые политико-коммуникативные практики молодежи в крупных региональных центрах (на примере г. Перми) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. - 2015. - №2. - С.10-14
149. Силкин В.В. Мифы в конструировании коммуникативного пространства государственного управления / В.В. Силкин // Государственная служба. - 2014. - №4 (90). - С. 70-73
150. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению / Л.В. Сморгунов // Полис. - №3. -2001. – С. 103-112
151. Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии / Л.В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. -2014. - № 4. – С. 21-37
152. Соколов А.В., Фролов А.А. Интернет-аспекты протестной активности в современной России / А.В. Соколов, А.А. Фролов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. - №4-2. – С. 280-283
153. Соколов А.В., Маклашин И.С. Особенность Интернет-пространства как площадки взаимодействия / А.В. Соколов, И.С. Маклашин // Власть. – 2013. - №12. – С. 60-62
154. Соловьев А.И. Власть и управление в структуре государственного регулирования /А.И. Соловьев //Человек. Сообщество. Управление. – 2006. - №4. – С. 46-61

155. Соловьев А.И. Государство как производитель политики / А.И. Соловьев // Полис. Политические исследования. - 2016. - № 2. - С. 90-108
156. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А.И. Соловьев // Политические исследования. - 2002. - №3. – С. 5-18
157. Соловьев А.И. Российская политология в современном контексте: субъективные заметки / А.И. Соловьев // Вестник Поволжского института управления. – 2015. - № 6 (51). – С. 10-17
158. Сунгуров А.Ю. Общественные советы как институты мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края / А.Ю. Сунгуров // Социум и власть. – 2013. - №6. – С. 48-54
159. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления / Л.Н. Тимофеева // Политические исследования. - 2009. - №5 – С. 41-54
160. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. - №12. – С. 285-297
161. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура? / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. - №11. – С. 253-270
162. Турунок С.Г. Интернет и политический процесс / С.Г. Турунок // ОНС: Общественные науки и современность. - 2001. - №2- С. 10-22
163. Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» / С.Г. Ушкин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2015. - № 3 – С. 3-8

164. Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семенов. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 134-139
165. Федорченко С.Н. Манипулятивная природа технологий политического менеджмента / С.Н. Федорченко // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». — 2014. - №2. — С. 19-23
166. Федорченко С.Н. Политический флэшмоб как отражение проблем современной молодежи: анализ российского и международного опыта / С.Н. Федорченко // Материалы II Всероссийской научной конференции «Россия 2030 глазами молодых ученых». М.: Научный эксперт, 2012. С. 65–72.
167. Хольцер М. Производительность, государственное управление и демократия / М. Хольцер // Социс, - 2008. - №4. — С. 15-23
168. Чеснаков А.А. Ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития / А.А. Чеснаков // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. -1999. - №4. — С. 65-71
169. Чирун С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности / С.Н. Чирун // Вестник Томского государственного университета. — 2010. - №332. — С. 50-54
170. Шатин И.М. Монолог в Сети: совместность информационно-коммуникативных технологий в политических инициативах российской власти / И.М. Шатин // Вестник РГГУ. — 2012. - №1 (81). — С. 217-226
171. Шестеркина Л.П., Борченко И.Д. Основные характеристики социальных медиа / Л.П. Шестеркина, И.Д. Борченко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — 2014. - №2. — С. 107-111
172. Ямельницкий О.Я. Политический флешмоб как форма горизонтальной коммуникации / О.Я. Ямельницкий // Научные ведомости Белгородского

государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. - №15 (158). – С. 154-159

Интернет-ресурсы

173. Геоинформационный портал «Москва – наш город» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gorod.mos.ru/?show=about>

174. Делиберативная платформа «PlaceAVote» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://placeavote.com/#/>

175. Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ [[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/systems/>

176. Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций РФ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://minsvyaz.ru>

177. Официальный сайт «Портал государственных услуг» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://government.ru/gos_services/

178. Официальный сайт «Открытое правительство РФ» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://open.gov.ru/>

179. Официальный сайт «Открытый Татарстан» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://open.tatarstan.ru/expertise>

180. Официальный сайт «Парламентский портал» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://portal.parlament.gov.ru./info/about/>

181. Официальный сайт «Система межведомственного электронного взаимодействия» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://smev.gosuslugi.ru/portal/>

182. Официальный сайт Совета Федерации ФС РФ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://council.gov.ru>

183. Официальный сайт «Универсальная электронная карта» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.uecard.ru/ratings-analytics/>

184. Платформа для голосования «Agora Voting» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://agoravoting.com/>

185. Сайт Ассоциации пользователей Интернета [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://freerunet.ru/work/>
186. Сайт Берлога [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://togeth.er.ru/7844791161/comand/index.shtml>
187. Сайт «Общественное обсуждение законопроектов» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakonoproekt2012.ru/#law/edu>
<http://www.gosbook.ru/about>
188. Сайт партии «The Pirate Party in English» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.piratpartiet.se/english/>
189. Сайт «Пиратская партия России» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://pirate-party.ru/>
190. Сайт проекта «Better Buy Project» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://betterbuyproject.org/cgi-sys/defaultwebpage.cgi>
191. Сайт «GCPedia» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gcpedia.ca/>
192. Сайт «LiquidDemocrasy» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://communitywiki.org/LiquidDemocrasy>
193. Сайт проекта «Активный гражданин» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ag.mos.ru/>
194. Сайт проекта «Время менять копирайт» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://changecopyright.ru/>
195. Сайт проекта «КриптоИнсталлФест» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cif.pirate-party.ru/>
196. Сайт проекта «Российская общественная инициатива» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.roi.ru/page/about/>
197. Сайт проекта «Решаем вместе» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gorodperm.ru/social/reportproblem/report/>
198. Сайт проекта «Санкт-Петербург – наш город» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gorod.gov.spb.ru/>

199. Система общественного обсуждения законопроектов «Вече» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://veche.duma.gov.ru/>
200. Социальная сеть «GovLoop - Social Network for Government» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.govloop.com/page/frequently-asked-questions>
201. Социальная сеть «Соратники» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://soratniki-online.ru>
202. Экспертная сеть по вопросам государственного управления «Госбук» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/about>

Публикации в Интернете

203. GOV 2.0: это платформа и как видит ее Tim O'Reilly [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gov2project.ru/blog/2011/02/gov-2-0-eto-platforma-kak-vidit-ee-tim-oreilly/>
204. Агитон К. Сетевые сообщества и будущее Интернет технологий. Web 2.0. [Электронный ресурс] / К. Агитон. - Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/05/31/web/>
205. Акопов Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор в современных политических процессах [Электронный ресурс] / Г.Л. Акопов. - Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1371448176_5457.pdf
206. Балугев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования [Электронный ресурс] / Д.Г. Балугев. - Режим доступа: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v16_i2/html/18.htm
207. Бегтин И. Good Governance [Электронный ресурс] / И. Бегтин. - Режим доступа: <http://www.goslyudi.ru/blog/ibegtin/112827/>
208. Блогосфера глобальной политики [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mediaguide.ru/?p=news&id=4695dc7f>
209. Богданов В. Анонимки на просвет [Электронный ресурс] / В. Богданов. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/09/11/anonim.html>

210. Волков Л., Крашенников Ф. Облачная демократия [Электронный ресурс] / Л.Волков, Ф. Крашенников. - Режим доступа: <http://cdem.ru/?Page=3>
211. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России: исчерпание государственно-центричной матрицы развития [Электронный ресурс] / Т.Е. Ворожейкина. - Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/166/680/1219/003.VOROZHEIKINA.pdf>
212. Внедрение электронной карты в транспорте [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.business-class.su/news.php?id=42714>
213. Гладарев Б.С. Градозащитные движения в Петербурге накануне «зимней революции» 2011-2012 [Электронный ресурс] / Б.С. Гладарев. - Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/110/2012_110_03_Gladarev.pdf
214. Госменеджмент. Рейтинг субъектов РФ по уровню внедрения Электронного правительства на 1 февраля 2013 года граждан [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gosman.ru/electron?news=29388>
215. Демидов М. В России запущена социальная сеть для чиновников [Электронный ресурс] / М.Демидов. - Режим доступа: <http://internet.cnews.ru/news/top/index.shtml?2010/04/12/386300>
216. Дзялошинский И.М. Медиа и социальная активность молодежи [Электронный ресурс] / И.М. Дзялошинский. - Режим доступа: <http://mic.org.ru/3-nomer-2012/134-media-i-sotsialnaya-aktivnost-molodezhi>
217. Евстифеев Р.В. Российский путь к эффективному государству [Электронный ресурс] / Р.В. Евстифеев. - Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/507/30/>
218. Журавлев О., Лобанова О., Соболева И. Изучая «Болотную»: краткий обзор академических исследований «Движения за честные выборы» [Электронный ресурс] / О.Журавлев, О.Лобанова, И.Соболева. - Режим доступа: <http://polit.ru/article/2015/05/24/bolotnaya/>

219. Захаров А.И. Психология протеста [Электронный ресурс] / А.И. Захаров.-Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/8059411/psihologicheskaya_logika_protest
а
220. Интернет в России и мире [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/voznrast_veb_polzovatelej/0-240
Исследование Web Index TNS. 2012 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://eski.mobi/files/TNS_web_index_dec2012.pdf
221. Ихрин Ю.В. Управленческий потенциал, возможности и ограничения институционализма и неинституционализма [Электронный ресурс]. / Ю.В. Ихрин. - Режим доступа: http://ars-administrandi.com/article/Irhin_2014_2.pdf
222. Количество пользователей Интернета [Электронный ресурс]. - Режим доступа:http://www.business.ua/articles/world/Kolichestvo_polzovateley_Internet_a_v_mire_na__god_sostavilo__mlrd-84971/
223. Кривошاپко Ю. Карточный фокус [Электронный ресурс] / Ю. Кривошاپко. - Режим доступа:<http://www.rg.ru/2013/05/22/karty-site.html>
224. Крыштановская О.В. В сетях прямой демократии [Электронный ресурс] / О.В. Крыштановская. - Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2010/9/9/431334.html>
225. Левада Центр: Российский медиа-ланшафт: телевидение, пресса, интернет [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf>
226. Манифест мировой социальной интернет-революции [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2007/166/4/186932.html>
227. Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении [Электронный ресурс] / И.В. Мерсиянова - Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2009/92/2009_4\(92\)_3_Mersiyanova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2009/92/2009_4(92)_3_Mersiyanova.pdf)
f

228. Мокрушина Е.В. Воздействие политического PR на молодежь в социальных сетях [Электронный ресурс] / Е.В. Мокрушина. - Режим доступа: http://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_6/moc_soc.htm
229. Невинная И. Пенсионный фонд отчитался о доходах [Электронный ресурс] / И.Невинная. - Режим доступа:<http://www.rg.ru/2012/05/14/pensioneri-site.html>
230. Общественная и политическая активность молодежи // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_2.html
231. Общественное мнение о развитии механизмов электронного правительства и электронной демократии [Электронный ресурс]. - Режим доступа:http://egov.astrobl.ru/sites/egov.astrobl.ru/files/survey_egov_edemocrasy.pdf
232. Павленко В.В. Роль современных социальных сетей в социальных и политических технологиях [Электронный ресурс] / В.В. Павленко. - Режим доступа:<http://hsjournal.org/wp-content/uploads/2012/11/pavlenko.pdf>
233. Павлютенкова М.Ю. Интернет-диалог как новая форма политического участия граждан [Электронный ресурс] / М.Ю. Павлютенкова. - Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/marianna-pavlyutenkova-internet-dialog-kak-novaya-forma-politicheskogo-uchastiya-grazhdan>
234. Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества [Электронный ресурс] / С.П. Перегудов. - Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/files/File/2012/6/6.pdf>
235. Переслегин С.Б. Это не электронная демократия [Электронный ресурс] / С.Б. Переслегин. - Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2011/8/30/517501.html>
236. Пользователи протеста [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/1597287>
237. Поставили на карту [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2534500>

238. Попова А. Социальные сети для чиновников: Govloop.com и Госбук.Ру [Электронный ресурс] / А. Попова. - Режим доступа: <http://alenapopova.ru/egov/socialnye-seti-dlya-chinovnikov-govloop-com-i-gosbuk-ru.html>
239. Программа «Электронное правительство» будет свернута [Электронный ресурс]. - Режим доступа: NR2.ru: <http://www.nr2.ru/technology/464196.html>
240. Россия в ИТ - рейтингах [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>
241. Системы электронного документооборота [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>
242. Соловьев А.И. Медиаспособности государства как фактор развития российского [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/116347809>
243. Социальные сети в России сегодня: цифры, тренды, прогнозы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-2012-13-cifry-tren/>
244. Субботина С. Россияне не понимают, что такое электронная демократия [Электронный ресурс] / С.Субботина. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/557741>
245. Сунгуров А.Ю. Государство и гражданское общество: как может иерархическая структура взаимодействовать с сетевой? [Электронный ресурс] / А.Ю. Сунгуров. - Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Sung_gos-vo.pdf
246. Сунгуров А.Ю. Структуры гражданского общества и их взаимодействие с властью в России [Электронный ресурс] / А.Ю. Сунгуров. - Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_struktury.pdf

247. Фадеева Л.А. Политико-ценностное пространство в измерении Фейсбук [Электронный ресурс] / Л.А. Фадеева. - Режим доступа: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/1/19.pdf>
248. ФОМ: Гражданская активность в интернете [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10985>
249. Электронное правительство: Чиновники и ИТ-компании обсудили главные задачи [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gov.cnews.ru/reviews/index.shtml?2014/03/28/566122_7
250. Энциклопедия Wikipedia, как инструмент governance 2.0 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://e-gov.by/best-practices/wikipedia-egovernance20>
251. Электронный гражданин для пожилых людей [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ecdl.su/pages/e_citizen_forpens/
252. Ярошевский М. Вчера и сегодня «облачной демократии» [Электронный ресурс] / М.Ярошевский. - Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24225528.html>

Литература на иностранном языке

253. Barnes J. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations - 1954. - №7. – P. 39-58
254. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: Basic Books, 1973. – 375 pp.
255. Benschop A. NetActivisme en WolkBewegingen // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sociosite.org/wolkbewegingen.php>
256. Bessette Joseph M. The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and American National Government. - University of Chicago Press, 1997. – 256 pp.
257. Bimber, Bruce The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism / Bruce Bimber. – In: Polity, 1998. – P. 133-160

258. Blumer H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism. Perspective and Method. – Oakland: University of California Press, 1986. – 208 pp.
259. Boyne G. Public and private management: What's the difference? // Journal of Management Studies - 2002. - №39 (1). – P. 97-122
260. Bryant W.D. Cyberspace superiority. A conceptual model // Air & Space Power Journal. — 2013. - №27. – P. 25-37
261. Carlson J. Television Entertainment and Political Socialization. In: Vermeer Jan. P. In «Media» Res: Readings in Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw - Hill , Inc ., 1995. – P. 47-55
262. Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process. - Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1989. – P. 172-180
263. Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol.1. - Wiley-Blackwell, 2009. – 656 pp.
264. Clift S. E-Governance to E-Democracy: Progress in Australia and New Zealand [Электронный ресурс] / S. Clift. - Режим доступа: <http://www.publicus.net/articles/aunzedem.html>
265. Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // Hablin A., Petit B. (Eds.). The Good Polity. Oxford: Oxford University Press, 1989. – P.5-18
266. Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G. Almond, G. Powell. Glenview, 1988. – 537 pp.
267. Czitrom, D. J. Media and the American mind: From Morse to McLuhan. - Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1982. – 254 pp.
268. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. – 629 pp.
269. Dyer G. Democracy and the Arabs. [Электронный ресурс] / G. Dyer. - Режим доступа: <http://www.sltrib.com/sltrib/opinion/51331398-82/democracy-arabs-societies-mass.html.csp>

270. Dryzek J. Political Inclusion and the Dynamics of Democratization //The American Political Science Review, 1996. Vol. 90. №.3
271. Edelman Capital Staffers Index 2011: Digitale Medien sind heute politische Kommunikationsrealität. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.edelman-newsroom.de/edelman-studien>
272. E-government and applications of technology to government services. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.adb.org/Documents/Papers/E-Government/egov-techgov.pdf>
273. Esseghaier M. Tweeting Out a Tyrant: Social Media and the Tunisian Revolution [Электронный ресурс] / M.Esseghaier. - Режим доступа:<http://wi.mobilities.ca/tweeting-out-a-tyrant-social-media-and-the-tunisian-revolution/>
274. Farrell H., Drezner D. W. The power and politics of blogs [Электронный ресурс] / H. Farrell, D.W. Drezner. - Режим доступа: <http://www.utsc.utoronto.ca/~farrell/blogpaperfinal.pdf>
275. Ford B. Delegative democracy [Электронный ресурс] / B.Ford. - Режим доступа: <http://www.brynosaurus.com/log/2002/0515-DelegativeDemocracy.pdf>
276. Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973. – 443 pp.
277. Gladwell M. Small Change: Why the revolution will not be tweeted [Электронный ресурс] /M. Gladwell. - Режим доступа: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell>
278. Granovetter, M. S. The strength of weak ties. // American Journal of Psychology. – 1973. - №78 (6). – P.1360-1380
279. Griffin E.A. A first look at communication theory / Em Griffin; special consultant, Glen McClish. McGraw-Hill, 2000. – 154 pp.
280. Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. – N. Y.: Viking Penguin, 1995. – 290 pp.
281. Gouldner A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy. N.Y.: Free Press, 1954. – 284 pp.

282. Holmes D. Virtual Politics. Identity and Community in Cyberspace. — London, 1997. – 291 pp.
283. Homans G.K. Social Behavior Its Elementary Forms. N.Y., 1961. – 404 pp.
284. Hamman R. Computer Networks Linking Network Communities: A Study of the Effects of Computer Network Use [Электронный ресурс] / R. Hamman. - Режим доступа: www.socio.demon.co.uk/cybersociety
285. Katz E. The Toronto school and communication research // The Toronto School of Communication Theory. Interpretations, extensions, applications. Ed. by R. Watson, M. Blondheim, R.P. M. Watson. — Jerusalem, 2007. – 366 pp.
286. Keller J. Evaluating Iran's Twitter Revolution [Электронный ресурс] / J. Keller. - Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2010/06/evaluating-irans-twitter-revolution/58337/>
287. Krapp P. Terror and Play, or What was Hacktivism? // Grey Room. — MIT Press, 2005. — № 21. – P.70-93
288. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / Bryson J.(ed.).The Communication of Ideas. N.Y.: The Free Press, 1948. – 296 pp.
289. Luhmann N. Was ist Kommunikation / Information Philosophic Marz 1987. – 296 pp.
290. Mead G.H. The Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan. 1979. – 294 pp.
291. Marshall T. Poe A History of Communications: Media and Society from the Evolution of Speech to the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 352 pp.
292. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington, 1983. – 171 pp.
293. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living (1973) // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980. P. 63—134.

294. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: PublicAffairs, 2011. – 431 pp.
295. McQuail D. Mass communication Theory: An Introduction - Second Edition. – Beverly Hills, CA: SAGE Publications, 1987. – 352 pp.
296. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide [Электронный ресурс] / P. Norris. - Режим доступа: <http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Books/Digital%20Divide.htm>
297. Norris P. Public Sentinel: News Media and the Governance Agenda. :World Bank, 2009. – 440 pp.
298. Nye Joseph S. The Powers to Lead. Oxford University Press, 2008. – 226 pp.
299. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. Addison-Wesley: Reading, MA, 1992.- 405 pp.
300. Perote-Pena J., Piggins A. A Model of Deliberative and Aggregative Democracy [Электронный ресурс] / J. Perote-Pena, A. Piggins. - Режим доступа:http://www.lse.ac.uk/CPNSS/research/currentResearchProjects/ChoiceGroup/PDF_files/WP_7_1.pdf
301. Rheingol H. The Virtual Community [Электронный ресурс]/ H.Rheingol. - Режим доступа: www.rheingold.com/vc/book.
302. Schramm W. The beginnings of communication study in America: A personal memoir. - Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. – 240 pp.
303. Shirky C. How social media can make history [Электронный ресурс] / C. Shirky. - Режим доступа: http://www.ted.com/talks/clay_shirky_how_cellphones_twitter_facebook_can_make_history/transcript
304. Simonson P. Writing figures into the field: The history of media and communication research. - New York: Peter Lang, 2008. – 320 pp.

305. Smith A. Civic Engagement in the Digital Age [Электронный ресурс] / A. Smith. - Режим доступа: <http://www.pewinternet.org/2013/04/25/civic-engagement-in-the-digital-age/>
306. Sohail R.M., Chebib N. The Reasons Social Media Contributed to the 2011 Egyptian Revolution //International Journal of Business Research and Management, 2011. P. 54-62
307. The Global Information Technology Report 2013 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/04/WEF_GITR_Report_2013.pdf
308. Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. – 2nd ed. – Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1961. – 232 pp.
309. Wright Q. Problems of Stability and Progress of International Relations. Politics and International Stability. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1954. - 271 pp.

Диссертационные исследования

310. Акопов Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор в современных политических процессах: дис. ...д-ра. полит. наук: 10.01.10/ Акопов Григорий Леонидович. - Ростов на/Д, 2011. – 336с.
311. Бухарбаева А.Р. Политическая коммуникация в условиях легитимации и делегитимации власти в современной России: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Бухарбаева Асия Радолевна. – М., 2013. – 210 с.
312. Лекторова Ю.Ю. Политические коммуникации в сетевом ландшафте: акторы и модели взаимодействия: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Лекторова Юлия Юрьевна. - Пермь, 2011. – 148 с.
313. Лобанова О.Ю. Политическая мобилизация в городской среде: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Лобанова Олеся Юрьевна. – М., 2015. – 157 с.

314. Мастерова Ю. И. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Мастерова Юлия Игоревна. – М., 2009. – 186 с.
315. Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: дис. ...д-ра. полит.наук: 23.00.02/ Мирошниченко Инна Валерьевна. - М., 2013. – 310 с.
316. Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: дис. ...д-ра. полит.наук: 23.00.02/ Михайлова Ольга Владимировна. – М., 2014. – 335 с.
317. Пономарев С. В. «Электронное правительство»: административные и гражданские практики в современной России: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Пономарев Сергей Витальевич. – М., 2014. – 202 с.
318. Романенко О. В. Финансирование политических партий в России: конституционно-правовые проблемы: Дис.канд. юрид. наук: 12.00.02/ Романенко Олег Владимирович. – М., 2004. – 197 с.
319. Троицкая Е.А. Административная реформа в современной России в контексте концепции нового государственного менеджмента: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Троицкая Елизавета Александровна. - Пермь, 2011. – 243 с.
320. Чугунов А.В. Политика и Интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий: дис. канд. полит. наук: 23.00.01 / Чугунов Андрей Владимирович. - СПб., 2000. – 179 с.

